

Далевское литературоведение

Выпуск 2
Часть 1

Министерство образования и науки Украины
Государственное учреждение «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
Восточноукраинский центр изучения литературы
и методики ее преподавания
Института педагогики АПН Украины

ДАЛЕВСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сборник научных работ

Выпуск 2
Часть 1

Луганск
ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко»
2010

УДК 821.161.1 – 3.09 + 929Даль
ББК 83.3(4Рос) – 8Даль
Д–15

Р е ц е н з е н т ы:

Штейнбук Ф. М. – кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Крымского государственного гуманитарного университета (г. Ялта).

Акинъшина И. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и издательского дела Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

Далевское литературоведение : сб. науч. работ. Выпуск 2. Ч. 1. – Д–15 Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2010. — 256 с.

В сборнике научных работ, составленном по итогам Международной научно-практической конференции «Далевское литературоведение – 2009», рассматриваются актуальные вопросы современной филологии и методики преподавания.

Сборник адресован широкому кругу читателей: студентам-филологам, магистрантам, аспирантам, преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, а также всем, кто интересуется творческим наследием В. Даля.

**УДК 821.161.1–3.09+929Даль
ББК 83.3(4Рос)–8Даль**

*Рекомендовано к печати Учёным советом
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 7 от 26 февраля 2010 года)*

© Коллектив авторов, 2010
© ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Напутное.....	5
<i>В. И. Даль в литературоведческих исследованиях</i>	
Фокеев А. Л. Истоки этнографического направления в русском реализме 1840 – 1850-х годов (В. И. Даль).....	6
Юган Н. Л. Сказочное творчество В. И. Даля в русской критике («Сын Отечества» и «Библиотека для чтения»).....	16
Старецкий Т. В. Комедийная поэтика сказки В. И. Даля «Про жида вороватого и про цыгана бородатого».....	57
Мусий В. Б. В. И. Даль об особенностях миропонимания человека из народа («Хмель, сон и явь» и «Денщик»).....	70
Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю. Тематическое и жанровое разнообразие произведений В. И. Даля оренбургского периода.....	82
Юган Н. Л. В. И. Даль в славянофильском издании «Московский литературный и ученый сборник».....	93
Москалюк Б. А. «Журналистика путешествий» Владимира Даля и современность.....	129
Матвиевская Г. П. В. И. Даль и украинская культура (оренбургский период жизни писателя).....	138
Бычков Д. М. Нижневолжский локус в художественной топографии прозы В. И. Даля (мифотектонический контекст).....	145
Евдокимов М. О. Прислів'я та приказки в збірці В. І. Даля «Солдатские досуги» як джерела відомостей про особливості менталітету російського солдата.....	154
Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Оренбургские друзья В. И. Даля: Иван Викторович Виткевич (1809 – 1839).....	178
Большакова Т. Л. Первым о Мигурских рассказал В. Даль.....	188
Царева В. П. Далевская аргументация в исследовании В. П. Тимофеева «Другое слово о полку Игоре».....	199

Ткачева П. П. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как инструмент определения границ жанра произведения В. С. Высоцкого «Жил-был добрый дурачина-простофиля...».....	209
Клейменова Р. Н. Счастливое место на Пресне: экскурсия по Музею В. И. Даля в г. Москве.....	222
Большакова Т. Л. Вклад Л. Н. Большакова в развитие современного литературного краеведения.....	226
Пирого Н. Г. Особенности художественного видения мира Николая Клюева.....	242
<i>Сведения об авторах</i>	254

НАПУТНОЕ

Предлагаемый сборник научных трудов составлен по итогам Международной научно-практической конференции «Далевское литературоведение – 2009», состоявшейся на кафедре всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко 3 – 4 декабря 2009 г. В него включены работы исследователей далевского художественного творчества, фольклорно-этнографических разысканий и «Толкового словаря живого великорусского языка» Украины (Луганска, Одессы, Ялты, Запорожья, Тернополя, Луцка, Горловки), России (Москвы, Оренбурга, Саратова, Астрахани, Воронежа, Томска) и Республики Беларусь (Минска).

Второй выпуск «Далевского литературоведения» объединил в себя литературоведческие и лингвистические исследования по теме, научно-методические разработки о Казаке Луганском для вуза и школы, литературные произведения о личности составителя великого Словаря и их анализ, информацию о Музее в г. Москве. Фигура В. И. Даля, таким образом, представлена в сборнике многоаспектно – писатель, этнограф, фольклорист, лингвист.

Все материалы рассчитаны на широкий круг читателей, но, прежде всего, адресованы научным сотрудникам, вузовским преподавателям, учителям-словесникам различных учебных заведений, аспирантам и магистрантам.

Надеемся, что работа по комплексному изучению творческого наследия В. И. Даля (Казака Луганского), начатая в Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко, в дальнейшем будет иметь успешное продолжение.

Редколлегия.

В. И. Даль в литературоведческих исследованиях

УДК 882:82-3

*А. Л. Фокеев
(Саратов)*

ИСТОКИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ РЕАЛИЗМЕ 1840 – 1850-х ГОДОВ (В. И. ДАЛЬ)

А. М. Горький, размышляя о закономерностях развития русской литературы, неоднократно выделял целый ряд писателей, в творчестве которых он усматривал общие родственные черты. Так, в «Истории русской литературы», говоря об этнографизме В. И. Даля, писатель отмечал, что такая фигура, как Даль, повторяется в русском реализме в лице Решетникова, Г. Успенского, Наумова, Нефедова, имеющих немало общего с ним [1, с. 187].

Таким образом, М. Горький справедливо осознавал определенную «школу» или даже «направление» в развитии русской литературы, восходящее к творчеству Казака Луганского. Позднее эта мысль конкретизируется в высказываниях советских исследователей, проясняется и главный творческий метод В. И. Даля как родоначальника этого направления – этнографизм. В статьях и монографиях Г. Виноградова, М. Канкавы, В. Гусева, В. Базанова, В. Соколовой появляется упоминание об этнографической школе, которая, однако, нигде специально не исследуется. Важно отметить, что в литературной критике середины XIX века термин этнографическое направление был общепотребительным и осознавался.

Если в сороковые, в начале пятидесятих годов это направление нередко ассоциировалось с «крестьянской темой» в литературе, то в шестидесятые годы журнал

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Современник» прямо заявлял о небывалом расцвете этнографической беллетристики, общественно-этнографического направления. Одним из его ярких представителей в то время считался С. В. Максимов. Однако основоположником этнографического направления, как нам представляется, был В. И. Даль. Современная писателю критика и в частности В. Г. Белинский много сделали для уяснения роли и места Казака Луганского в литературном процессе тех лет. Верные оценки В. Г. Белинским В. И. Даля поражают глубиной и точностью и сегодня, служат критерием в подходе к изучению творчества писателя современными исследователями.

Определяя место В. И. Даля в литературном процессе 40-х годов, В. Г. Белинский раскрыл родственные черты его творчества и современной реалистической очерковой литературы, извлекающей эстетические ценности из познания закономерностей социального быта, а не из следования догматическим правилам стилистики.

В. Г. Белинский пишет о В. И. Дале: «В физиологических очерках лиц разных сословий он – истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и грязном значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле – воспроизведении действительности во всей ее истине» [2, с. 399].

Критик относил физиологический очерк к сфере истинной поэзии, не признающей ограничений в своей верности реальности.

В. Г. Белинский прекрасно понимал значение В. И. Даля, первого «беллетриста» натуральной школы. Он описал все края России, знал быт и нравы народов. Сам автор называл себя собирателем. Он умел занятно рассказать в сказовой манере услышанную «бывальщину», в точности копируя язык простонародья. Беспримесная трезвость наблюдений В. И. Даля совпадала с коренными эстетическими требованиями натуральной школы.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Отмечая этнографическую функцию очеркового жанра, В. Г. Белинский осознает значение В. И. Даля как этнографа и бытописателя в его становлении.

Критик называет В. И. Даля «человеком бывалым», коротко ознакомившимся с бытом России почти на всех концах ее. Эту же мысль В. Г. Белинский развивает и в рецензии 1847 года на сборник повестей, сказок и рассказов Казака Луганского. «И в самом деле, где не бывал он? Он участвовал в польской кампании и в хивинской экспедиции, он бывал в Молдавии, в Валахии, в Бессарабии; Новороссия с Крымом знакомы ему как нельзя больше, а Малороссия – словно родина его. Он знает, чем промышляет мужик Владимирской, Ярославской, Тверской губернии, куда ходит он на промысел и сколько зарабатывает. Даль – это живая статистика живого русского народонаселения» [2, с. 82]. В данном контексте, как нам представляется, В. Г. Белинский понимает термин «статистика» не в сухом казенно-канцелярском значении, а значительно шире в плане уяснения автором всей полноты русской жизни. В. Г. Белинский подчеркивает в качестве основной черты творчества писателя – его врожденную наблюдательность, умение «мастерски схватить с натуры» изображаемые картины народной жизни. Так, в рецензии на сборник «Физиология Петербурга», в котором В. И. Даль поместил свой очерк «Петербургский дворник», В. Г. Белинский считает произведение одним из лучших у автора, «который так хорошо знает русский народ и так верно схватывает иногда самые характеристические черты» [2, с. 50].

Критик считает, что Казак Луганский своим творчеством создал особый род поэзии, в котором у него нет соперников. Он ставит В. И. Даля на первое место в русской литературе после Н. В. Гоголя.

В рецензиях В. Г. Белинский особо отмечает талант В. И. Даля – этнографа-бытописателя, подмечая, что «в повестях Луганского всего интереснее – подробности». Так, например, превосходная картина избы с резными окнами, в сравнении с малороссийскою хатою, лучше всей повести (речь идет о повести В. И. Даля «Небывалое в бывалом, или

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Бывалое в небывалом». – А. Ф.), хотя входит в нее только эпизодом и ничем внутренне не связана с сущностью ее содержания» [2, с. 42]. Именно «в подробностях» встречаются у В. И. Даля драгоценные черты русского быта, русских нравов, ценные для В. Г. Белинского. Рассказы автора незаметно обогащают читателей такими знаниями, которые вне этих рассказов не всегда можно приобрести, даже побывав там, где он бывал. И в этом снова заслуга тонкого художника-наблюдателя.

В. Г. Белинский отмечает поистине «интернациональный» круг интересов Казака Луганского. «В рассказах «Майна» и «Бикей и Мауляна» знакомит он нас с нравами и бытом кайсаков, в «Цыганке» – с молдавскою цивилизациею и положением цыган, <...> в «Болгарке» – с патриархальными нравами болгарского племени» [2, с. 42].

Главную особенность таланта писателя критик видит в особом интересе В. И. Даля к русскому человеку, его быту, целому миру русской жизни. И эта любовь – «не чувство, не отвлеченная мысль: нет! это любовь деятельная, практическая» [2, с. 80]. В. Г. Белинский показывает, что В. И. Даль прекрасно знает натуру крестьянина, знает его горе и радость, умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком.

Таким образом, этнографизм писателя воспринимается знаменитым критиком как структурный элемент художественной системы бытописателя и этнографа.

Известно, что В. Г. Белинский предполагал потенциальные возможности В. И. Даля-писателя, усиление его влияния на развитие литературы послегоголевского периода, («После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе»), возможно, это влияние, не без оснований, могло предполагать воздействие на последующую литературу и эстетической художественной системы В. И. Даля с ее этнографическими элементами.

Критик, оценивая творчество Казака Луганского, не связывает с его именем зарождение этнографического направления в русской демократической литературе. Термин «этнографическое направление» в его трудах о В. И. Дале не

Далевское литературоведение. Вып. 2.

встречается. Он появляется в русской литературной критике позднее, в связи с усилением интереса к этнографии в 60-е годы. Это время – период расцвета этнографического направления в русской демократической прозе. Этнографизм становится основополагающим элементом творческого метода целого ряда писателей. Однако В. И. Даль как бытописатель и этнограф и его творческий метод В. Г. Белинским осознаются.

Говоря о В. И. Дале, важно отметить, что многие его современники видели в нем человека «бывалого», много повидавшего в жизни, прекрасно знающего русский народ, его быт, образ жизни. Причем художественный талант писателя нередко ставился на второе место, уступая таланту наблюдателя, главного фиксатора предмета изображения.

Характерна в связи с этим оценка творчества В. И. Даля Н. В. Гоголем: «Все у него правда и взято так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся на русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизамательнейшая повесть. По мне он значительнее всех повествователей-изобретателей» [3, с. 424]

Подобные мысли высказывал и Н. А. Добролюбов. Молодой критик в заметках по поводу лекций С. И. Лебедева пишет о В. И. Дале: «Он ничего не придумывает, а все то рассказывает, что было <...> Даль первый стал изображать у нас простой быт, и изображать верно <...> До него никто не обращался к быту простолюдинов, как он» [4, с. 505].

Н. А. Добролюбов также дает очень верную обобщающую характеристику творчества писателя, называя совокупность его рассказов поэтической этнографией. В этой оценке подчеркивается главная черта художественного метода В. И. Даля.

Взгляд на художественное творчество Казака Луганского как на объективную фиксацию жизни, широко распространенный в кругу его современников, во многом опирался и на собственные высказывания писателя. Ученик

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В. И. Даля П. И. Мельников-Печерский в своих воспоминаниях о литераторе, говоря о том, что автор сам никогда не считал себя художником, приводит такое его высказывание: «Это (художественность произведения. – А. Ф.) не моих рук дело <...> иное дело выкопать золото из скрытых рудников народного языка и быта, и выставить его миру на показ; иное дело переделать высокопленную руду в изящные изделия. На это найдутся люди и кроме меня. Всякому свое» [5, с. 32]. В то же время П. И. Мельников-Печерский отмечает, что в своих повестях и рассказах Даль «имел целию изобразить черты народного быта в неподдельном его виде» [5, с. 32].

«Действительно-народным» писателем называет В. И. Даля И. С. Тургенев. Он отмечает, что, «чтобы заслужить название народного писателя в этом исключительном значении, нужен не столько личный, своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность. В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с В. И. Далем. Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев» [6]. И. С. Тургенев пишет о В. И. Дале, что быт, нравы и обычаи молдаван, цыган, болгар, киргизов он рисует мастерски, немногими, но меткими чертами. Особый талант писателя И. С. Тургенев видит в умении верно подмечать характерные черты края, народонаселения, отдельных людей. Эти же особенности творчества писателя привлекли внимание молодого Н. Г. Чернышевского, который в «Дневнике» 1848 года отмечает рассказ В. И. Даля «Маруся» с точки зрения верного воспроизведения автором народных поверий и жизни простого народа. Позднее, в 60-е годы, точка зрения революционера-демократа на произведения В. И. Даля меняется. В эпоху крутых социальных перемен Н. Г. Чернышевского не устраивает лишь «описательный» подход к изображению жизни народа без определенных социальных выводов и обобщений. Этим объясняется некоторая резкость критика в рецензии на «Картины из русского быта» В. И. Даля [7, с. 983]. Не

Далевское литературоведение. Вып. 2.

случайно рассказам Даля в рецензии противопоставлены очерки Н. В. Успенского и рассказы М. Е. Щедрина, чей талант Н. Г. Чернышевский ставит выше таланта В. И. Даля.

Такова оценка творчества В. И. Даля в 60-е годы. Однако позднее, в 70-е годы, А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» видел заслугу В. И. Даля в области беллетристики в том, что он внес в нее обильный запас этнографического материала, проложив тем самым дорогу последующим писателям, обратившимся к изображению народной жизни [8, с. 340].

Таким образом, А. Н. Пыпин констатировал влияние В. И. Даля на дальнейшее развитие русской литературы, предвосхитив оценку роли писателя в развитии этнографического направления, данную А. М. Горьким («Такая фигура как Даль повторяется в русской литературе...») и тем самым обозначил наличие данного направления в русской демократической литературе или возможность существования «этнографической школы Даля».

Таким образом, становится очевидным, что этнографизм В. И. Даля входит как конструктивный элемент в его художественную систему, корни этнографизма В. И. Даля следует искать в очерковой литературе 40 – 50-х гг. XIX века, в «физиологическом очерке», в осознании его критикой как художественного жанра.

Этнографизм как особенность художественного метода В. И. Даля, его творческий опыт этнографа и бытописателя оказали влияние на развитие русской демократической литературы. Не случайно А. М. Горький определяет место В. И. Даля в начале целого ряда писателей, объединенных творческим методом и идейными устремлениями, имеющими немало общего с ним «как в манере писать, так и в отношении к материалу» [1, с. 187]. Он отмечает, что В. И. Даль не художник, а этнограф и его очерки – «простые описания натуры такою, какова она есть» [1, с. 187]. Для А. М. Горького далевские очерки народной жизни, нравов, обычаев представляют огромный интерес, ценность как правдивые исторические документы, детально исследующие жизнь крестьян 40-х гг. XIX в.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Таким образом, с творчеством В. И. Даля в русской литературе зарождается этнографическое направление, суть которого не только в овладении писателем особой эстетической системой: художественными принципами, художественным методом, жанрами, сюжетосложением, стилем, разработкой тем и героев, но и в ее влиянии на последующую демократическую литературу.

Могут быть выделены общие существенные черты поэтической системы художественных произведений как В. И. Даля, так и воспринимающих его концепцию писателей, идущих вслед за ним. К ним относятся:

1. Погружение в стихию народной жизни как основной компонент произведений.
2. Национальная стихия речи, языковая и стилистическая интерпретация и использование народной, фольклорной фразеологии, элементов фольклора как стилеобразующего фактора.
3. Демократизация средствами фольклора и этнографии содержания и языка художественного произведения, введение в литературу жанра сказа.
4. Фактографический, документальный характер этнографизма, фактическая достоверность, фольклорно-этнографический колорит, использование подлинного фольклора, фольклорно-этнографического, бытового, социального материала, насыщенность этнографическими деталями.
5. Тематическая широта изображения.
6. Специфика структурного характера произведения, преобладание описания над сюжетом, вставные сцены, эпизоды.
7. Широкое привлечение разных фольклорных жанров, фольклора и этнографии как источников сюжета, своеобразия метода переработки фольклорного сюжета как материала для характеристики быта и мировоззрения разных социальных групп, как художественного элемента в создании характера героя, индивидуализации его речи и средств образительности речи автора-рассказчика.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

8. Роль фольклорно-этнографических элементов в типизации образа и психологической характеристики героя.
9. Обращение к подлинному фольклору и реалистическое выражение его в конкретно-исторических условиях жизни.

В творчестве писателей, идущих вслед за В. И. Далем, приведённые выше структурно-художественные элементы находят своё выражение, несмотря на то, что фольклорно-этнографическая типология их очерков и рассказов творчески индивидуальна. И, если считать, что в основе литературной школы лежит индивидуальная художественная манера писателя, несущая в себе такие черты и свойства, которые составляют новое художественное завоевание реализма и привлекают к себе многих других писателей, то возможно говорить о далевской этнографической школе, получившей своё более осознанное выражение в русском реализме 50 – 70-х годов XIX века как этнографическое направление.

Таким образом, в общем процессе становления русского реализма, начиная с 40-х годов, заметно обнаруживается целенаправленное движение литературы к всестороннему освещению народного быта, в котором определённое место занимают этнографические элементы, выразившиеся в использовании целым рядом писателей приёмов этнографических описаний, включением в качестве средств изображения народной жизни устного народного творчества, народной речи. Разумеется, диалектика проникновения этнографических структур в художественное творчество неоднозначна. В литературном процессе 40 – 50-х годов они не становятся самодовлеющими. В целом творчество ряда писателей выходит далеко за пределы этнографизма и лишь соприкасается с ним на определённых этапах.

Литература

1. **Горький А. М.** История русской литературы / А. М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1939. – Т. I. – 340 с. – (Архив А. М. Горького).
2. **Белинский В. Г.** Полн. собр. соч. : В 13 т.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

/ В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1953 – 1959. – Т. 9 – 10. 3. **Гоголь Н. В.** Полн. собр. соч. : В 14 т. / Н. В. Гоголь. – М., 1937 – 1952. – Т. 8. 4. **Добролюбов Н. А.** Полн. собр. соч. : В 6 т. / Н. А. Добролюбов. – М. ; Л., 1934 – 1941. – Т. 5. 5. **Мельников П. И. (Андрей Печерский)** Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк / П. И. Мельников // Даль В. И. Полн. собр. соч. : В 10 т. – СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1897. – Т. 1. – С. I – XC. 6. **Тургенев И. С.** Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. – СПб., 1846 / И. С. Тургенев // Отечественные записки. – СПб., 1847. – № 1. – Отд. V. – С. 1 – 3. 7. **Чернышевский Н. Г.** Полн. собр. соч. : В 15 т. / Н. Г. Чернышевский. – М. : ОГИЗ, 1939 – 1953. – Т. 7. Статьи и рецензии 1860 – 1861. 8. **Пыпин А. Н.** История русской этнографии : В 2 т. / А. Н. Пыпин. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890 – 1892. – Т. 1. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. – 424 с.

Аннотации

Фокеев А. Л. Истоки этнографического направления в русском реализме 1840 – 1850-х годов (В. И. Даль)

В статье выясняется роль и место личности и творчества В. И. Даля в создании этнографического направления в русском реализме 1840 – 1850-х гг. При этом автор анализирует критические работы В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, М. Горького. Он выделяет общие существенные черты поэтической системы художественных произведений как В. И. Даля, так и воспринимающих его концепцию писателей, идущих вслед за ним.

Ключевые слова: бытописание, этнография, реализм, физиологический очерк.

Фокеєв О. Л. Витоки етнографічного напрямку в російському реалізмі 1840 – 1850-х років (В. І. Даль)

У статті з'ясовується роль та місце особистості та творчості В. І. Даля у створенні етнографічного напрямку у російському реалізмі 1840 – 1850-х рр. При цьому автор аналізує критичні роботи В. Г. Бєлінського, І. С. Тургєнєва,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

М. Горького. Він виокремлює загальні суттєві риси поетичної системи художніх творів як В. І. Даля, так й письменників, що сприйняли його концепцію та йшли за ним.

Ключові слова: опис побуту, етнографія, реалізм, фізіологічний нарис.

Fokeev A. L. Ethnographical source of Russian Realism of 1840 – 1850 (V. I. Dal’)

In the article V. I. Dal's literary work is summed up; his works which are referred to chronicles of the nationalities of Russia. Besides in work a parallel between essay literature of the middle of XIX century and V. I. Dal' ethnographism is drawn. The ethnographic direction is developed by V. I. Dal' as well as a commoner life description, which was a powerful incentive to a physiological sketch development of 40's of XIX century.

Key words: chronicles, ethnography, physiological sketch.

УДК 821.161.1 – 343.09+929 Даль

*Н. Л. Юган
(Луганск)*

СКАЗОЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. И. ДАЛЯ В РУССКОЙ КРИТИКЕ («СЫН ОТЕЧЕСТВА» И «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»)

Яркое самобытное творчество В. И. Даля (Казака Луганского) 1830-х гг. не осталось незамеченным критикой. О нем писали В. Г. Белинский, Н. А. Полевой, А. А. Краевский, Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, Я. Неверов и др. [1, с. 5-9]. Наибольшее количество отзывов получила IV книга цикла «Были и небылицы Казака Луганского» (1839), в которую вошли четыре произведения: пьеса-сказка «Ночь на распутье», сказки «О Георгии Храбром и о волке», «О нужде, о счастье

Далевское литературоведение. Вып. 2.

и о правде», «Ведьма». Свое мнение, в целом положительное, выразил издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» А. А. Краевский [2].

Два других отзыва принадлежат издателям журналов «Сын Отечества» Ф. В. Булгарину и Н. И. Гречу [3] и «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковскому [4]. Все они – одиозные личности (так называемый «триумвират»), которые неоднозначно оценивались современниками и воспринимаются литературоведами.

Напомним, что «Сын Отечества» - исторический, политический и литературный журнал, созданный в Петербурге в сентябре 1812 г. Его основатель и редактор-издатель – Н. И. Греч. С 1825 г. журнал был реорганизован в двухнедельник, выходивший под редакцией Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. В 1829 г. слился с журналом Ф. В. Булгарина «Северный архив» и выходил под названием «Сын Отечества и Северный архив». С 1838 г. журнал приобрел А. Ф. Смирдин, поручивший издание Н. А. Полевому; в 1841 г. редактор – О. И. Сенковский, в 1842 – 1844 – К. П. Масальский. С середины 1844 по 1846 гг. «Сын Отечества» вовсе не выходил, в 1847 – 1852 гг. издавался под редакцией К. П. Масальского. «Библиотека для чтения» - ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834 – 1865 гг. Издателем был А. Ф. Смирдин, редактором – О. И. Сенковский с 1834 по 1849 гг. (до 1836 г. совместно с Н. И. Гречем).

В советском литературоведении и журналистике данные издания однозначно оцениваются как реакционные [5-13]. Их редакторы-издатели, объединяемые в «триумвират», считались представителями официально-консервативного лагеря [14-16].

В справочниках и учебниках подчеркивалось, что в 1840-е гг. «Сын Отечества» вел борьбу с М. Ю. Лермонтовым, Н. В. Гоголем, писателями «натуральной» школы [6-7, 9-10]. Ф. В. Булгарин (1789 – 1859) – русский журналист и писатель, был крайним

Далевское литературоведение. Вып. 2.

реакционером и беспринципным журналистом. Его издания («Сын Отечества» и «Северная пчела») проникнуты благонамеренными, верноподданническими идеями. Как литературный критик Ф. В. Булгарин выступал против А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского и реалистического направления 1830 – 1840-х гг. Ф. В. Булгарин был постоянным осведомителем политической полиции (Третьего отделения), писал доносы на писателей, которые в свою очередь считали его олицетворением политической реакции и продажности в литературе и журналистике [14-15]. Русский журналист, писатель, филолог Н. И. Греч (1787 – 1867) в 1825 г., по собственному признанию, «уже вытрезвился от либеральных идей» и вскоре стал ярким монархистом и реакционером, вел активную борьбу с передовым направлением русской литературы [16]. Журнал «Библиотека для чтения» сложился как первый в России «толстый» журнал (до 30 п. л.), положивший начало так называемому «торговому направлению» в русской журналистике. В 1830-е гг. он пользовался большой популярностью, преимущественно за счет литераторов А. С. Пушкина, Д. В. Давыдова, В. И. Даля, Н. А. Полевого и др., произведения которых О. И. Сенковский подвергал редактированию. «Библиотека для чтения» завоевала популярность в основном в провинциальных читательских слоях многообразием и пестротой публикуемых материалов, легкостью и занимательностью изложения. С 1836 г. журнал вел борьбу с «Современником» А. С. Пушкина, выступал против В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя и «натуральной школы». Передовая критика резко осуждала охранительные идеи, поверхностный тон критики, беспринципность О. И. Сенковского как журналиста, вела борьбу против «торгового направления» издания [7-12]. Личность самого О. И. Сенковский (1800 – 1858) противоречива и сложна. Он был одним из основателей русского востоковедения, путешественником и дипломатом, предприимчивым журналистом-коммерсантом. Обладая литературным талантом, эрудицией, легкостью слога, он, однако, не создал

Далевское литературоведение. Вып. 2.

ничего долговечного в художественной литературе. В многочисленных литературно-критических статьях и рецензиях он обнаружил консервативность воззрений. Будучи сторонником теории «чистого искусства», отрицательно относился к Н. В. Гоголю и реалистическому направлению в русской литературе [30, 31].

В современном литературоведении намечилось стремление более глубоко исследовать личности Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского, их подходы к редакторской работе, особенности эпохи, объясняющие успешность их деятельности и популярность созданных изданий. Внимание ученых привлекают особенности их взаимоотношений, взаимодействий с литераторами и царским режимом [17-32].

Сегодня совершенно ясно, что редакторов «Сына Отечества» и «Библиотеки для чтения» нельзя отождествлять. Каждый из них имел свою неповторимую литературную судьбу. В связи с личностью Ф. В. Булгарина возникают вопросы «литературной репутации» и ее формирования, а также необходимости изучения «массовой» литературы, взаимодействия разных уровней литературного процесса – низкого и высокого [21-26]. Не так остро уже звучит проблема взаимоотношений Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча с III Отделением. «Доносы» писали не только они, а и многие «благонадежные» литераторы, связанные с издательской деятельностью, да и вряд ли письменные взаимоотношения Третьего Отделения можно назвать доносами в прямом значении этого слова. Подобная деятельность литераторов связана с конкурентной борьбой за рынок сбыта [27]. Не получают однозначного осуждения в наше время процессы коммерциализации и профессионализации литературы второй половины 1830 – начала 1840-х гг., связанные с переходом общества на капиталистический путь развития [32].

В 1830 – 1840-е гг. В. И. Даль был связан с изданиями «Сын Отечества» и «Библиотека для чтения». Автор публиковал в них свои художественные, публицистические и научные произведения, а редакция

Далевское литературоведение. Вып. 2.

периодически помещала критические отзывы на далевские опыты.

Публикации писателя в «Сыне Отечества» единичны. В 1835 г. В. И. Даль поместил в журнал перевод татарской сказки «Жизнь Джингизхана» ([Ч. 82]. – Т. 47. – № 4), в 1838 г. – научно-публицистическую статью «Новейшие известия о Хиве» (№ 1. – С. 11-18). Из научных работ В. И. Даля в 1833 г. здесь были опубликованы: «Изложение книги Ф. А. Симона, посвященной критике учения С. Ганемана о гомеопатии» ([Т.] 34 – 35) и «О медицине вообще, и о целительной силе природе особенно» (№ 155). В 1847 г. в журнале вышло стихотворение «Чернобровая, русая коса» (№ 1 (январь). – Отд. «Рус. словесность»). Заметим, что в это время редактором «Сына Отечества» был уже К. П. Масальский.

Писатель был не очень доволен качеством издания своих произведений в данном журнале. В оренбургской переписке с сестрой П. И. Шлейден В. И. Даль в послании от 4 октября 1837 г. сообщает, что «сказка «Чингиз-Хан» напечатана в «Сыне Отечества» 1835, № 4; и она там с большими ошибками» [33, с. 108]. Он собирается пересылать Паулине вновь переписанный текст.

Взаимоотношения В. И. Даля и Ф. В. Булгарина, а также точки пересечения их художественного творчества никогда не были предметом глубокого научного рассмотрения. Наверное, единственная в этом плане работа С. А. Ильина [34], в которой анализируются «физиологии» этих двух писателей.

Известно, что В. И. Даль отрицательно относился к Ф. В. Булгарину. Дружеское послание знакомой даме, которое осталась в черновиках, гласит:

«Не забыл я послать вам Языкова и Жуковского,
Послал бы даже Булгарина да Осипа Сенковского,
Да совестно класть их в один кузовок:
Нет в них души, хоть рот и широк...» [35, с. 18].

В. И. Даль не имел с Ф. В. Булгариным личных отношений. Сохранившиеся несколько записок друг к другу

Далевское литературоведение. Вып. 2.

не относятся к их литературной и журналистской деятельности, они связаны с В. И. Далем-чиновником [36-37].

Позиция В. И. Даля по отношению к издателям «Сына Отечества» Ф. В. Булгарину и Н. И. Гречу различалась. Н. И. Греч был не только журналистом, но и историком литературы («Опыт краткой истории русской литературы» (1822)), специалистом в русской грамматике («Краткая русская грамматика» (1828)). Знаток русского языка и литературы не мог не обратить внимание на талантливое молодое писателя, который интересовался живым народным языком и активно включал в свои произведения разговорные и простонародные слова и выражения. В начале 1830-х гг., пребывая в Петербурге, В. И. Даль был у Н. И. Греча на собраниях [38-40]. Осталась их обширная переписка 1830 – 1860-х гг. Из нее становится известна искренняя заинтересованность Н. И. Греча в работе В. И. Даля-лексикографа, его поддержка и помощь в создании Словаря [37, 41-49].

В журнале «Сын Отечества» появились 2 рецензии на произведения В. И. Даля, обе от редакции: «Очерк русской литературы за 1838 и 1839-й годы. 126. «Были и небылицы Казака Луганского. Кн. IV. (СПб., 1839)» (1839. – Т. 9. – Ч. 2), «Повести, сказки и рассказы Казака В. Луганского. 4 тома» (1847. – Кн. 1. Янв. – Отд. VI. Критика и библиография). Первая из них станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения, вторая – посвящена анализу вышедшего в 1846 г. собрания сочинений Казака Луганского в 4 т. Она не принадлежит уже перу Ф. В. Булгарина. Скорее всего, ее автор К. П. Масальский [50].

В 1830-х гг. Казак Луганский поместил в журнал «Библиотека для чтения» три сказки: «Сказка о воре и бурой корове» (1834. – Т. V. – № 9. – Отд. I), «Сказка о нужде, о счастии и о правде» (1835. – Т. IX. – [№ 4]. – Отд. I), «Сказка о Георгии Храбром и о волке» (1836. – Т. XIV. – № 2. – Отд. I), и повесть «Бикей и Мауляна» (1836. – Т. 16. – № 6. – Отд. I). В 1843 г. В. И. Даль опубликовал в данном издании повесть «Вакх Сидорович Чайкин, или Рассказ его о собственном житье-бытье за первую половину жизни своей»

Далевское литературоведение. Вып. 2.

(Т. 57. – № 3. – Отд. 1), в 1843 – 1844 гг. – «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его друга Аршета» (Т. 61. – 62). Здесь же вышла и научная статья писателя «О козьем пухе» (1835. – Т. 9. – Отд. IV. – [№ 4]).

Из переписки с сестрой П. И. Шлейден мы узнаем, что В. И. Даль был возмущен подходом к изданию своих произведений в «Библиотеке для чтения», в частности редакторскими «усовершенствованиями» своих текстов. В письме от 7 марта 1836 г. он писал о «Георгии Храбром»: «<...> «Георгий Храбрый», сказка моя, напечатана в «Библиотеке», но опять с такими исправлениями, что они меня вывели из терпения; я написал к Смирдину и требую, чтобы он отдал все рукописи мои и не печатал бы ничего моего в Библиотеке. Сенковский этот подлый, самолюбивый и нахальный человек, который оседлал теперь Смирдина и делает, что хочет <...>» [33, с. 99]. В письме от 7 марта 1836 г. (речка Белегуш, Башкирия) он сообщал: «<...> «Мауляна» моя, хотя я три раза писал, чтобы ее отдали назад, но напечатана в «Библиотеке» и скоро выйдет <...>» [33, с. 101].

Из письма В. И. Даля П. И. Шлейден от 20 июля 1837 г., хранящегося в РО ИРЛИ РАН, видно, что сестра переводила статью «О козьем пухе» на немецкий язык. В. И. Даль сообщает о нескольких небольших поправках, которые просит внести в текст статьи. К фразе «если не понадобится свалить из нее кошму» он дает комментарий: «выключить вовсе ее, потому что из козьей шерсти не валяют кошмы, это правил свинья Сенковский». В том же письме: «и о географии» выключить; это прибавка чушки Сенковского» [51, с. 468]. Слова «свинья» и «чушка» ярко характеризуют отношение В. И. Даля к О. И. Сенковскому.

В письмах В. И. Даля к А. А. Краевскому из Оренбурга отражается интерес писателя к столичной литературной борьбе. В письме от 26 февраля 183(8?): «Любопытно знать, как теперь «Библиотека» устоит против С. О. Полевой умеет занять читателей, особенно в журнале, это его рука. Чай, барон морщится: это не вкусно <...>» [52, с. 72]. «С. О.» - это журнал «Сын Отечества». В данном случае писатель реагирует на смену власти в популярном журнале. В 1838 г.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Сына Отечества» приобрел А. Ф. Смирдин, поручивший издание Н. А. Полевому. Видно, что В. И. Даль после смены руководства противопоставлял «Сына Отечества» «Библиотеке для чтения». В этой же переписке с А. А. Краевским он резко отрицательно высказывается в адрес издателя «Библиотеки для чтения (письмо от 4 октября 1838 г.): «<...> С Сенковским пусть водится Сатана, а не наш брат» [52, с. 74]. Подобное отрицательное отношение к сложившемуся в русской литературе «торговому направлению» высказывалось В. И. Далем и впоследствии, в 1840-х гг., что нашло отражение в его переписке с М. П. Погодиным [53, с. 352]. Правда, теперь писатель, с одной стороны, видит неизбежность связи литературного творчества с коммерцией, и это уже в данный период воспринимается им как обычное положение вещей, с другой стороны, указывает на подобную связь в Санкт-Петербурге, в отличие от Москвы, что отражает славянофильские настроения В. И. Даля.

В начале 1840-х гг. писатель продолжает следить за положением знаменитого журнала и судьбой его одиозного редактора. Так, в письме С. П. Шевыреву в 1842 г. служащий в Санкт-Петербурге при министре внутренних дел Л. А. Перовском пишет: «<...> Библиотека пошла в руки нового промышленника, отставного курьера Ольхина. Он едет в Москву основать свою контору, верно, будет и у вас. Брамбеус дожил таки до того, что НИКТО (выдел. автором. – Н. Ю.) не дает ему своих статей, передавая журнал, дает расписку, что не смеет более мудрить и переправлять статьи» [54, с. 65]. Таким образом, позиции В. И. Даля, его отношение к ранее презираемому издателю не изменились.

В. И. Даль был близок к пушкинскому «Современнику» и «Литературным прибавлениям к «Русскому инвалиду», которые сложились как литературные органы, противостоящие «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина и «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского и ориентированные на писателей пушкинского круга. Их программы предусматривали открытую борьбу с «торговым направлением» в литературе. Напомним, что в этой борьбе в

Далевское литературоведение. Вып. 2.

1836 г. принимал участие и В. И. Даль. Его перу принадлежит статья «Во всеуслышанье» [55] и стихотворное обращение к А. С. Пушкину [56]. В открывшейся полемике писатель безоговорочно выступает на стороне А. С. Пушкина против «торгового» направления «Библиотеки для чтения», выпускаемой с 1834 г. О. И. Сенковским на деньги книгоиздателя А. Ф. Смирдина [56, с. 39-41; 57].

Обращают на себя внимание размышления В. И. Даля в повести «Бедовик» о теории разговорного языка О. И. Сенковского, что свидетельствует о знакомстве с ней и особом интересе автора. В издании повести 1846 г. и во всех последующих мы встречаем характеризующее главного героя Евсея Стахеевича Лирова подстрочное примечание, которое отсутствует в журнальной редакции произведения (Отечественные записки. – СПб., 1839. – Т. 3. – Кн. 5): «Евсей Стахеевич, конечно, никогда не ожидал, что через несколько лет после этой скромной думы, собственно ему принадлежащей, явится столь знаменитый поборник разговорного языка. Впрочем, хотя и тот и другой, один мысленно, про себя, другой громко, гласно и всенародно, советовали писать, как говорим, но понятия их об этом разговорном языке, как видно, не совсем согласны <...>» [58, с. 30].

Здесь подразумевается знаменитый издатель «Библиотеки для чтения», который усердно пропагандировал введение разговорных элементов в литературный русский язык и чрезмерно ими уснащал собственные произведения. В 1835 г. О. И. Сенковский выступил в «Библиотеке для чтения» (т. 8, кн. 1) со статьей-фельетоном «Резолюция в челобитную *сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышеереченному, нежеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы* и других причастных к оной челобитной по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из Русского языка», где в острой полемической форме ратовал за разговорный литературный язык. А. С. Пушкин, в общем благожелательно отнесшийся к этой статье, писал в «Письме к издателю», напечатанном в «Современнике», т. III за 1836 г.: «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем

Далевское литературоведение. Вып. 2.

лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [59, с. 439].

О. И. Сенковский выразил свой интерес к сказочному творчеству В. И. Даля: дал рецензии на III и IV книги цикла «Были и небылицы Казака Луганского» (1836, 1839).

В рецензии на III книгу в т. XVII «Библиотеки для чтения» за 1836 г. критик [60, с. СXXXI], пародируя сказовую манеру далевского повествования, сообщает от имени кумы Соломонида подслушанный разговор дяди Софрона, попа Осипа, кума Матвея. Критик не принимает ни созданный В. И. Далем образ сказочника, ни стиль его произведений, который непонятен, по его мнению, простому «народу православному»: «А собрались <...> мужики, дураки, Заолешане, думали, гадали: «Куда-де он хитер, Казак Луганский! Будто хмель золотой по тычинке вьется; змейкою со словечка на словечко переходит <...>». «Слово есть, мысль придет сама», – пишет о сказках В. И. Даля рецензент. Ему вторит и дядя Софрон, «мужик ряжий, грамотей»: «Сказка слово, вестимо дело, да в слове-то надобно дело (в обоих случаях выд. автором. – Н. Ю.), сиречь смысл <...>» [61]. Изобилие пословиц и поговорок, присказок и прибауток приводит к утрате значения фразы, превращает повествование в пустую болтовню. Высказанная точка зрения основывается на системе теоретических воззрений О. И. Сенковского, в частности на его теории разговорного языка, в которой он настаивает на «выпрямленном языке», на предложении смыслового, а не эмоционально-образного типа [30, с. 341, 371, 380-381, 425, 446, 474]. Понятно, что с этой позиции критик не мог принять далевских новаций. Также нужно отметить, что стиль редактора резко отличался от стиля народного писателя.

В статье А. В. Шароновой о взаимоотношениях авторов «Библиотеки для чтения» высказана точка зрения,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

что В. И. Даль обиделся на резкую критику своих сказок О. И. Сенковского и поэтому поддержал выступление передовых литераторов против «Библиотеки для чтения» [32, с. 92-93]. Безусловно, это не так. Как видно из приведенной выше переписки писателя с сестрой и близкими ему литераторами, которая была А. В. Шароновой неизвестна [32, с. 94], В. И. Даль был возмущен искажениями своих работ и в то же время безгранично предан гению А. С. Пушкину при его жизни, а после смерти чтит его светлую память. Поэтому неизменное презрение к О. И. Сенковскому не связано у В. И. Даля с личной обидой за оскорбление авторского самолюбия.

Предложенные в нашей статье критические отзывы редакции «Сына Отечества» [3] и О. И. Сенковского [4] на IV книгу «Былей и небылиц Казака Луганского» в определенной степени полярны. Они отражают отношение критиков к сказочному творчеству В. И. Даля и их эстетико-литературные позиции.

В данных критических статьях объектом анализа стала пьеса «Ночь на распутье». Автор подчеркивает новаторство В. И. Даля при воссоздании мира русской мифологии в драматургии, при этом опыты драматурга он сопоставляет с произведениями А. Ф. Вельтмана. Критик возводит сюжет к комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь», а развитие действия и персонажей признает оригинальными, восхищается особенностями обработки фольклорных сюжетов и мотивов, народным языком. Зато три следующие сказки вызывают у критика неприятие: он считает их пародиями на русские сказки и повести, полными «приторного балагурства и безвкусия».

О. И. Сенковский вновь повторяет свое ранее высказанное неприятие художественных опытов Казака Луганского, которые он считает «нелитературными, противоизящными, грубыми», «лапотными, ознаменованными печатью самого дурного вкуса и крайней пошлости». Он не одобряет склонности автора подделываться под грубый язык простолудинов, потому что не в этом состоит цель изящной словесности.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

О. И. Сенковский отказывает В. И. Далю в праве считать свою стилевую манеру оригинальной: шутовская литература известна издавна. Вместе с тем он высоко оценивает пьесу «Ночь на распустье», отвергая только язык произведения: «будучи иначе рассказана, могла б сделаться прелестною и чисто русскою волшебною сказкой». Критик переходит к пересказу пьесы, в отдельных местах дает небольшой комментарий происходящего: замечает, что действия домового в сказке соответствуют традициям национальной мифологии, а внешний облик русалок – отступление от них; «придирается» к некоторым натяжкам (по его мнению) в ходе действия произведения. В конце О. И. Сенковский замечает, что «прочие три пьесы не представляют даже ничего занимательного по своему содержанию».

Одна из особенностей предлагаемых статей – критические суждения чередуются с объемными вставками далевского текста. В первом, позитивном отзыве, это делалось в рекламных целях: критик не только анализирует, но и презентует пьесу В. И. Даля «Ночь на распустье». Во второй, в целом негативной рецензии, автор предлагает познакомиться с отрывками текста, а затем дает их краткий анализ. Впрочем, читатель может сам оценить идейно-художественное своеобразие данных рецензий.

[От ред.] Очерк русской литературы за 1838 и 1839 годы: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Сын Отечества. – СПб., 1839. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 135-139. (Ценз. разр. от 31 июля 1839. Цензоры П. Корсаков, А. Крылов).

126. Были и небылицы Казака Луганского. Книжка IV. СПб., в тип. III Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1839 г. в 12, 198 стр.

Если где доказывал свое несомненное дарование *Казак Луганский* [курсив автора здесь и во всех остальных случаях. – Н. Ю.] (известно, что под сим именем скрывается почтенный литератор наш В. И. Даль), то, без сомнения, к таким доказательствам вполне принадлежит «*Ночь на*

Далевское литературоведение. Вып. 2.

распутье, или Утро вечера мудренее - «старая бывальщина в лицах», как называет ее автор.

Мысль развить мир русской старинной сказки и русской мифологии в повестях, романах и драме – не новая мысль, но до сих пор, кажется, никто не умел воспользоваться ее развитием так хорошо и удачно, как воспользовался А. Ф. Вельтман¹. Если мысль не нова, то зато она и нелегка. Те ошибаются, кто думает, что для развития ее стоит только надеть русский зипун и пуститься трепака в присядку. Такая же будет ошибка, если хотят начитаться русских сказок и Кирши Данилова, и потом станут стараться подражать им. Нет! Надобно проникнуться, так сказать, духом старины (мы сказали бы: *совоссоздаться* в ней, если бы не боялись такого непоэтического слова, когда речь идет о созданиях поэтических), узнать и русскую сказку, и русскую летопись, и русскую песню, узнать остатки старинной Руси в живых памятниках, каковы: суеверия, поверья, мнения, поговорки, пословицы народные, а потом обратить на все это самобытный взгляд и творить по законам своей собственной фантазии. Тогда вы покажитесь нам

---

¹

А. Ф. Вельтман (1800 – 1870) – русский писатель. В исторических романах «Кашей Бессмертный» (1833), «Лунатик» (1834), «Святослав, вражий питомец» (1835) и др. А. Ф. Вельтман далек от исторического правдоподобия; изображая прошлое России, он идеализировал патриархальную старину в славянофильском духе. Наибольшей оригинальностью содержания и формы выделяется социально-бытовой роман «Саломея» (1846) – первое произведение из цикла романов «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (1846 – 1863). Своеобразие произведений А. Ф. Вельтмана заключается в смешении фантастики и реальности, авантюрных и бытовых элементов, в использовании гротеска, каламбуров, стилизованной речи.

В. И. Даля с А. Ф. Вельтманом связывали дружеские и творческие отношения (см. ст. Сорочан А. Ю. В. И. Даль и А. Ф. Вельтман. (Из истории творческих взаимоотношений) // Далевский сборник. – Луганск: Альма-матер, 2001. – С. 89-91 (то же: В. И. Даль – писатель и этнограф. Сб. науч. тр., посвящ. 200-летию В. И. Даля. – Торжок: Всерос. ист.-этногр. музей, 2003. – С. 84-93); Юган Н. Л. К истории творческих отношений В. И. Даля и А. Ф. Вельтмана // Мова і культура (Науковий журнал). – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 181-185).

Далевское литературоведение. Вып. 2.

истинным колдуном, как будто из могилы вызвавшим тени минувшего; тогда всякий с изумлением спросит: что это? Его ли это собственное создание, или он открыл какую-нибудь древнюю летопись и мастерски списал с нее? Здесь-то и торжество поэта, тем-то и отличается поэт, что он, *изучая и списывая, творит*, что для него и предания памяти, и природа, и современный быт воссоздаются в самобытных идеях и выражениях.

Разумеется, что так не могли понимать прежние наши литераторы, желавшие оживить мир русской старины в своих творениях. «Добрыня» Львова, «Бова Королевич» Радищева, «Добрыня» Державина, «Славянские вечера» Нарезного², были опыты неверные и неудачные. Не более удачны были и новейшие опыты Пушкина и Жуковского. Один был так самобытен, другой так был увлечен своими основными идеями, и – прибавим, по роду своего образования, по своим литературным трудам оба так были удалены от мира русской сказки и русской старины, что их *русизм* столько же походил

---

² Львов Н. А. (1751 – 1804) – деятель русской культуры, поэт, переводчик, архитектор, график, ботаник, член Российской Академии наук. Стремясь приблизить русскую поэзию к народному творчеству, Н. А. Львов применял народную лексику и тонические размеры, неразрывно связанные с народной музыкой (поэма «Добрыня, богатырская песнь» (1796)).

Радищев А. Н. (1749 – 1802) – русский писатель, философ, автор знаменитого романа «Путешествие из Петербурга в Москву» (1798). Заслуги в развитии русского стиха А. Н. Радищева связаны со стремлением к разнообразию метрики, к белому стиху. Стихи самого А. Н. Радищева явились реализацией его теоретических взглядов; так, «повесть богатырская» «Бова Королевич» написана безрифменным стихом.

Державин Г. Р. (1743 – 1816) – знаменитый русский поэт, создавший свой поэтический стиль, (стихотворения «Ода на смерть кн. Мещерского» (1779), «Ода к Фелице» (1783), «Бог» (1784), «Осень во время осады Очакова» (1788), «Видение Мурзы» (1789), «Водопад» (1791 – 1794)). В последние годы жизни автор работал в драматическом ключе. Начиная с 1804 г., он написал ряд трагедий и др. пьес, в первую очередь необходимо назвать «Добрыню».

Нарежный В. Т. (1780 – 1825) – русский писатель. В 1804 г. вышел в свет цикл прозаических поэм «Славянские вечера», воспевающие подвиги полуисторических легендарных героев Древней Руси, написанных в «высоком штиле».

Далевское литературоведение. Вып. 2.

на настоящий русизм, как песни Дельвига на русскую песню, Гнедичевы «Рыбаки» на русскую идиллию, «Дмитрий Донской» Озерова на настоящего Дмитрия Донского, и «Ермак» Дмитриева³ на истинного Ермака Тимофеевича. Не отвергаем во всем упомянутом нами относительного своего достоинства, но мы говорим о возрождении русской старины в новых поэтических созданиях. Заметим, что несколько лет тому явилось у нас замечательное литературное произведение: *Ижорский*⁴, род драмы, где автор приблизился

---

³ Дельвиг А. А. (1798 – 1831) – русский поэт, издатель. Основным видом его лирики становятся стихи в духе русских народных песен. А. А. Дельвиг стремился воспроизвести особенности русского народного характера, быта, языка. Его лирика, несмотря на свою камерность, сыграла большую роль в развитии поэтических форм и метрической техники в поэзии.

Гнедич Н. И. (1784 – 1833) – русский поэт, переводчик. Пытаясь создать образ современного народа как синтез гомеровской стилистики и русского фольклора, Н. И. Гнедич написал идиллию «Рыбаки» (1822).

Озеров В. А. (1769 – 1816) – русский драматург. Трагедия «Дмитрий Донской» (1807) по характеру событий как бы предвещала решимость Александра I стать защитником европейских народов от Наполеона. Однако после заключения Тильзитского мира трагедия превратилась в неуместное напоминание о непоследовательности царской политики, что вызвало охлаждение к драматургу в придворных кругах. Историзм В. А. Озерова носит условный характер. Исторический материал он подчиняет нравственно-политическим задачам. Драматургия автора занимает промежуточное положение между классицизмом и карамзинистской школой.

Дмитриев И. И. (1760 – 1837) – русский поэт. Его драматическая поэма «Ермак» - первый в русской поэзии опыт романтической трактовки национально-исторического сюжета.

⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что Ф. В. Булгарин не указывает автора произведения «Ижорский», да и само название выделено в тексте рецензии курсивом. Это, конечно, не случайно. Драматическую поэму «Ижорский» написал русский поэт, критик, переводчик В. К. Кюхельбекер (1797 – 1846). Он был членом Северного общества, активным участником восстания декабристов 14 декабря 1825 г. После разгрома восстания пытался бежать за границу, но был опознан и арестован в Варшаве, приговорен к смертной казни, замененной по распоряжению Николая I заключением в крепости. В 1835 г. В. К. Кюхельбекер выслан на поселение в Восточную Сибирь, в 1844 г. переведен в Западную Сибирь. В 1846 г. больной чахоткой, ослепший поэт получил разрешение переехать в Тобольск, где вскоре скончался. Трагическая судьба В. К. Кюхельбекера

Далевское литературоведение. Вып. 2.

к делу гораздо ближе других, но идея драмы его была какая-то нелепая и притом стихи в ней были тяжелы. А. Ф. Вельтман, по нашему мнению, был первый, и до сих пор остается единственный русский литератор, который умел ознакомиться с настоящим старинным русским духом и умел воссоздать его изящно и превосходно. Его *Кащей*, его *Святославич* и эпизоды в других романах были опытами блестящими, исполненными знания предмета и очаровательной поэмы. Два недостатка были в его опытах: один – общий всем созданиям Вельтмана: невыдержанная идея и сбивчивость подробностей; другой, особенный – страсть его к этимологическим и этнографическим вставкам и прибавкам. Если эта страсть, может быть, и познакомила его с стариною, зато он не мог не покориться ей в своих поэтических созданиях, где она была вовсе не у места. Можно принять за аксиому, что, если что-нибудь темно и непонятно в драме, поэме, романе без цитаты и примечания, значит, что это темное и непонятное вовсе не годится в роман, поэму и драму, при которых цитаты и примечания исторические все равно, что ботаническая диссертация для человека, который пришел любоваться вашим прекрасным садом, или трактат о краске, когда я смотрю на изящную

сказалась на судьбе его литературных творений. Разбросанные по периодическим изданиям до восстания 1825 г., запрещенные и появившиеся только изредка после него, не собранные даже, когда запрет был снят, они фактически оставались неизвестными широкому кругу читателей.

В. К. Кюхельбекер работал над «Ижорским» в крепости и ссылке. Две первые части (1829 и 1835) напечатаны стараниями А. С. Пушкина в 1835 г. 3-я часть, написанная в 1840 – 1841 гг. не без влияния высоко оцененного писателем романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», не была опубликована в XIX в. Фактом введения названия произведения в критическую статью, постановки имени опального литератора в один ряд с широко известными авторами, их программными произведениями свидетельствует о прекрасной осведомленности Ф. В. Булгарина, знакомстве его с запрещенной литературой, о журналистской смелости и принципиальности. В свою очередь подобные факты говорят о заангажированности оценок личности Ф. В. Булгарина в советском литературоведении.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

картину Брюллова⁵. В поэзии есть своя логика, свои цитаты и примечания, и если вы успели ими убедить ум и воображение читателя, довольно – мы не станем спрашивать у вас, какими рычагами и колесами явился перед нами ваш Deus ex machine! Что вами почувствовано и понято верно, тому поверит, и то хорошо прочувствует и читатель ваш. И такого невольного верования и чувства не заменит вам не только никакими цитатами, но даже никаким дарованием. Самые пристрастные судьи Пушкина и Жуковского согласятся, что их русские опыты были неудачны. Самые отчаянные подражатели не дерзают пускаться за ними, потому, что все, кто пускался по неверной дороге, где Пушкина и Жуковского спасло умение выражаться прелестными стихами, падали немилосердно и оставались нечитанными, сиречь, умирали при самом рождении.

---

⁵ Брюллов К. П. (1799 – 1852) – русский живописец. Не удовлетворяясь академическим воспитанием в духе эстетических принципов классицизма, он стремился к реалистическому обновлению русской живописи, причем эти устремления проникнуты характерным для его времени романтическим мироощущением. Искусство К. П. Брюллова отмечено взволнованным утверждением ярких и сильных эмоций, чувственно-пластической красоты человека, страстных порывов и драматических столкновений. Уже ранние картины художника («Итальянский полдень» (1827), «Вирсавия» (1832)) показывают его попытки отойти от условности академического искусства, добиться естественности и чувства обаяния в изображениях обнаженного тела, большей правдивости и богатства в эффектах дневного освещения, изученных на натуре. Основное произведение К. П. Брюллова – картина «Последний день Помпеи» (1830 – 1833) – изображает гибель города при извержении Везувия. Показывая своих героев прекрасными, полными благородства людьми, художник подчеркивает трагичность их неминуемой гибели, бессилия перед стихией. В замысле картины косвенно отразилась атмосфера исторических конфликтов, создавшаяся в Европе в годы жестокого подавления освободительных движений. В картине еще много традиционных черт академического классицизма (идеальность типов, условное построение групп), романтических театральных эффектов, но она знаменует важный этап в развитии русской исторической живописи, благодаря стремлению К. П. Брюллова к психологической правде и исторической достоверности (изучение археологических и документальных материалов), смелой попытке представить многообразные переживания массы людей в момент грозного бедствия.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

То, что пробовал А. Ф. Вельтман в романе и повести, г-н Даль решил теперь испытать в драме. Если под сим названием разуместь сценическое (или хоть для чтения только написанное) сочинение, в разговорах и живом действии, где развивается какая-нибудь идея, выражаемая характерами, делами и речами действующих лиц, то *Ночь на распутье* не драма. Сюжет ее даже и для оперы не годится. Но смотрите на нее как на драматическую картину русского сказочного мира, изложенную в разговорах, и вы убедитесь, что картина прекрасна! Зачем на одну мерку прикидывать все? Мир изящного может и должен быть бесконечно разнообразен.

Собственно говоря, идея г-на Даля взята у Шекспира, из *Сна в летнюю ночь*⁶ – бессмертного, неистощимого кладезя, в котором черпали уже столь многие. Тут еще беды никакой нет: пусть основная идея будет шекспирова, но развитие ее и действующие лица принадлежат нашему автору.

Как в русских сказках, где-то на Руси, когда-то, живет какой-то князь Вышеслав, и у него есть дочь княжна Зоря, а

---

⁶ Произведения У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и В. И. Даля «Ночь на распутье» сопоставлял в своих рецензиях А. А. Краевский (см. ст. Юган Н. Л. А. А. Краевский о раннем творчестве В. И. Даля / Н. Л. Юган // Далевское литературоведение. – Луганск: Гос учрежд. «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2008. – Вып. 1. – С. 60, 71). В современном литературоведении эта точка зрения была поддержана и развита в статьях: Грачева В. М. Национальная специфика и шекспировская традиция пьесы В. И. Даля «Ночь на распутье» // Творческое наследие В. И. Даля в идейно-творческом формировании личности: Тез. докл. и сообщ. Четвертых Далевских чтений. – Ворошиловград, 1988. – С. 25-27; Фесенко Ю. П. «Сны» Шекспира, Пушкина, Даля // Пушкин и мировая культура: Материалы Шестой Международной конф. (Крым, 27 мая – 1 июня 2002 г.). – СПб.; Симферополь, 2003. – С. 134-144; Юган Н. Л. Образ народа в пьесах В. Даля «Ночь на распутье» и У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» // Одиннадцатые Международные чтения молодых ученых памяти Л. Я. Лившица. – Харьков, 2006. – С. 75-76; Юган Н. Л. Пьесы В. Даля «Ночь на распутье» и У. Шекспира «Сон в летнюю ночь»: некоторые особенности композиции и стилистики // Социум. Наука. Культура: Материалы Всеукраїнської науково-практ. Інтернет-конф. (28 – 30 січня 2006 р.). – К., 2006. – С. 70-71.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

за дочь сватаются царевичи, князя и княжичи, армянский, карпатский, мурманский, болгарский. Но у князя живет еще выродок, сын колдуна и кликуши, *Тумак межжеумок*, который влюбляется в княжну. Разумеется, его отвергают и гонят, как безумца. Он бежит к дяде своему, *Лешему*, и приводит князя, княжну и гостей на распутье, где сошлись владения *Водяного* и лешего, или *Лесного*. Жениха, карпатского князя, подхватили Русалки, а невесту-княжну унес Леший, давно влюбленный в нее. За доброго князя Вышеслава заступается *Домовой*. Он усыпляет князя с гостями и свитой его на распутье, похищает Русалку руками одного княжего богатыря, и за выкуп Русалки требует княжны и жениха ее. *Водяной*, дедушка всех Русалок, воюет с Лешим, топит его леса, заставляет его отдать княжну, отдает и жениха княжны, и меняет их на свою подводную жилицу. Тут просыпаются все на распутье, и думают, что им *грезился сон недобрый* в прошедший вечер, которого утро мудренее.

Вот рама, в какую вставлена *Ночь на распутье*. Подробности многие прекрасны; характеры развиты по сказочному верно; ход пьесы также верен поэтической истине. Тумак, правда, сбивается немножко на Калибана⁷, зато *Леший*, *Водяной*, *Домовой* – наши русские, а не немецкие. Вышеслав и гости его просты и добры, как в сказке водится. Очерк потопления леса, эпизодический разговор православных мужичков и множество других мест дышат неподдельною поэзиею. Язык вообще выдержан, и в прозе, и в стихах; часть *Ночи на распутье* писана стихами, для которых взяты автором сказочные и песенные размеры, и вот вам доказательство, что такими размерами писать можно; мы даже уверены, что дактили, ямбы и хореи испортили бы

---

⁷ Калибан – персонаж пьесы «Буря» (1612) английского драматурга и поэта эпохи Возрождения У. Шекспира (1564 – 1616). Эта романтическая драма относится к позднему периоду творчества автора. Калибан – получеловек-получудовище, олицетворение грубой стихийной животности в человеке. Он символизирует отношения между «благородными» и «чернью», с одной стороны, и между «цивилизованной» буржуазией и «дикарями» колоний – с другой.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

здесь все дело, а размеры, избранные г-м Далем, придают какую-то особенную простоту и естественность речи. С особенным удовольствием готовы мы встретить приветом все новые попытки автора в роде *Ночи на распутье*.

Но не пора ли избавить нас от пародий на русские сказки и повести, от приторного балагурства и безвкусия, в которые как будто влюбился наш почтенный и умный Казак Луганский? И подле *Ночи на распутье* опять выставил он свои три такие сказки. Одну из них слышал он от Пушкина. Пусть так, да хоть от Шекспира он слышал ее, а все-таки она нескладна, натянута – не русская она, и так ни рак, ни рыба, немецкий крендель на русской опаре из латинской печи. Еще плоше *Сказка о нужде, о счастье и о правде*, где скомканы известная ирландская сказка о счастливце без рубашки, и малороссийская сказка о цыгане, которой бараньи потрошки съел (автор превратил потрохи в лепешку). Все это рассказано известным манером Казака Луганского: «Гой, нужда-свет, барыня горемычная! Ты с босой ноги на босу ногу переступаешь, кулаки студенья продуваешь, щец горячих и прихлебнула бы, да ложки и плошки нетути, а поколе ложкою скудельною Христа-ради где разживешься, так и щи давным-давно простыли, и собаки их вылакали, и горшки вылизали! Аль ты, карга-птица сивобокая, от нужи и туги седина пробивается, лысины нет, да и кудрей не видать, на лаптях снежок, а в зобу песок?»

Неужель это остроумно? Неужели это изящно? И если такая пустая болтовня на манер каких-нибудь мужиков в самом деле русская, то мало ли что говорится на Руси спьяна, с похмелья и сдуру! Неужели поэзия и искусство должны собирать всякую копоть и сажу человеческого воображения, которые садятся на язык его без толку? Мы уже несколько раз повторяли обо всем этом почтенному Казаку Луганскому. Жаль, что он слушается своих недоброхотов-приятелей: мы больше ему добра желаем, говоря правду, – пожалуй, сердись, почтенный автор; нас от того не убудет и его не прибудет, а уже что нашептывает нам совесть литературная, то мы твердить не перестанем. Воля

Далевское литературоведение. Вып. 2.

автора: тут нет ни хорошего, да ничего нет и на правду похожего...

[Сенковский О. И.] Критика: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] / О. И. Сенковский // Библиотека для чтения. – СПб., 1839. – Т. XXXV. – С. 13-26.

Наконец, да с чем же тут таиться? – всему свету известно, и господину Луганскому – первому, что мы не одобряем странного рода сочинений, который он себе избрал, и находим этот род нелитературным, противоизящным, грубым, лапотным, ознаменованным печатью самого дурного вкуса и крайней пошлости, до которой изящная словесность никогда, даже играя, не должна унижаться, из уважения к достоинству искусства и к образованным привычкам читателей. Это правило применяется не к одному сочинителю «Былей и небылиц»: мы ни в ком не одобряли склонности подделываться под грубый язык простолюдинов, потому что не в этом состоит цель изящной словесности и изящного искусства, и для господина Луганского не можем сделать изъятия из правила, совершенно согласного с убеждением, не только нашим, но и всего литературного мира. Во-первых, *подделываться* – никогда не значило *изобретать*; а во-вторых, если кому охота унижать свое подражательно дарование до подделок, самого низкого рода подражания, то зачем непременно подделываться под язык нечёс и невежд? Лучше же ловко подделаться под язык людей умных и хорошо воспитанных: это может произвести удивительный эффект, впечатление, чрезвычайно выгодное в пользу актера.

Вначале, когда казак Луганский являлся впервые перед образованною публикой, подвязав себе бороду простонародного сказочника, это было ново, забавно, любопытно: все хотели послушать его крестьянских шуток. Г. Луганскому следовало и удовольствоваться этим первым опытом, который был награжден громким рукоплесканием. Но он забыл, среди успеха, что шутка повторенная уже никого не смешит. Публика разошлась после первого

Далевское литературоведение. Вып. 2.

представления: он все продолжал повторять ту же самую шутку, и повторяет ее донныне, перед пустыми скамейками.

Автор, может быть, думает, что он создал новый род литературы? Ничего не бывало. Шутовство было известно еще до него, и шутовская литературы так же стара на свете, как и сама приторность. Между теми, которые живут поближе к черни, казак Луганский может еще иметь приверженцев, готовых находить произведения его удивительными; но он не должен обманывать себя: мнения таких судей никогда не будут иметь весу в словесности, а для людей образованных, без языка и слога – словесности быть не может, и простонародная грубость никогда не будет признана ими народностью.

Мы говорим все это единственно потому, что нам жаль видеть такой талант, каков господина Луганского, ничтожно утрачивающимся на произведения, которые никогда не будут приняты русскою словесностью, тем более, что они писаны Бог-весть для какого класса читателей. В этом новом собрании «Быль и небылиц», состоящем из четырех пьесок, есть одна, которая, будучи иначе рассказана, могла б сделаться прелестною и чисто русскою волшебною сказкой.

Удельный русский князь Вышеслав угощает женихов дочери своей, Зорюшки, Удачу, князя карпатского, браковита, княжича болгарского, Хочатура, царевича армянского, и Рудигара, королевича мурманского. С ними пируют князьки бояре и Весна, княжий родич и нахлебник; а на полу сидит Тумака, по прозванию Межеумок, которого «князь многомилостивый жалует для потехи до юродства». Тумака в шутках называли женихом княжны, а он, безумный, и поверил: но, как узнал, что его обманывают, он бросился с ножом на гостей. Князь велел, было, «избить его багогами на конюшне, да выкинуть в подворотню, коли жив будет», но, по просьбе женихов, его только согнали со двора. Что делать бедному Тумаку? А он, извольте знать, сын кликуши да приштатавшегося мирянина, так что ему Водяной и Леший сватами приводятся. И идет он в лес, к белому камню, где похоронен утопленник; тут сходятся клин клином три

Далевское литературоведение. Вып. 2.

царства: озеро да мочижонка, вотчина Водяного, где он плодится с Русалками; княжий выгон под властью Домового, и лес, где Леший живет, в одиночестве сто лет со прилетками. «Это мое наследие», - говорит Леший; тут он сам себе господин.

Завываю иволгой призывною,
Рассыпаюся разгульным хохотом,
То косячным жеребцом заржу,
Распотешусь молодецким посвистом...

Тумак поджидает Лешего. Вдруг в лесу ржет лошадь. «Вот он, вот мой дядя! Дядя! Ау! А-у!» Леший отзывается, аукаются. Леший выходит, вровень с деревьями, а подходя к Тумаку, «малеет мало-помалу в рост человека». Тумак в ноги ему, плачет и молит: «Обидь, дескать, князя. Он-де меня обманул, не отдает за меня княжны, выгнал меня, а сам теперь с гостями и Зорюшкой прохаживается в лугах для прогулки. Изломай-де князя и с женихами, а мне отдай невесту». А лешему очень приглянулась княжна Зорюшка; он давно уже думает, как бы добыть ее, но не смеет идти во владения Домового. Он говорит Тумаку: «Подведи сюда княжну вечерком, да и передай через межу, коли неравно сунется за нею жених какой, так мы, не бось, и с ним управимся; либо отведем его заукавши, что не вылезет до бела дня, либо передадим вот туда (кивнув головой на озеро): там голодный год на любовников, отказу не будет! (Раздается хохот русалок). Вот они, выдры мокрые, уже и подслушали!»

Между тем княжна с сенными девушками сидит в терему своем; торговый гость раскидывает перед ней дорогие ткани.

Торговый гость
Золота княжна!
Не приглянется ль
Объяринна тебе
Паволока?
Веницейский есть
Аksamит хорош;
Любо, вот, возьми

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Парчи греческой;
Что приглянулось,
Золота княжна?

Девушки

Багрянец струистый куда хорош!

Другая девушка

А с отливом этот, из каких земель?

Торговый гость

Из заморских все,
Мои красавицы,
Все из-за моря:
В Цареград ходил
На куниц-соболей
Разменивал –
За одну парчу
Дал два сорока,
Полпятаста будет
Своя цена!...
Что приглянулось,
Золота княжна?

Приходит князь Вышеслав, и из разговоров с дочерью узнает, что ей нравится Удача, князь карпатский. Они отправляются гулять, Тумак к ним подвертывается и говорит Зорюшке, что видел светляка. Княжна начинает искать его, уходит вперед, Тумак заманивает ее к лесу, схватывает и кидает с размаху через грань прямо на руки к Лешему, который с нею пропадает. Карпатский князь, обнажив меч, первый кидается за нею. Русалки оплетают его руками, и уносят на озеро. Все разбегаются врзсь. Тумак убегает. Князь Вышеслав, царевич, королевич и княжич кидаются с мечами наголо в лес. Слышен отдаленный хохот Лешего, слова князя и прочих повторяются отголосками; крик и припевы русалок; напоследок слышен замирающий хохот и стон князя карпатского.

Вслед за тем Домовой выходит со стороны терема.

Домовой

(Входит, немного погода, со стороны терема)

Нижет солнышко дни свои златокрылые,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Что княжна русская свой скатной жемчуг:
Через зернышко по цветному камению,
Через день светлый по темной ноченьке.
Мир и покой вам, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

Спите, други, почивайте, кого сон одолел,
Кого совесть чуткая не отбила ото сна,
Чью головушку не одолела кручинушка,
Ни лихая болезнь крови тела белого!
Мир и покой вам, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю.

Кошуйтесь, детки, живите в ладу и в миру;
Можно шутку зашутить, проказу безобидную:
Глупому ума дать, одурачить ревнивого,
А обиды, и греха, и напасти горькой бойтесь!
Мир и покой вам, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю.

Кто полюбит кого, люби довеку, не откидивайся,
Кто слуга кому, служи правдою, господина не продай:
И не выдам я своей княжны-госпоженки,
И не дам в обиду Зорюшку я свату Лешему!
Мир и покой вам, баю-баю,
Спи-почивайте, баю баю.

Кто обидит меня, жеребца любимого в подворотню
протащу,
Загоню насмерть в одну ноченьку трех борзых коней;
Обтрясу в саду груши - яблони, гряды вымну все,
А что ложки и плошки с поставца в лохань кину
помойную.
Мир и покой вам, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю.

А кто мирно со мной, по добру живет, во любви держу;
Кони выхолены, дворы выметены, ухожи прибраны –

Далевское литературоведение. Вып. 2.

И не выдам я своей княжны, красной госпоженки,
И не дам я Зорюшку в обиду свату Лешему.
Мир и покой вам, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю».

Все эти обычаи и обязанности Домового по нашей народной мифологии.

Князья, окольниковичий и конюшие ходят, ищут и все собираются к одному месту и не могут опознаться: их Леший обошел. Домовой, чтоб они ему не мешали выручить княжну из рук Лешего, прыщет во все десять пальцев на четыре стороны и говорит:

«А кто выйдет на место это по второму и третьему разу, в другожды, в третижды, в сию ночь, в сей час, в сей миг – тот спи сном непробудным до бела света, до зари-зорюшки утренней, поколе Зорюшка наша не увидит на сем же месте зорю-зорюшку утренню, сестреницу свою: слово мое крепко».

Так и делается: кто не придет на это место, тотчас засыпает. Тут собираются князь, и гости, и весь двор его. Русалки развиваются быстрым хороводом и рассыпаются; ставят одну из подруг своих, Водосвету, на караул и любуются спящими. Водосвета кричит, что кто-то идет. Все свиваются быстрым хороводом; иные кричат: «Да обманула ты, поплувуша шаловливая, обманула!» Общий хохот; они нападают на Водосвету и стегают ее распущенными до пяток косами, и потом снова рассыпаются хороводом.

Действие переносится в терем Весны; он поджидает князя с гостями и засыпает на безделье между обедом и ужином. Домовой выходит из-под его кровати, прыщет на него в обе руки, подходит на цыпочках к гуслиам, которые стоят на столе, открывает их, играет и поет вполголоса известную песню: «У кота, кота колыбель хороша».

Потом Домовой по своему обыкновению стаскивает столы и скамьи, взгроможивает их в одну кучу. Кончив эту работу, он вскакивает коленями на грудь Весны, берет его за плечи и трясет; потом соскакивает и пропадает. Весна простонав поднимается. «Ох! Насилу отдохнул! Задушило было меня ... да к добру аль к худу? (Домовой хохочет потихоньку). Ну, слава Богу, хоть к добру!» Домовой входит, одетый

Далевское литературоведение. Вып. 2.

конохом, и рассказывает ему, что девушки собрались хороводом в лесу; боярин Ларион Пахомич Весна охотник до девушек; а Домовому хочется загрести жар чужими руками, употребить Весну для того, чтобы поймать русалку. Сказано, сделано. Они приходят к месту у белого камня. Все спят по-прежнему. Русалки шалют и резвятся; иные носят цветы, другие вьют венки, третьи надевают их на головы спящих. Одна из них, подслушав у пастушка песню: «Не одна-то во поле дороженька» начинает петь ее; подруги подтягивают ей вполголоса; издали раздается рожок, вторя этой же песне. Русалки, испугавшись, замолкают, и перебегают все за белый камень к озеру, и прислушиваются.

«4-я русалка

Чу, голубушки, это пастух!

3-я русалка

Он и есть – о, да как сладко заливается! Не бойтесь, сестрицы-подруженьки, ведь он не тронет нас, не впервые!

5-я русалка

А не видать никого.

6-я русалка

Подойдемте, голубушки, испугаем его!

Оборотень (свищет и летит порошей, т . е. белым филином).

2-я русалка

Не пастух это, красные; зачем пастуху теперя в ночи тут быть? Смотрите, вот ведь и перекидыш страшает: что-нибудь, да не ладно!

5-я русалка

Не быть бы худу, умницы, я боюсь, не пойду; ведь и тут слышно! Вы знаете, бесенок этот даром не выкинется!

1-я русалка

Чего бояться? Пастушок меня не тронет; ведь ты знаешь его, Поныря, он круглый сирота, и дружно с нами живет; наедни он заснул, так я гребнем своим и голову ему расчесала; сердечный, и присмотреть-то за ним некому.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

3-я русалка

Да и где ему, красавицы, нас затрагивать, и всего-то тринадцатый годок; что ж он разумеет?

1-я русалка

Подойдемьте!

(Общий хоровод русалок, под рожок, который переходит в плясовую «Ой, не будите меня молодую». Весна кидается, ухватывает одну Русалку и уносит ее; остальные с криком разбегаются; вопли похищенной, плач подруг ее, резкий хохот Домового; Оборотень кричит петухом и пробегает кошкой; Леший ржет жеребцом; Водяной кричит водяным быком, выпью).

Водяной (выбегает бегом)

Разбойник!

Держите его! Держите! Разбойник!

Домовой (с угрозою навстречу ему)

Куда, куда?

(Буря начинает разыгрываться; отдаленная гроза).

Водяной (отскакивает в отчаянии назад за свою межу)

Разбойник! Измочало вас всех в тряпицу! Кто унес ее? Отдай мне мою водяницу!

Домовой

Отдай домочадцев моих, князя да княжну.

Водяной

Подпольная мышь! В три дуги тебя согну! Какого тебе князя? Какую княжну?

Домовой

Стой, сват-воевода, кричи да не стучи,

А за межу ни ногой, не то будет на калачи:

Сворочу я тебе и морду, и рыло,

Да скажу, что так-де и было!

Водяной

Да помилуй же, сватушка, помилуй, кум,

Что ты это делаешь? Свой ли в тебе ум?

Домовой

Да ничей, как не свой, а ты думал новокупка?

Водяной

Свет-сосед, да зачем тебе моя голубка?

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Заснет она, что рыбка; отдай мне
водяницу.

Домовой

Отдай наперед нам князя да княжицу.

Водяной

Я твоих, домовик-суседко, не за'мал;
Обсохни я на месте – не за'мал и не видал!

Домовой

Выдай, не то заморю твою водяницу;
Вызывай-тка утопленников, да гляди, всю вереницу:
Я тебе князя укажу и признаю.

Водяной

Я, свет-сосед, ничего не ведаю, не знаю;
Я нырял на поморье, по водяного коня –
Так разве не спроказили ль тут что без меня ...

(Оборачиваясь к озеру, подняв руки).

Крут крутояр, полог бережок, водялицы, омуты
глубокие, морцо мокрое, голубая празелень, слушать, не
дремать, тут большак говорит: скиньте погадку, да на свет
отдайте молчанов своих! А ты, мокрый люд, проснись,
пробудись, пронесись вереницею; а и будет ли жив человек,
не жив человек – вставай все до единого, большак зовет –
слово мое крепко. *(Утопленники и утопленницы кружатся
над озером вереницею; между ними князь карпатский).*

Домовой

Ну да вот он, князь наш, золотой шелом,
Да в прилбице стрелка, да повит багрецом;
Отдай ты нам этого, да отдай княжицу,
Так в те поры отпущу я и твою водяницу!

Водяной

Да где ж я возьму ее, свет-сосед?
Не родить же ее, коли не было и нет;
Ну этого возьми, коли твой, так твой,
Да мою-то отдай, что ты делаешь со мной?

Домовой

Нет, свет-сосед, погоди да постой:
Притяни сюда Лешего, хоть за хвост, хоть за

Далевское литературоведение. Вып. 2.

гриву,
Да пусть он мне выдаст и свою поживу;
Тогда разменяешься, а нет, так прощай!

Водяной

Да ты толком говори, куманек, а не стращай;
Погоди, вот я вызову, он отдаст сейчас;
Погоди, сделай милость, вот справимся как раз!

(Кричит громко выпью и аукает; Леший отзывается и выходит, сначала вровень с лесом, потом малеет. Гроза и буря усиливаются, град, по земле вспыхивают тут и там огоньки, упыри и оборотни кричат всеми голосами, летают и перебегают; гады ползают по земле и по деревьям).

Леший

Что, кумовья, аль мирская сходка?

Водяной

Братишко! Какая тамо далась тебе находка?

Леший

А ты уж пронюхал? Молчи добро;
Да наша, коли пожили свое тавро!

Водяной

Послушай, сватушко, выдай ее, да покинь!

Леший

Это что ты придумал? Да пропади ты и сгинь!

Водяной

Сватушко да свет-сосед полонил мою водяницу
И правит с меня выкупу твой плен, княжицу!

Леший

Да никак ты меня вызвал на потеху, в посмеих?
А мне-то что? Да хоть выуди он всех,
Сколько есть у тебя там нырков да лягушек,
Мне то что, скажи, до твоих мокрушек?

Водяной

Да ты что ж кричишь, словно прибежал с пожару?
Отдай, говорю, мохнач, не то поддам пару:
Ведь подымусь я смерчем, так не усидишь на месте:
Залью да утоплю, коли не знаешь чести!

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Леший

Не ершись, не петушься, безперый баклан,
Пеший крахаль, отвяжись да отстань,
Пожалуешь, так припасем на тебя гостинца (*грозит
дубиной*),

А тебе не видать от княжны и мизинца!

*(Гром и молния; оборотни кричат и мечутся; Леший
вырастает в дерево и уходит).*

*Домовой (который сидел все время за
своей межой и играл в камешки, подкидывая и подхватывая
их)*

Верши, брат, дело, коли не боишься свалки:

А нет княжны, так нет и Русалки. *(Пропадает).*

Водяной

Пропасть бы вам обоим, да провалиться, да сгинуть –
Камень бы вам на шею, да в омут закинуть!

А тебя, космача, я дойду и доеду:

Ты, вольница, рано затрубил победу!

Ко мне, Поныря, Волнушка, Зыбуша,

За мной, Водосвета, за мной, Полоскуша!

*(Кричит громко вытью; Русалки рассыпаются по озеру
хороводом и несутся к нему; занавес падает)».*

Весна приносит русалку к себе в терем, и ласкает и
ублажает ее; но она все просится от него и наконец
признается, что она русалка. Весна не верит.

Здесь нам хотелось бы остановить почтенного казака
и заметить ему, что у нас русалки представляются зелеными
волосами: следственно Весна не мог бы принять ее за
деревенскую девушку. Но это безделка. Далее.

Русалка просит, чтобы Весна по крайней мере дал ей
гребень и позволил расчесать косу. Он соглашается. Она
начинает чесать косу и поет известную песню: «Не соловейко
щебетал раным-рано по заре».

В это время вода бежит струей с распущенных волос
русалки; она поет все громче и громче, вода бежит пуще и
пуще, и наконец заливает весь покой; Весна в страхе
спасается на горку, что построил домовый. Русалка купается в
воде и полощется, созывая своих подруг. Издали аукаются. К

Далевское литературоведение. Вып. 2.

счастью, у дверей раздается сильный спор; входит домовой; вода исчезает. Он советует Весне снести русалку на болото.

Здесь мы опять с придиркою. Зачем Домовой убедил Весну поймать русалку, когда сам не мог этим воспользоваться?... Как бы то ни было, Весна сажает Порезвушу белую в корзину и несет на болото.

Между тем в лесу Леший ублажает Зорюшку. Княжна плачет. Приходит Тумак, напоминает Лешему его обещание выдать ему княжну, и хочет защитить свою невесту. Леший гонит его. Тумак говорит:

«Не отойду, хоть жилы из меня тяни: отдай невесту мою, княжну! Дядя, нешто и ты меня обманул? Князь велел выкинуть, невесты не дает. Тумак сказал дяде: «Дядя, обидь князя, отыми невесту, отдай Тумаку!» Дядя молвил: «Приведи, Тумак, не даром люди межеумком зовут, приведи да передай, будет твоя, а? Дядя, кто молвил это! Отдай же! Меня бей, меня пинай, меня жги, а княжну не тронь: я за нее в драку с тобой полезу, грызться стану, кусать зубами; дядя, отдай жениху невесту!»

Леший

Я ж тебе дам невесту, постой!

(Тащит Тумака по земле к надколотому пню; засунув в него богатырскою силою руку Тумака, выбивает в один мах клин – пень щелкнул и сомкнулся).

Тумак *(вьется на корточках вокруг пня)*

Ай! Сатана тебя, дядя, пазилом распази. Ай! Собака, голодная собака объедайся ... коли не подавишься ... ай! Откушу руку! *(Грызет кисть руки своей)*».

Странная словесность! Леший кладет в расщелину руку Тумака. Тумак кричит и зовет дядю своего, Водяного. Водяной откликается. Оборотень кричит петухом и летит полетушей, то есть белым филином.

Леший

Чего надо, волчонок, зачем?

Оборотень *(перекинувшись приземистым карлой, слезает с дерева)*

Дядя! Тут такое случилось, что не знаешь, как

Далевское литературоведение. Вып. 2.

сказать!

Леший

Меня не введешь в краску: сказывай, что слышать?

Оборотень

Не в том, видишь, сила: тут соромного нет,
Да недоброе есть: видел много примет,
Подслушал у камня торги да переторжки,
Да плутни, да шашни, да разные передержки,
Есть замыслы, дядя, злые, беда не за горой:
Никак совсем сбесился сосед наш Водяной;
Дудит себе выпью, скликает Русалок –
И приплыли они рекою, словно стая галок,
Свету не видать – чернявы поплвуши
Все озеро укрыли, да плывут прямо к суше:
Ну ровно бакланы, как пойдут рыбачить
Лавою да рядом, а Водяной маячит
Да правит поездом, ну, сущий бес,
И бежит волна перед ними, да прямо в лес:
Опушку залило, брат, давным-давно,
Так живи ты с оглядкой, а по мне все равно,
Мы и тут, и там, ныне рыбой, а заутре птицей,
А ты плаваешь по-топорному, не захлебнуться б
водицей!

Леший

Врешь ты, коротыш, скаредная рожа!
(Уходит за справкой; слышен хохот и песни Русалок).

Оборотень

То-то, лыкодёр, трухлявая рогожа,
Ты боек, и остер, и буян, хоть куда ...
Да вот она, вот! И волна, и вода!
(Кричит кошкой, улетает и сокочет сорокой).

Княжна (падает на колени)

Прими, господи, грешную душу мою –
Прости, господи, прегрешенья мои –
Утешь, господи, родителя моего –
Прими, господи, грешную душу мою!

Тумак визжит и рвется в то же время, извиваясь около

Далевское литературоведение. Вып. 2.

ня, и гложет руку.

Леший (вбегает)

Не выдам тебе ее, не выдам и не покину –

Топи меня, жги меня, не выдам – хоть сгину!

(Хватает княжну и уносит ее на вершину сосны.

Русалки ближе и ближе – волна шумит и заливает лес).

Тумак

Ау! Дядя водяник! Топи его, заливай;

Топи его, вот он: подмывай его, подмывай!

(Вода заливает весь лес; Русалки плывут лавою промеж деревьев и перекликаются, с ними же Удача, князь карпатский; Водяной идет вперед, по пояс в воде, в руках весло).

Тумак

Вот он, дядя, топи его, подмывай,

Да выпусти ж меня – утону я – ай-ай!

Водяной

(бьет Тумака веслом по голове; того заливает)

А ты, каракатица брюхоголовая, здесь?

Окупись да нырни: я собью с тебя спесь!

Сперва надурил, а там дядю подзываешь?

Нет, сам заварил, так сам и расхлебашь!

Равняйся, умницы! Вперед, мои брызгуши!

Заливай да топи! Ай, да поплонуши!

Не бось, как зальем, так скажется нахал!

Гоните волну! Что ж девятый вал?

(Общий крик Русалок; девятый вал бежит перед нами и заливает все; деревья выше половины в воде).

Леший

Стой, ты! Треклятый тюлень, образина!

На, вот, возьми, подавись ею, сомина!

(Кидает с размаху сонную княжну; Удача и Русалки принимают ее на руки, качают, сбиваются все около нее в кучу, поднимают ее выше голов своих и с нею уплывают).

Водяной

А, брат, ты здесь? Что дело, то дело;

Мир, так мир; пойдем, слезай смело!

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Поньруши! Глядите, берегите княжну,
Да сманите за собой на озеро волну!

Стой, волна, по сей день, по сей час, по сей миг,
по сие место: лилась ты поводливо по пятам моим,
вынесли тебя на чреслах девственных Русалки мои из
озера глубокого – отхлынь, отступи, заполоскавай следы
мои; а ты, озеро глубокое, бездонное, ты влейся в берега
свои, угомонись да покачивайся, на одном месте стоючи.
Слово мое крепко.

Мир, так мир, брательник, ударим по рукам:
Я не зачинщик, знаешь ты сам.

Брат полонил мою, да правит с меня в размен
И нашу поживу, да и твой вечерний плен;
Так тут, любо - не любо, пришла такая доля —
И рад не замал бы, да не своя, вишь, воля!

*Леший (вырывает сосну с корнем
и замахивается на Водяного, который мечется в воду и
уплывает)».*

*Весна вносит Русалку Порезвушу к Белому
камню, и пугается, спотыкаясь на спящих. Леший
свищет и разливается хохотом; Русалки хохочут;
Водяной кричит выпью; крик Весны повторяется со всех
сторон отголосками; он мотается взад и вперед, падает
и засыпает. Музыка играет под сурдиной русскую
заунывную песню; Домовой выходит из земли и держит руку
над головою Русалки; она привстает и аукает – Русалки
на озере и Водяной отзываются, несут в хороводе
карпатского князя и княжну Зорю, сонных, кладут их
рядом на землю, положив голову княжны на плечо князя
карпатского; потом подхватывают Порезвушу, целуют ее,
хохочут, пляшут и улетают с нею в быстром хороводе.
Водяной стоит все время в стороне, подпершись веслом, и
уходит за ними».*

Домовой поет над спящими песни и пробуждает их.
Зоря занимается. Князь Вышеслав просыпается с изумлением;
птицы поют. Кончится тем, что княжну Зорю выдают за князя
карпатского Удачу.

Прочие три пьесы не представляют даже ничего

Далевское литературоведение. Вып. 2.

занимательного по своему содержанию.

Литература

1. **Юган Н. Л.** Художественная специфика цикла В. И. Даля «Были и небылицы» / Н. Л. Юган. – Луганск : Альма-матер, 2006. – 263 с.
2. **Юган Н. Л. А. А.** Краевский о раннем творчестве В. И. Даля / Н. Л. Юган // Далевское литературоведение. – Луганск : Гос учрежд. «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2008. – Вып. 1. – С. 57-77.
3. [От ред.] Очерк русской литературы за 1838 и 1839 годы: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Сын Отечества. – СПб., 1839. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 135-139.
4. [Сенковский О. И.] Критика: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] / О. И. Сенковский // Библиотека для чтения. – СПб., 1839. – Т. XXXV. – С. 13-26.
5. **Орнатская Т. И.** «Сын Отечества» / Т. И. Орнатская // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : «Сов. энцикл.», 1972. – Т. 7. «Советская Украина» - Флиаки. – Стб. 296-297.
6. «Сын Отечества» // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : «Сов. энцикл.», 1987. – С. 430.
7. **История** русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. А. В. Запалова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во «Высш. шк.», 1966. – 544 с.
8. **Морозов В. Д.** О. И. Сенковский и его «Библиотека для чтения» / В. Д. Морозов // Морозов В. Д. Очерки по истории русской критики второй половины 20 – 30-х годов XIX века. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. – С. 271-305.
9. **Есин Б. И.** История русской журналистики XIX в.: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / Б. И. Есин. – М. : Высш. шк., 1989. – 240 с.
10. **Кулешов В. И.** История русской критики XVIII – XX веков: Учеб. для студ. пед. ин-тов. – 4-е изд., дораб. / В. И. Кулешов. – М. : Просвещение, 1991. – 432 с.
11. **Миронов Г. М.** «Библиотека для чтения» / Г. М. Миронов // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : «Сов. энцикл.», 1962. – Т. 1. Аарне – Гаврилов. – Стб. 604.
12. **Березина В. Г.** «Библиотека для чтения» / В. Г. Березина // Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX в.: 1826 – 1839 гг. – Л., 1965.
13. «Библиотека для чтения» // Литературный

Далевское литературоведение. Вып. 2.

энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : «Сов. энцикл.», 1987. – С. 53. 14. **Белкин А. А.** Булгарин Фаддей Венедиктович / А. А. Белкин // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : «Сов. энцикл.», 1962. – Т. 1. Аарне – Гаврилов. – Стб. 770. 15. **Мещеряков В. П.** Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович / В. П. Мещеряков, А. И. Рейтбат // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. – М. : Изд-во «Сов. энцикл.», 1989. – Т. I. А – Г. – С. 347-351. 16. **Березкина Л. Г.** Греч Николай Иванович / Л. Г. Березкина // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : «Сов. энцикл.», 1964. – Т. 2. Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. – Стб. 339-340. 17. **История** российской журналистики: Хрестоматия / Авт.-сост. А. Г. Алтунян. – М. : Изд-во УРАО, 2004. – Т. 2. 1801 – 1855. 18. **Якушин Н. И.** Русская литературная критика XVIII – начала XX века: Учеб. пособие и хрестоматия / Н. И. Якушин, Л. В. Овчинникова. – М. : ИД «Камерон», 2005. – 816 с. 19. **Крупчанов Л. М.** История русской литературной критики XIX века: Учеб. пособие / Л. М. Крупчанов. – М. : Высш. шк., 2005. – 383 с. 20. **«Библиотека для чтения»** // Літературознавча енциклопедія: У 2 т. / Авт.-укл. Ю. І. Ковалів. – К. : Видавн. центр «Академія», 2007. – Т. 1. А (аба) – Л (лямент). – С. 125. 21. **Акимова Н. Н.** Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф / Н. Н. Акимова. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2002. – 183 с. 22. **Акимова Н. Н.** Ф. В. Булгарин и Н. В. Гоголь: массовое и элитарное / Н. Н. Акимова. – Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб., 1996. – 22 с. 23. **Акимова Н. Н.** Булгарин и Гоголь (массовое и элитарное в русской литературе: проблема автора и читателя) / Н. Н. Акимова // Русская литература. – СПб., 1996. – № 2. – С. 3-22. 24. **Акимова Н. Н.** Булгарин и Гоголь (литературная биография и литературная репутация) / Н. Н. Акимова // Русская литература. – СПб., 1996. – № 3. – С. 3-18. 25. **Денисенко С. В.** Литературная репутация Фаддея Булгарина / С. В. Денисенко // Булгарин Ф. В. Дурные времена: Очерки русских нравов. – СПб. : Азбука-классика,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

2007. – С. 3-30. 26. **Рейтблат А. И.** Видок Фиглярин (история одной литературной репутации) / А. И. Рейтблат // Вопросы литературы. – М., 1990. – Март. – С. 73-101. 27. **Рейтблат А. И.** Русские писатели и III Отделение / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – М., 1999. – № 40 (6). – С. 158-186. 28. **Карпов А. А.** Греч Николай Иванович / А. А. Карпов // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. – М. : Больш. Российск. Энцикл., 1992. – Т. II. Г – К. – С. 18-21. 29. **Письма Н. И. Греча к Ф. В. Булгарину** / Вступ. заметка, подг. текста и ком. А. И. Рейтבלата // Новое литературное обозрение. – М., 1999. – № 40 (6). – С. 94-112. 30. **Каверин В. А.** Собр. соч.: В 6 т. / В. А. Каверин. – М. : Худож. лит., 1966. – Т. 6. – 640 с. 31. **Рейтблат А. И.** Сенковский Осип Иванович / А. И. Рейтблат // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. – М. : Больш. Российск. энцикл., 2007. – Т. V. П – С. – С. 572-580. 32. **Шаронова А. В.** О проблеме взаимоотношений авторов «Библиотеки для чтения» / А. В. Шаронова // Русская литература. – СПб., 2000. – № 3. – С. 83-95. 33. **Из переписки В. И. Даля с сестрой П. И. Шлейден** // В. И. Даль. Документы. Письма. Воспоминания / Сост. Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова, А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева. – Оренбург : ООО «Оренб. книж. изд-во», 2008. – С. 91-121. 34. **Ильин С. А.** «Физиологии» Ф. В. Булгарина и В. И. Даля / С. А. Ильин // Научное и творческое наследие В. И. Даля в контексте современного знания. Одиннадцатые Международные Далевские чтения : Докл. и сообщ. – Луганск : Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2007. – С. 33-38. 35. **Романов Б. Н.** Поэзия Даля / Б. Н. Романов // Даль В. И. Картины из русского быта / Сост. и вступ. ст. Б. Н. Романова. – М. : Новый ключ, 2002. – С. 3-18. 36. **Даль В. И.** Письмо к Ф. В. Булгарину / В. И. Даль // РО ИРЛИ. – Ф. 123. – Оп. 1. – Ед. хр. 324. Personalia. Из собр. Бурцева А. В. – 2 л. 37. **Шляпкин И. А.** Берлинские материалы для истории русской литературы / И. А. Шляпкин // Русская старина. – 1893. – Год XXIV. – Апрель. – С. 51-60. 38. **Бурнашев В. П.** Четверги у Греча / В. П. Бурнашев // Заря. – 1871. – № 2, 4. 39. **Юрке-**

Далевское литературоведение. Вып. 2.

вич П. И. Из воспоминаний петербургского сторожила / П. И. Юркевич // Исторический вестник. – 1882. – № 10. – С. 159-160. 40. **Вигель Ф. Ф.** Записки / Ф. Ф. Вигель. – М., 1928. – С. 327-328. 41. **Даль В. И.** Письмо к Н. И. [Гречу]. Черновик: В «Записной книжке [1835 – 1845]» (Черновой автограф) / В. И. Даль // ОР РГБ. – Ф. 473. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Лл. 64 об.-64а об. 42. **Три** письма к Далю В. И. в Бахметевском архиве / Публ. Е. Е. Пастернак // Новое литературное обозрение. – М., 1995. – № 11. – С. 154-160. 43. **Даль В. И.** Письмо Н. И. Гречу. 24 марта 1851 г. / Примеч. М. Сухомлинова; В. И. Даль // Древняя и Новая Россия. – 1876. – № 1. – С. 98. 44. **Даль В. И.** Письма (13) к Н. И. Гречу. Приложение, корректурные листы (4) Словаря В. И. Даля, с его пометками. 1851–1865 гг. и б. д. / В. И. Даль // РО ИРЛИ. – Ф. 590. – № 67. Архив Н. И. Греча из собрания П. Я. Дашкова. – 27 л. 45. **Даль В. И.** Письма (2) к Н. И. Гречу от 3 сент. [1860]. (Авт. и копия) и от 28 февр. 1864 (копия). 6 л. / В. И. Даль // ОР РНБ. – Ф. № 874. – Архив С. Н. Шубинского. – Оп. 2. – № 188. – 6 л. 46. **Даль В. И.** Письмо к Н. И. Гречу. 1864, февр. 28. 2 л., 1 пр. / В. И. Даль // РО ИРЛИ. – Ф. 357. – Оп. 2. – № 102. Собр. Яковлева И. И. – 12. 5. 1126. 47. **Даль В. И.** Письмо к Н. И. Гречу. Черновик / В. И. Даль // ОР РГБ. – Ф. 273. – Карт. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 64 об. 48. **Даль В. И.** Письмо к [Н. И. Гречу]. [1862 г. Москва]. Ксерокопия. 4 л. / В. И. Даль // ОР РНБ. – Ф. 218. Греч Н. И. – № 18. – 4 л. 49. **Даль В. И.** Письмо к Н. И. [Гречу]. [Москва, 1866]. 1 л. / В. И. Даль // ОР РНБ. – Ф. 608. Помяловский И. В. – Оп. 1. – № 4818. – 1 л. 50. **[От ред.]** Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. 4 тома // Сын Отечества. – СПб., 1847. – Кн. 1. Январь. – Отд. VI. Критика и библиография. – С. 39-51. 51. **Прокофьева А. Г.** Примечания / А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская, В. Ю. Прокофьева, И. К. Зубова // Даль В. И. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя: Неизвестный Владимир Иванович Даль / Сост. А. Г. Прокофьевой, Г. П. Матвиевской, В. Ю. Прокофьевой, И. К. Зубовой; В. И. Даль. – Оренбург : Оренбургск. книж. изд-во, 2001. – С. 468-477. 52. **Из писем** В. И. Даля А. А. Краевскому // В. И. Даль. Документы.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Письма. Воспоминания / Сост. Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова, А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева. – Оренбург : ООО «Оренб. книж. изд-во», 2008. – С. 68-75. 53. **Переписка** В. И. Даля и М. П. Погодина. Часть I / Публ. А. А. Ильина-Томича // Лица: Биографический альманах. 2. – М. ; СПб. : Феникс: Atheneum, 1993. – С. 287-388. 54. **Из бумаг** Степана Петровича Шевырева [Подп. П. Б.] // Русский архив. – М., 1878. – Кн. II. – [Вып. 5-8]. – С. 47-87. 55. **Даль В. И.** Во всеуслышание / В. И. Даль // Русский архив. – М., 1880. – Кн. 3. – С. 473-480. 56. **Фесенко Ю. П.** Стихотворное обращение В. И. Даля к А. С. Пушкину / Ю. П. Фесенко // Русская речь. – М., 1999. – № 2. – С. 39-46. 57. **Прилипка М. В.** Статья В. И. Даля «Во всеуслышание» как эпизод журнальной борьбы 1830-х годов / М. В. Прилипка // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. літературознавство. – Харків, 2003. – Вип. 3 (55). – С. 22-27. 58. **Даль В. И.** Избранные произведения / Сост. Н. Н. Акоповой, вст. ст. Л. П. Козловой, примеч. В. П. Петушкова; В. И. Даль. – М.: Правда, 1983. – 447 с. 59. **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч.: В 10 т. / А. С. Пушкин. – М., 1949. – Т. VII. 60. [**Сенковский О. И.**] Собр. соч. Сенковского О. И. (Барона Брамбеуса) / О. И. Сенковский. – СПб. : Тип. имп. АН, 1858. – Т. I. – 517 с. 61. [**Сенковский О. И.**] Критика: [Были и небылицы Казака Владимира Луганского. Кн. 3.] / О. И. Сенковский // Библиотека для чтения. – СПб., 1836. – Т. XVII. – Ч. 2. – С. 30-31.

Аннотации

Юган Н. Л. Сказочное творчество В. И. Даля в русской критике («Сын Отечества» и «Библиотека для чтения»)

В статье анализируются и публикуются рецензии на пьесу-сказку В. И. Даля «Ночь на распутье» издателей известных русских журналов 1830 – 1840-х гг. Ф. В. Булгарина («Сын Отечества») и О. И. Сенковского («Библиотека для чтения»). Автор приводит сведения об осуществленных в журналах публикациях Казака Луганского

Далевское литературоведение. Вып. 2.

и помещенных в них критических разборах на его произведения. Здесь также рассматриваются взаимоотношения В. И. Даля с Ф. В. Булгариным и О. И. Сенковским, позиция писателя в литературной борьбе против «торгового» направления в русской литературе данного периода.

Ключевые слова: критика, журналистика, публикации, борьба против «торгового» направления в русской литературе.

Юган Н. Л. Казкова творчість В. І. Даля у російській критиці («Сын Отечества» та «Библиотека для чтения»)

У статті аналізуються та публікуються рецензії на п'єсу-казку В. І. Даля «Ночь на распутье» видавників відомих російських журналів 1830 – 1840-х рр. Ф. В. Булгаріна («Сын Отечества») й О. І. Сенковського («Библиотека для чтения»). Автор наводить відомості про розміщених у журналах публікаціях Козака Луганського та зроблених в них критичних розборах його творів. Тут також розглянуто взаємовідносини В. І. Даля з Ф. В. Булгаріним та О. І. Сенковським, позиція письменника в літературній боротьбі проти «торгового» напрямку в російській літературі цього періоду.

Ключевые слова: критика, журналістика, публікації, боротьба проти «торгового» напрямку в російській літературі.

Jugan N. L. V. I. Dal fairy tale creativity in the Russian criticism («The Son of Fatherland» and «Library for reading»)

Reviews of V. I. Dal's play-fairy tale «Night at the crossroads» of the publishers of known Russian magazines of 1830 – 1840 th F. V. Bulgarin («the Son of Fatherland») and O. I. Senkovskiy («Library for reading») are analyzed and published in the article. The author results data on the publications of the Lugansk Cossack carried out in magazines and the critical analyses placed in them on its products. V. I. Dal mutual relations with F. V. Bulgarin and O. I. Senkovskiy are considered; his

position in literary struggle against a «trading» direction of Russian literature of the given period.

Key words: criticism, journalism, publications, struggle against a «trading» direction in the Russian literature.

УДК 821.161.1-3.09+929 Даль

Т. В. Старецкий
(Луганск)

***КОМЕДИЙНАЯ ПОЭТИКА СКАЗКИ
В. И. ДАЛЯ «ПРО ЖИДА ВОРОВАТОГО
И ЦЫГАНА БОРОДАТОГО»***

Раннее творчество Владимира Даля – известного этнографа, лексикографа, собирателя фольклора, писателя – связано с жанром литературной сказки, основанной на фольклорных сюжетах.

Сказка «Про жида вороватого и про цыгана бородатого», вошедшая во вторую книгу цикла «Были и небылицы Казака Владимира Луганского» (1835) [1], повествует о быте народностей (в частности, евреев, цыган, украинцев), населявших юго-запад России в первой половине XIX века. Наряду с тем, что в сказке «Про жида и про цыгана» обыграны человеческая аморальность, пороки и слабости, произведение вобрало в себя ряд юмористических сюжетов. В. Белинский о сказке написал так: «<...> состоит из ходячих армейских анекдотов о жидях; грязно, скользко, старо, пошло, но, несмотря на то, так забавно, что не возможно читать без смеха» [2, с. 578]. Критик, говоря об успехе произведения, выделяет В. И. Даля скорее как юмориста, чем литератора. Н. Л. Юган в монографии о художественной специфике «Былей и небылиц» анализирует высказывания великого критика, призывавшего литераторов

Далевское литературоведение. Вып. 2.

того времени прекратить «размножение» литературных сказок вообще, не видя в этом никакой пользы [3, с. 10].

Сказка «Про жида и про цыгана» не была предметом научного рассмотрения. Единственной работой об этом произведении является статья Н. Л. Юган о фольклоризме авторского сюжета, жанрово-стилевые особенности сказки [4].

Целью данной статьи является анализ сатиры и юмора как способов достижения комического эффекта в далевской сказке. Задачи были поставлены следующие: определить типологические разновидности комического пафоса в литературной сказке В. И. Даля; проанализировать конкретные случаи его использования, охарактеризовать идейную специфику произведения.

Тема сказки «Про жида и про цыгана» – столкновение интересов конкретных народностей – указана уже в названии. Конфликт, заключённый во взаимоотношениях центральных персонажей – еврея Ицьки Гобеля (жида вороватого) и цыгана (бородатого), – являет собой ссылку на конкретный исторический период в истории юго-западной окраины России. Об этой связи свидетельствуют события (1820-е гг.), описанные в девятом «похождении»: «<...> жида Подола, Вольни, Литвы и Украйны предприняли небольшой оборотец, который лишил большую часть жителей, а особенно неимущих, значительной части их достояния» [5, с. 117]. Суть заключалась в изъятии из оборота мелких русских денег. Когда на руках остались только иностранные, курс изъятых денег вырос, а оставшиеся иностранные запрещены в использовании. Ицька – представитель еврейской общины, участвовавшей в этой афере, «цыган бородатый» – один из потерпевших ущерб.

Сказка также является средством представления на суд читателя человеческих пороков и слабостей, с которыми ежедневно можно столкнуться в обществе. В образах главных героев отражены определённые человеческие пороки: цыган – обманщик, вор, еврей Ицька – воплощение алчности, скупости, трусости.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В этой связи интересен тот факт, что в Толковом словаре В. И. Даля, изданном в 1935 г., который был в свою очередь воспроизведен со 2-го издания 1880 – 1882 гг., исправленного и значительно умноженного по рукописи автора, «жид» означает «скупой, скряга, корыстный скупец» [6, с. 557]. Собиратель и лексикограф привносит в Словарь дополнительные характеристики нации, фиксирует сниженное, фольклорно-анекдотическое представление, широко бытуемое в народе.

Одновременно оба «сказочных» героя достаточно хитры и пронырливы, что в свою очередь компенсирует им их недостатки и привносит в сказку дополнительные комедийные оттенки, и чем в итоге достигается эффект комизма. В сказке использованы фольклорные сюжеты, раскрывающие тему межнациональных отношений. Образы главных действующих лиц выбраны В. Далем не случайно: согласно русским народным пословицам и поговоркам они упоминаются вместе. Например: «наскочил цыган на жидовина», «торгуется как жид, как цыган», «кто цыгана (жида) обманет, трёх дней не проживёт» [7, с. 38, 220]. К тому же образы еврея и цыгана являются традиционными в жанре анекдота и сегодня [8, 9].

Проблематику сказки можно охарактеризовать как социокультурную [10, с. 31]. Место действия – Шклов, Сквиря, Бердичев – черта осёдлости евреев в начале XIX в.; рынок и ярмарка – места постоянного присутствия цыган. Таким образом, события произведения заключены в конкретные исторические и географические рамки.

Сатирические и юмористические элементы сказки являются жанрообразующими, так как система отношений главных героев построена на комически обыгранном конфликте. Исходя из этого, литературную сказку можно охарактеризовать как сатирико-бытовую, анекдотическую. То есть налицо все признаки слияния фольклора и письменного творчества.

Повествование в сказке ведётся от имени вымышленного рассказчика, что соответствует литературной традиции 30-х гг XIX в. «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Н. Гоголя, «Повести Белкина» А. Пушкина, «Пёстрые сказки» В. Одоевского – сборники, в которых рассказчик – конкретный герой, представленный через отдельную характеристику. Далевский образ подан представляется в виде площадного балагура, услышавшего эту историю от никому неизвестного свата Демьяна (к тому же во сне) и развлекающего толпу на базаре кукольным представлением. В кукольном театре такого типа, как правило, использовались образы Петрушки и бичуемого, порицаемого им героя. Например, «Петрушка и его невеста», «Петрушка и цыган», «Петрушка и капрал» [11, с. 471]. Таким же образом построена сказка «Про жида и про цыгана», где Петрушка с палкой – это «цыган бородатый», а еврей Ицька – бичуемая кукла. Автор в тексте сказки намеренно использует насмешливые национальные прозвища «жиды», «москалии», «хохлы». Подобная «фамильярная речь» наряду с шуточными ругательствами и проклятиями, названная так М. Бахтиным [12], характерна для широких обывательских масс, собиравшихся на ярмарочных представлениях, которые имели место в России до революции 1917 года. Характеристика внешнего вида еврея Ицьки рассказчиком также соответствует балагурной форме общения: праздничный халат «латка на латке латкой погоняет», лосинные панталоны «целиком из телячьей шкуры», ермолка, из которой «добывал на выварке по два раза в год, фунтов по пяти сала». Подобные методы сравнения и оксюморона проявляются уже в сопоставлении имён главных героев. Характеристики «вороватый» и «бородатый», как видно, находятся в разных смысловых плоскостях. И, наконец, ссылка в начале рассказа на свата Демьяна, от которого была услышана сказка, и чья характеристика заканчивается на его имени, – всё указывает на базарную постановку для простонародья.

«Сказка» состоит из 16 тематически связанных эпизодов-похождений. Каждое из «похождений» батрака Ивана и еврея Ицьки заключено в одно событие. В некоторых «похождениях» появляется «цыган бородатый», обманывающий «жида вороватого».

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Экспозиция сказки задает традиционную для бытового фольклорного сказочного сюжет тему: отношения батрака и хозяина: «А что, Иван, нет ли тут по пути гайдамаков, по-нашему, разбойников? — Как не быть, есть, — отвечает ему батрак Иван, — и злые; богатых жидков режут да прикалывают, а нашего брата по головке гладят, за то, что жидков подвозим» [5, с. 96]. Диалогом между батраком и хозяином автор сказки передаёт атмосферу их взаимоотношений, основанных на неприязни. Подобный способ характеристики отношений между двумя социальными классами присущ бытовым сказкам, отражающим недовольство низших социальных слоёв России по отношению к помещичьему классу. Например, «Ямщик и купец», «Вороватый мужик» [13].

В диалоге также можно выделить некоторые черты психологического портрета главного героя сказки – пугливость, трусость. «Иван, моё золото ненаглядное <...> заступись ты за меня, не давай в обиду гайдамакам» [5, с. 96]. Примечательно, что земли, где происходит действие сказки, долгое время были населены беглыми каторжниками и крестьянами, занимавшимися разбоем. Например, фольклорный текст «Мошека» содержит прямое на то указание: «На том месте, где теперь Могилёв, стоял тёмный непроходимый лес <...>. В этом лесу жил страшный разбойник, которого звали Мошекой» [14, с. 290].

О запуганности еврея Ицьки упоминается неоднократно: «У Ицьки сердце всё ещё стучало вслух» [5, с. 111]. Он заснул с мыслью о «бурлаке-гайдамаке» и во сне ему пригрезился «страшный, неумолимый цыган с ножом в руках». Итогом такой впечатлительности становится сцена массовой истерии всего еврейского кагала. Психологическая характеристика еврейской общины, придающая сказке юмористический оттенок, – склонность к панике: евреи общины объявляют город «на военной ноге», а шинок «в военном положении» [5, с. 120] из-за одного цыгана. Сцены давки и паники встречаются каждый раз, когда упоминается община: «давили, как ошалелые, друг друга, кричали», «ударил всем кагалом по клячам, и понеслись, сломя голову,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

через пень, через колоду» [5, с. 110]. Подобные эпизоды встречаются в разных «похождениях» и являются составной частью комического пласта в тексте: например, жена Ицьки Хайка «очутившись среди улицы <...> подняла такой жалобный и тоскливый вой: «ой вай мир, вай мир!» Что весь кагал жидовский вскоре сбежался с каганцами, с сальными огарками в руках» [5, с. 111]. В то же время автор посредством сатиры формирует представление об общине как об угрожающей самой себе, так как во время каждого эпизода массовой истерии кто-то из них серьёзно страдает.

Диалогом на рынке сатирически описывается характерная еврея Ицьки тяга к обогащению: «<...> продам, пожалуй, и раввина!» Другой еврей на это ответил, что если бы отец Авраам услышал это, он бы под землёй перевернулся. «Ниц не шкодзи <...> завтра ты продашь и меня самого, и раввина, и себя, если кто тебе посулит за нас всех, гуртом, три копы, в раздроб по полтине, и тогда отец Авраам снова перевернется, и, стало быть, опять ляжет себе по-прежнему, на спину!» [5, с. 100]. Данная черта Ицьки проявляется в разных ситуациях и представляется одной из основных. В тринадцатом «похождении», например, В. Даль пишет, что Ицька приносил офицерам вещи на продажу, даже в шабаш – запрещенный еврейским законом день для торговли. На вопрос, как он может заниматься торговлей в этот день, он отвечал: «для меня это, пане, не работа, а повеселье!» [5, с. 133]. Так В. Даль характеризует одну из сторон характера своего героя. В продолжение создания собирательного образа евреев, обитавших в указанной местности, сказочник говорит: «<...> каждый оборванец распоряжается вашим карманом, словно своим, и делает это, кажется с помощью магнетизма. Он видит по глазам вашим, сколько у вас есть денег, сколько было и будет: чутьём слышит, какою именно монетою; с первого взгляда смекнёт, чем можно служить вам, чем угодить и надуть; с первого запроса узнает, на сколько можно вас оплести» [5, с. 120]. Сатиру на жадность можно встретить в русских фольклорных сказках. Например, «Скряга», где помещик готов идти на разного рода крайности ради одной копейки, «Смерть скупого» [11, с. 824, 925] – о съедающем

Далевское литературоведение. Вып. 2.

перед смертью свои деньги старике. А также в литературных сказках «Сказка о попе и работнике его Балде» А. Пушкина.

Сатира на жадность и скупость еврея представлена в виде его наказания хитростью и обманом цыгана. Узнав в цыгане вора, Ицька, как всегда, подымает панику: «Гвалт! Караул! Ты мою лошадь украл! – Дурак ты круглый <...> как только дознался я, что эта кляча твоя, так я и сам за тобою в погоню пошёл; <...> Вот тебе деньги твои назад: мелких нет, а с 50-ти рублей две красненьких подай сюда сдачи, да и квиты» [5, с. 106]. В итоге ассигнация оказалась фальшивая, что принесло Ицьке, судя по его реакции, огромное горе. Автор в данном случае намеренно наказывает одно зло другим, выявляя и осуждая, таким образом, порок.

Хитрость цыгана В. Даль описал на примере изменения им внешности украденной лошади во втором «похождении». Например, он хвост отрезал «вплоть по самую репку», подчистил копыта, взъерошил шерсть, изменил зубы. Процесс продажи «новой» лошади заключался в том, чтобы заставить сына плакать на виду у всей ярмарки, якобы из-за расставания с любимым животным. Подобное детальное художественное изображение персонажа через его окружение или действия – литературный приём. Хитрость жены Ицьки – Хайки описывается также довольно подробно: она покупала пряники, на ночь оставляла их в сыром подвале, где они напитывались влагой и становились тяжелее и, следовательно, дороже. Подобные действия персонажей детализируют теневую сторону торговли, что дополняет объёмную картину изображаемой в сказке ярмарки.

В «похождении» пятнадцатом можно встретить указание на хитрость цыгана, художественную деталь – портрет-сравнение: «Цыган бородатый, который сумел бы и деревянного или пряничного конька обратить, на час продажи, в арабского жеребца, – наездил проданную жиду клячу, стреножив её, то есть, спутав ей три ноги и, таким образом, вынудив из неё какую-то искусственную, шаткую и валкую рысь, названную им иноходью» [5, с. 142]. «Цыган бородатый» не случайно выбран автором как средоточие обмана, воровства и попрошайничества. Согласно русским пословицам, народ

Далевское литературоведение. Вып. 2.

наделяет цыган именно такими характеристиками. Например: «на волка помолвка, а цыган кобылу украл», «цыган ищет того, как бы обмануть кого», «цыган раз на веку правду скажет, да и то покажется» [7, с. 96, 103, 219]. Кроме пословиц, в русском фольклоре существует ряд сказок, посвящённых цыганской хитрости. Например, «Поп и цыган» [15, с. 310], «Змей и цыган» [13, с. 258].

Будто бы в виде иллюстрации к русским пословицам В. Даль описывает сцену с цыганом и лошастью: «Самый верный и обыкновенный оборот цыганский – это торг и мена коней; <...>, жиды и хохлы общею частью на некованых ездят; так осталось только одно: ухватиться опять за конский промысел» [5, с. 118]. Так, «цыган бородатый», придерживаясь понятия о том, что «старый друг лучше новых двух», снова обманывает Ицьку, продав ему ещё одну из его же лошадей, предварительно перекрасив её. Даже батрак Иван, заметив периодичность обмана, с иронией говорит: «Ну, брат Ицька, пару коней своих, чалую да рыжую, купил ты, а заплатил за них деньги, за каждую по два раза» [5, с. 123]. Автор, таким образом, дополняет художественный портрет Ицьки, привнося в него черту непомерной наивности, граничащей с глупостью. Продолжением подобной характеристики может служить сатирическая сцена, где Ицька не может заставить лошадь ехать дальше и впрягается вместо неё в хомут, и, привязав её к телеге, как бы в укор говорит ей: «Не хотела, бисова дзыцька, ехать в телеге – так ступай пешком» [5, с. 144].

Помимо всего, еврей Ицька представляется ворчливым, недовольным. Этот эффект достигается посредством помещения героя в ситуации, при которых сетование на окружающих становится закономерным. При каждой неудаче он ругает практически всех и всё: «Чтоб на вас, на каждого по три лихоманки, по две сухотки на брата! Чтоб на вас стонадцать мешков проказы ветхого завета!» [5, с. 125]. После падения в бочку со смолой Ицька бранил сам не зная кого: «Чтоб вам век свой кучки под крышей праздновать и мацов не видать; <...> Чтоб у вас, окаянных, бороды повылиняли!» [5, с. 116]. «<...> Да только цыган, чтоб ему в нитку высохнуть, чтоб его москали на подруже лапали» [5, с. 120]. Герой ругает всех

Далевское литературоведение. Вып. 2.

за то, что был покалечен в толпе евреями: «Чтоб вам лихо стало, чтоб на вас пеня московская; чтобы вам сорок раз подавиться одним куском свиного сала!» [5, с. 126]. В последнем «похождении» автор подчёркивает эту черту с помощью иронии. Батрак Иван сам обкрадывает хозяина Ицьку и за этим следуют авторские слова: «Может быть, в другое время это привело бы Ицьку в отчаяние; но теперь, когда он ехал за богатым наследством, оказалось на деле всё мужество великой души его» [5, с. 142]. Конечно, здесь дано утрированное описание с использованием гиперболизированных черт для создания более полного психологического портрета и с целью выделения поступков героя, подверженных сатирическому обличению.

Наряду с сатирой следует указать конкретные юмористические детали как составляющие комического пафоса сказки. Например, нельзя не учесть сцену с кошкой. Узнав о том, что кошка съела мясо, предназначавшееся для юшки, Ицька «поддел ее живую крючком за воротник, прикинул на безмен, и закричал: «Хайка! Кошка тянет ровно 5/2 фунтов; и так, это мое мясо: <...> Где наша кошка?» [5, с. 116-117]. В данном случае Ицька предстаёт в образе наивного простака с одной стороны и поборника логики – с другой. Сюжет для этой сцены был взят из восточного фольклора – сказок о Насреддине [16].

Как указывалось выше, центральным действующим фигурам – еврею и цыгану – присуща изворотливость, что делает изображение персонажей комедийным, а также объёмным и разносторонним. Еврей, имитировавший звук разбитого стекла, спорил с батраком, пугавшим его разбойниками: «<...> А кто бы тебе поверил, если бы я не стал приговаривать за каждым ударом: *дзынь* (выд. автором. – Т. С.)? Гайдамакам показалось, что звенит битое стекло, и они отступились!» [5, с. 99]. Цыган, загнанный в погреб толпой евреев, прибегнул к способу, который также можно отнести к характеристике изворотливости героя: раздевшись до гола, он обмазался салом, сделавшись, таким образом, недосыгаемым для толпы евреев, жаждущих отмщения: «<...> сотни рук хватались за него со всех сторон; он вывёртывался, нырял под

Далевское литературоведение. Вып. 2.

них и прыгал через них, отпускал заушины вправо и влево <...> он, как вьюн, увивался и благополучно достиг чистого поля» [5, с. 123]. О еврейской изворотливости в тринадцатом «похождении» написано следующее. Попав под горячую руку к гусарскому поручику, Ицька на ходу придумывает объяснения: на вопрос, от кого воняет чесноком, Ицька отвечает, что от собаки. «<...> Как от собаки? От какой? Где она? – Она сейчас придёт» [5, с. 132]. Юмористические и сатирические оттенки изучаемой сказки как разновидности её комического пафоса имеют одну цель – смех. Это становится ясно как на стадии определения её жанрово-стилевых особенностей, так и на примере анализа отдельных сюжетных сцен.

Чем больше смеха, разделяющего, не отрицающего объективную реальность, тем скорее он может быть определён как юмор. И наоборот: «Бескомпромиссность суждений о предмете осмеяния <...> присущи именно сатире» [17, с. 312]. Сущность сатиры как составляющего пафоса сказки заключается в том, что она тяготеет к положительным идеалам посредством разоблачения недостатков реальности. Например, обыгранные в сказке скупость и озлобленность предстают в виде качеств, неизменно ведущих к утрате большего или общественному порицанию. К разделяющему, беспристрастному юмору в данной сказке относятся лишь некоторые элементы художественного портрета персонажей (например, глупость). Или же сцены, где подобный юмор выступает в виде средства усиления сатиры. Так, в развязке еврей Ицька оказывается в крайне неудачном положении – повисший на шлагбауме, без денег, осмеиваемый «цыганом бородатым», а ко всему ещё и перед своим дедом, «который, на зло бедному наследнику, жив ещё, и поднесь, первый поднял камышовую трость на блудного шального внука, и прочее, и прочее, и прочее» [5, с. 145]. Таким образом, идейный замысел сказки завершает свою реализацию в этих последних строках, относящихся к главному герою. Пороки осмеяны и наказаны в лице их носителя, о котором рассказчик говорит, однако, как об «измучившемся», чем выказывает сочувствие к нему.

В сказке «Про жида и про цыгана», как и в других бытовых сказках «Вороватый мужик», «В-чём-я» [13, с. 854,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

1035] смех выступает эстетической формой наказания. Притесняемый батрак оказывается в выигрышном положении, а скупой и злой хозяин – наказан. Подобная схема действует в сказке «Про жида и про цыгана» наряду с реализацией идеи смеха ради смеха: в начале сказки хозяин был побит батраком, в середине – хозяин им осмеян, в конце – обворован. В другом ракурсе – представители общины, затеявшей аферу, терпят убытки и страдают от проделок цыгана. Наряду с реализмом сказки её идейная сторона раскрывает традиционные фольклорные способы выявления и наказания зла.

В заключении следует отметить, что тематика сказки, помещённая в вымышленном конфликте персонажей, является показателем авторского видения описанной сферы общества, а используемые типологические разновидности комизма (сатира, юмор, ирония) – формой изображения данного конфликта. В то же время литературные и фольклорные средства комедийной поэтики, используемые автором, представляют собой гибрид устного и литературного творчества. Как видно, основа сказки, её остов – традиционный фольклорный сюжет, а рассказчик – базарный артист; в свою очередь художественные способы передачи героя через его действия и окружение указывают на литературные средства характеристики.

В дальнейшем для более полного исследования творчества В. Даля представляется необходимым выявить и изучить вектор развития средств комедийной поэтики в его произведениях более поздних периодов творчества.

Литература

1. **Даль В. И.** Были и небылицы Казака Владимира Луганского : В 4 кн. / В. И. Даль. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1835. – Кн. 2. – 194 с. 2. **Белинский В. Г.** Собр. соч. : В 9 т. / В. Г. Белинский. – М. : Худож. лит., 1976. – Т. 1. – 736 с. 3. **Юган Н. Л.** Художественная специфика цикла В. И. Даля «Были и небылицы»: Монография / Н. Л. Юган – Луганск : Альма-матер, 2006. – 263 с. 4. **Юган Н. Л.** Фольклоризм сказки В. Даля «Про жида и про цыгана» / Н. Л. Юган // Материалы второй Международной научно-практической конференции

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Дні науки – ‘2006» (Днепропетровск, 17 – 28 апр. 2006 г.). – Днепропетровск: Наука і освіта, 2005. – Т. 19. Филологія. – С. 62 – 64. 5. **Даль В. И.** Собр. соч. : В 10 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М., 1898 : М. О. Вольф. – Т. 9. – 312 с. 6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гослитиздат : Тип. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1935. – Т. 1. – 13, 1, XXXI, 723с. 7 **Даль В. И.** Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо ; ННН. 2003. – 616 с. 8. **Анекдоты** [электронный ресурс]. – Про евреев. – Режим доступа к разделу : <http://new-anekdote.narod.ru/anekdote12-1.htm>. 9. **АнекдотыПро** [электронный ресурс]. – Цыгане. – Режим доступа к разделу : <http://anekdotypro.h1.ru/21-1.shtml>. 10. **Есин А. Б.** Принципы и приемы анализа литературного произведения : Учебное пособие. – 3-е изд. / А. Б. Есин. – М. : Флинта ; Наука, 2000. – 248 с. 11. **Богатырёв П. Г.** Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырёв. – М. : Искусство, 1971. – 544 с. 12. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1965. – 525 с. 13. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – М. : Альфа-книга, 2008. – 1088 с. 14. **Азбелева С. Н.** Народная проза / С. Н. Азбелева. – М. ; Русская книга, 1992. – Т. 2. – 608 с. 15. **Афанасьев А. Н.** Русские заветные сказки / А. Н. Афанасьев. – СПб. : Бояныч, 1994. – 366 с. 16. **Юган Н. Л.** Сказочная сюжетика «Былей и небылиц» В. И. Даля и фольклор / Н. Л. Юган // Далевский сборник. – Луганск : Альма-матер, 2001. – С. 43-48. 17. **Гегель Г. В. Ф.** Эстетика / Г.В.Ф. Гегель / Собр. соч. : В 4 т. – М. : Искусство, 1969. – Т. 2. – 326 с.

Аннотации

***Старецкий Т. В.* Юмористические и сатирические мотивы в сказке В. И. Даля «Про жида вороватого и про цыгана бордатого»**

В статье исследуются составляющие комического пафоса (сатира и юмор) как способы достижения художественного эффекта и реализации идейного замысла

Далевское литературоведение. Вып. 2.

сказки В. Даля «Про жида и про цыгана». С помощью указанных средств писатель выносит на читательский суд частные людские недостатки и общечеловеческие пороки. Опираясь на русский фольклор, автор сказки сталкивает в конфликте художественные образы представителей разных этнических групп.

Ключевые слова: сатира, юмор, сказки, русский фольклор.

***Старецький Т. В.* Гумористичні та сатиричні мотиви у казці В. І. Даля «Про жида вороватого и про цыгана бородатого»**

У статті досліджуються складові комічного пафосу (сатира та гумор) як засоби досягнення художнього ефекту та реалізації ідейного задуму казки В. Даля «Про жида и про цыгана». За допомогою вказаних засобів письменник виносить на читацький суд часні людські недоліки та загальнолюдські вади. Спираючись на російський фольклор, автор казки зштовхує у конфлікті художні образи представників різних етнічних груп.

Ключові слова: сатира, гумор, казки, російський фольклор.

***Staretskiy T. V.* Humorous and satirical motives in V. I. Dal' «About thievish Jew and bearded gipsy» fairy tale**

The comic pathos elements (satire and humor) as V. Dal' «About Jew and gipsy» fairy tale art effect and art idea realization mean are researched in the article. By using such means the writer exposes particular human drawbacks and universal defects to a reader's court. Being guided by Russian folklore the fairy tale author uses different ethnic representatives' images to collide them in conflict.

Key words: satire, humor, fairy tales, Russian folklore.

*В. Б. Мусий
(Одесса)*

**В. И. ДАЛЬ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
МИРОПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ
НАРОДА («ХМЕЛЬ, СОН И ЯВЬ»
И «ДЕНЩИК»)**

Как известно, в 40-е годы XIX века, когда в русской литературе складывается «натуральная школа», основными принципами художественного отображения становятся идеологичность и социальность. Писатели стараются представить своих героев и ситуации, в которых те проявляют себя, максимально приблизив их к самой жизни. А это, в свою очередь, требовало скрупулезного, детального изучения нравов, привычек, характеров и общественных отношений.

Феномен «натуральной школы» изучен литературоведами с точки зрения жанровой природы произведений, образной системы, авторской концепции действительности. Это и фундаментальная работа В. И. Кулешова «Натуральная школа в русской литературе XIX века», и непосредственно посвященная художественной деятельности В. И. Даля монография Ю. П. Фесенко «Проза В. И. Даля. Творческая эволюция». Значительно развивают наше представление о творческом пути В. И. Даля научные конференции, публикация материалов докладов, сделанных на них. Это и проведенная в Киеве в 2002 году конференция «Володимир Іванович Даль і сучасні філологічні дослідження», и, что особенно важно для осмысления наследия этого лингвиста, писателя, этнографа, фольклориста, общественного деятеля – конференции в Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко, в работе которых принимают участие и молодые ученые, студенты, о чем свидетельствуют сборники материалов. В то же время многие проблемы далевского

Далевское литературоведение. Вып. 2.

литературоведения еще не решены. В первую очередь – поэтики произведений В. И. Даля.

Это определило проблематику нашей работы: в ней решается вопрос о характере авторской концепции патриархальности как модели миропонимания человека из народа и путях ее художественного воплощения в произведении.

Цель данной статьи – выявить элементы мифологической и патриархальной модели мира в сознании и поведении героев В. И. Даля, установить связь между особенностями создания образной системы в каждом из исследуемых произведений и его жанровой спецификой.

Как в рассказе «Хмель, сон и явь» (1843), так и в физиологическом очерке «Денщик» (1845) В. И. Даль дает подробную характеристику центрального персонажа (Степан Воропаев, Яков Торцеголовый), однако каждый из них для писателя главным образом частица среды, к которой принадлежит, а не индивидуальность. Отсюда – переход от описания этого персонажа к собирательному образу русского человека. Так, к примеру, в «Хмель, сон и явь» вначале приводится характеристика крестьян, занимающихся отхожими промыслами, а затем – Воропаевых, одной из тех семей, которым только что была дана обобщенная характеристика. «Во Владимирской губернии на большой дороге, - сообщает повествователь, - есть село, известное по мастерству и прилежанию своих крестьян, плотников и столяров, в числе коих наберется и десяток – другой краснодеревцев. Село это известно под названием Глухого Озера и почти поголовно уходит в заволжский край на работу. Тут жила большая семья Воропаевых <...>» [3, с. 208]. Так же и в «Денщике». Сначала повествователь знакомит читателя с историей «поездки» Якова с пьяным барином. Поездка заключалась в том, что Яков сидел над лежавшим «бесчувственно» из-за третьей степени опьянения («с расположением») барином и звенел почтовым колокольчиком, а барин изредка кричал: «Пошел!», «спрашивал водки» и дрался. Завершилась эта «поездка» тем, что барин умер, а Яков «в отчаянии ударил руками об полы и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

залился слезами». После описания горящего Якова повествователь обращается к собирательному образу «русского человека», «чувствительность и добродушие» которого «в подобных случаях заслуживают всякого уважения» [3, с. 242]. Ясно, что тон рассуждений повествователя и в случае с Яковым, и в случае, когда речь заходит о чувствительном «русском человеке», проникнут юмором, поскольку эта чувствительность одинаковым образом распространяется как на умершего, так и на карету, над которой «баба от избытка участия покойника» готова плакать с не меньшей горечью [3, с. 244]. Но в данном случае нас больше интересует путь включения характеристики отдельной семьи, отдельного человека в характеристику общности людей с целью подчеркнуть, что герои ничем не выделяются из среды. Итак, в обоих произведениях идет речь о характере «русского человека».

Основной особенностью жизни русского общества в XIX веке было сохранение в нем патриархального уклада. Поэтому писатели, поставившие перед собой задачу точного воссоздания национальных типов, сосредоточили свое внимание на обусловленности миропонимания и образа жизни своих героев патриархальностью. Это в значительной степени характерно и для рассматриваемых нами в данной статье произведений.

Пожалуй, главным фактором, обуславливающим все основные характеристики патриархального типа мироустройства и миропонимания, является отождествление индивидуального и коллективного начал. Сошлемся на точку зрения, высказанную историком М. А. Баргом относительно того, что «генерализирующей» категорией средневековой коллективности является «universitas», обесценивание личного опыта, заключение человека в строго соблюдавшийся круг дозволенного и запретного, очерченный «неписаными нормами корпоративной этики». А отсюда – «паразитическая устойчивость в обществе <...> родового сознания, преемственность стереотипов родового поведения» [1, с. 136, 139, 150]. Рассказывая в физиологическом очерке «Денщик» (1845) о том, как Яков Торцеголовый «отписывал»

Далевское литературоведение. Вып. 2.

каждому из «человек двадцати родных» «полные или не полные поклоны», повествователь замечает о «родных»: «русский человек без них не живет» [3, с. 247]. Причем, в число родни им были включены не только члены семьи, но и его барин, и адъютант, приятель его барина... [3, с. 244]. Этой включенностью патриархального человека в поле рода объясняется та неразделимость в его сознании юридического, нравственного и семейного начал, на которую обратил внимание еще немецкий философ Г. В. Ф. Гегель в «Философии истории», когда писал, что в основе «патриархального состояния лежит семейное отношение, сознательно способствующее развитию первоначальной нравственности», которая состоит в соблюдении «общих интересов всех их членов» [2, с. 40-41]. Для Якова Торцеголового, сообщает повествователь, «весь мир распался» «на *мы* и *не мы* (здесь и в др. случаях выд. автором. – В. М.). В множественность *мы* входило: сам Яков и его барин, своя рота, батальон и полк; вся армия, все военные, приятель. Невозможность мыслить себя вне *мы* и необходимость драться за то, что включается в это *мы*, была для Якова Торцеголового та непреложная и главная истина, из которой он исходил. Она-то и определяла для него такие категории, как справедливость, законность и т. д. За пределами «этого основного понятия» Яков не признавал за собой никаких обязанностей. Тут, замечает повествователь относительно нравственного кодекса Якова, он «обращался в волка с ног до головы; тут он вступал уже, как полагал по всем правам, в неприятельскую землю и понимал своим умом буквально и очень ясно изречение: «Бей и маленького: вырастет – неприятель будет!» [3, с. 245]. Наше – правильное и справедливое. Чужое – странное, не такое, каким должно быть: «чудеса». Показателен в этом отношении рассказ Воропаевых о чужих землях, в которых они побывали. И коровы там питаются рыбой, а не «месивом каким», как «у нас», и «народу там некрещеного». «Ровно в собачье царство какое забредешь, так вот вокруг тебя не весть по-каковски и лают», - заключает один из Воропаевых [3, с. 210]. Почти, как

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Феклуша в «Грозе» А. Н. Островского, которая передавала слухи об обитателях чужих земель с песьими головами.

Таким образом, коллективом, родом устанавливается система правил. Она остается незыблемой на протяжении целого ряда поколений и закрепляется властью старшего. На этой авторитарности основан патриархальный порядок. Рассуждая об отличии русского человека от «немца или англичанина», который сумел бы извлечь пользу и из такой почвы, как во Владимирской губернии, повествователь в «Хмель, сон и явь» отмечает: «чего мы не знаем, тому не верим», а знаем «мы» из опыта и «завета отцов» [3, с. 208]. Этим «заветом» и определяется каждый шаг. А. А. Потебня характеризовал патриархальный тип мышления как такой, для которого «образы прошедшего служат <...> недостижимыми образцами для подражания», а мысли свойственна «несамоуверенность», заставляющая человека «искать опоры своему мнению во мнениях упомянутого старческого большинства». Моделируя образ мышления патриархального человека, ученый писал: «Человек авторитета и предания думает иначе: «Что говорят все, то должно быть истинно; что все делают, то должно быть правильно, что лично, то тем самым ложно и грешно, ибо авторитет, не довольствуясь фактической властью, всегда стремится обеспечить и освятить себя, приписывая своей власти происхождение свыше» [6, с. 408-409].

«Хмель, сон и явь» начинается с описания тех видов занятий целых семейств и поселений, которые были определены предками и которых неизменно придерживались потомки. Крестьяне, сообщает повествователь, «целыми селениями держатся по наследству промыслов, к коим привыкли уже деда их» [3, с. 206]. Яков Торцеголовый в «Денщике» как раз и навсегда установившуюся принимает систему отношений между бариним и слугой. «Ну, на то они господа», - замечает он, признавая, что барин мог быть не только добрым, но и драчливым [3, с. 242]. Такая привязанность к установленному порядку могла иногда приводить к курьезам. Наподобие тех, которые случались с Яковом у нового хозяина, когда он чистил золоченые

Далевское литературоведение. Вып. 2.

пуговицы кирпичом, дергал «от избытка усердия седой волос из бобрового воротника»... А неудовольствие барина стоически воспринимал, исходя «из опытной премудрости своей – что-де, известное дело, на господ не угодишь» [3, с. 246].

Абсолютность в подчинении традиции, заведенному порядку требовала определенной системы правил поведения. В первую очередь, почтительности по отношению к старшим. Вспомним ту же «Грозу» А. Н. Островского: послушание по отношению к дяде (Дикому) – единственное условие получения Борисом и его сестрой доли наследства по завещанию бабушки. В «Хмель, сон и явь» представлен целый ритуал возвращения семьи домой с отхожего промысла. Один из важнейших моментов в этом ритуале – обращение к старшему в доме. «Отцу своему Воропаев-отец поклон в ноги; жена ему поклон в ноги; словом все пошло своим порядком, и сродники кланялись низко отцу, дюжему плотнику, целовались с сыновьями его, говорили приличные речи, как следует по закону <...>» [3, с. 209]. Преобладают «ролевые» отношения – в соответствии с той функцией, которую выполняет в доме (семье) человек. Главная роль принадлежит, безусловно, старшему в семье – отцу, патриарху. Отсюда – культ предков, поклонение домовому как хранителю домашнего очага, основателю рода. «Он, - пишет относительно этого духа Н. А. Хренов, характеризуя сакральную культуру, направленную на поддержание родовых и семейных ценностей, - замечает всякую мелочь, неустанно хлопочет и заботится, чтобы все было в порядке» [8, с. 12]. Именно глава рода и хранитель домашнего очага определяет судьбу своих потомков, благословляя их или же карая, то есть проклиная. В этом сказывается еще одна (после веры в духов дома) черта мифомышления патриархального человека: отождествление слова и действия, идеального и реального. Мы имеем в виду веру в действенность как добрых пожеланий, так и проклятий. Поэтому в письмах к родителям, дядьям, теткам и прочим Яков Торцеголовый обязательно «испрашивал» «их родительского или родственного благословения, навеки нерушимого» [3, с. 247]. А старик

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Воропаев, отчитываясь перед своим отцом о том, кто и как работал, вначале пожаловался на третьего своего сына Степана, «принес на него горькую жалобу, что он-де стал ни с того ни с сего погуливать и немало денег пропил», но потом, увидев, какой гнев вызвал в старике, испугался дедова проклятия и стал защищать сына перед старшим в семье. «Гневно вскинулся дед на робкого Степана, который кланялся ему в ноги, божился и заклинялся, что вперед не станет никогда, даже в рот ничего не возьмет, - но у деда глаза горели, седой волос придавал суровому красному лицу его грозный вид <...>. Степан горько плакал, и сам отец, отступившийся от него в начале жалобы своей и предавший его гневу дедовскому, начал помаленьку задабривать деда, ручаясь за сына на будущее время» [3, с. 211]. Сам же Степан тоже оценивает клятвы как слова, наделенные магической силой. Отправляясь на заработки, он произносит «большое заклятие, что хмельного в рот не возьмет», искренне «зарекается» [3, с. 211]. Скорее всего, в этом страхе перед нарушением предписаний главы семьи сказывается сохранение в патриархальной среде языческих в своей основе верований в Рода и Рожаниц, предков мужского и женского пола, которые при рождении младенца наделяли его «долей». Правда, произнесение заклятий не спасло все же Степана от их нарушения. Но оценил он нарушение взятых на себя обязательств как грехопадение, отрезавшее его от людей. Не случайно он возвращается домой от «нового хозяина» не со всеми работниками, а только с одним приятелем, «с которым нередко вместе гулял». «Люди с людьми ушли, - сообщает повествователь, - а эти двое, как поплоше, так остались вместе – им совестно было к людям приставать» [3, с. 218]. По существу, Степан оценивает свое грехопадение как первобытный человек – нарушение табу, после которого он не нуждается в преследованиях извне, а сам производит над собой суд, зачастую завершающийся его смертью. К смерти был близок и Степан Воропаев. Правда, угроза исходила извне – от Черноморца, который решил его убить и ограбить. И только переживание вины, не дававшее герою покоя и ночью, уберегло его от гибели. Степан увидел во сне

Далевское литературоведение. Вып. 2.

деда, который «хотел его зарезать за то, что внук напился пьян». После этого видения Степан освободился не только от состояния сна, но и от хмеля, услышал разговор хозяев постоянного двора и смог перехитрить их. Мы уже подробно останавливались на мифопоэтическом комментарии этого эпизода рассказа В. И. Даля [5, с. 58-59]. Здесь же только отметим, что дед как старший родоначальник выступил в судьбе Степана, сбившегося с пути, в роли хранителя, что, собственно, и соответствует назначению предков с точки зрения мифологического мышления патриархального человека.

Уверенность в изначальной предопределенности происходящего отразилась на понимании времени, точнее, бытовом характере его восприятия. Это не линейное, историческое время, а точки, соответствующие повторяющимся из года в год календарным датам и датам, связанным с религиозными ритуалами. В «Хмель, сон и явь» передается подобная оценка того отрезка лета, когда Степан работал: «за лето, то есть от пасхи до покрова, либо от кузьминок, до Козьмы и Демьяна, или ссыпчины, также девичий праздник, потому что девки сходятся в одну избу, приносят каждая что-нибудь съестное, готовят вместе ужин и празднуют свой праздник» [3, с. 211]. Показательно, что при этом не были указаны год, названия месяцев.

Более подробно на характеристике восприятия крестьянами времени останавливается повествователь в «Денщике». «Известно, - замечает он, - что календарь нашего крестьянина отличается по способу выражения от нашего: мужик редко знает месяцы и числа, но знает хорошо посты, заговенья, сочельники, все праздники, святых и, избирая более замечательные в быту его сроки, обозначает их сими названиями». Герой этого очерка жил в полку. Поэтому его быт был связан с иными реалиями, но восприятие времени было, по существу, таким же. Его вехами были значительные события военной жизни: «смотры, постройка или пригонка амуниции <...>, такой-то арестант сбежал; такой-то солдат сломал приклад ружья, потерял штык; тому или другому дана награда <...>» [3, с. 249]. Кроме того, убеждение, что всем

Далевское литературоведение. Вып. 2.

происходящим управляет Божья воля, определило удивительное смешение утопизма и фатализма в оценке патриархальным человеком происходящего.

Утопизм заключался в том, что в силу неразвитости индивидуального начала патриархальный человек полагался не на собственные силы в попытке изменить к лучшему свою жизнь, а на наличие в мире сказочной земли, где все устроено для безмятежного существования. Объясняя склонность крестьян к переселению, повествователь в «Хмель, сон и явь» пишет о бытовании в их среде «дикообразной сказки», которая поднимает подчас «целые селения <...> в какой-то баснословный край, где нет ни подушного, ни рекрутства» [3, с. 207]. Интересно, что, согласно наблюдениям Р. А. Зобова и В. Н. Келасьева, социальные мифы и до сих пор живут в сознании некоторых россиян [4, с. 20-21]. Нельзя исключить, что и русское «действовать на авось», то есть, полагаясь не на себя, а на какое-либо чудо, связано с подобной склонностью к утопическим верованиям. А с другой стороны, и с определенным фатализмом, который удивительным образом уживается в русском человеке с настойчивостью в осуществлении задуманного, каким бы бессмысленным это задуманное ни было. Яков Торцеголовый, которому не советовали бывать на озере («ты плавать не умеешь, а тут омут на омуте!»), возражал: «Ничего, сударь, что же делать, власть господня, вот и наемни в Грачевке мальчик эдак же утонул <...>». «А затем, - сообщает повествователь, - в тот же день вечером, опять-таки отправился с бредником на озеро» [3, с. 248]. Рассказывая о Черноморце, повествователь в «Хмель, сон и явь» замечает: уж как русский человек заберет себе в голову что-нибудь, то справиться с ним мудрено. Тут ни опасности, ни очевидная бессмыслица предприятия и здравые, благоразумные убеждения ваши не пойдут впрок: «Оно все так, - подумает он, а иной раз и скажет: «Да уж власть господня, что будет, то будет, а я уж хочу того, либо другого, уж пусть так и будет» [3, с. 212]. А когда обнаруживается, что человек, в убийстве которого сознался Степан Воропаев, жив, тот, вместо того, чтобы радоваться, возражает: «нет, уж видно, мне так на роду написано: судьбы

Далевское литературоведение. Вып. 2.

не минуешь!» Вяжите ж меня опять, я еще другого человека убил <...>» [3, с. 225]. Так в этом эпизоде удивительным образом переплетаются страх перед гибелью души из-за отсутствия раскаяния в преступлении, фатализм и присущая русскому человеку склонность действовать на «авось» даже вопреки доводам рассудка. Иногда все это завершается наказанием (как, к примеру, случилось с героем рассказа В. И. Даля «Грех»), иногда – тем, что герой получает еще один шанс на спасение своей души. Как произошло со Степаном Воропаевым, которому не поверили в новом признании в убийстве.

Но ни утопизм, ни фатализм, ни опора на «авось» не исключали и даже не приуменьшали страха перед гибелью души в результате нарушения запрета, поскольку такое нарушение вело к отчуждению от коллектива, а вне сообщества патриархальный человек не мыслил своего существования. Эта особенность жизни русского человека, заключающаяся в том, что патриархальной моралью, которая поддерживала целостность нации, табуировалось нарушение заповедей рода, поскольку оно оценивалось как гибель души, наиболее полно выражено в рассказе «Хмель, сон и явь». Но и в очерке «Денщик» передается патриархальный тип представления о морали. Оба произведения, о которых шла речь, сближает сосредоточенность внимания на особенностях миропонимания человека из народа. В то же время между ними есть значительные различия. И, пожалуй, самое важное из них заключено в обозначении их жанровой природы. «Хмель, сон и явь» - это рассказ. Главное в нем – развитие судьбы, постепенное преодоление героем своего грехопадения, усвоение им опыта рода и подчинение семейным ценностям. Поэтому в нем преобладает линейность. Что же касается «Денщика», то это физиологический очерк, который призван познакомить читателя не с одним Яковом Торцеголовым, а со всеми Яковами, со всеми денщиками, которые одинаковы в силу одинаковости их занятий. Иной точки зрения придерживается Ю. П. Фесенко, видящий в Якове человека, обладающего «уникальными знаниями и умениями» [7, с. 150]. Но даже при

Далевское литературоведение. Вып. 2.

такой оценке Яков Торцеголовый не выходит за рамки собирательного образа денщика, которому в силу рода его занятий приходится проявлять свои умения в довольно сложной ситуации «вне дома», устоявшегося образа жизни. Он со своим господином вынужден вести походный образ жизни. Не случайно кольцевое построение «Денщика». Очерк начинается с выявления в герое того, что сближает его с разными животными, и завершается этим же сопоставлением. Только в конце такое сопоставление Якова с животными по степени его выносливости, домовитости, верности уже не кажется читателю неожиданным.

Как же оценивает писатель воссоздаваемую им особенность миропонимания своих героев? Безусловно, как это и было свойственно писателям «натуральной школы» - с определенной долей иронии, как проявление их простодушия и ограниченности силой привычки. Но преобладает все же положительная оценка. Патриархальность – это, в первую очередь, нравственность. Поэтому нравственные табу помогают героям вернуться к тем принципам, которые утверждены в среде и защищают человека, закрепляют в нем осознание причастности общей жизни коллектива.

Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования художественного наследия В. И. Даля представляется его соотнесение с произведениями других русских писателей, воссоздававших мифологический и связанный с ним патриархальный тип миропонимания с целью выявления особенностей художественного мышления каждого из авторов, закономерностей литературного процесса.

Литература

1. **Барг М. А.** Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – М., 1987. – 348 с.
2. **Гегель Г.** Философия истории / Г. Гегель // Гегель Г. Соч. : В 14 т. – М. ; Л., 1929 – 1959. – Т. 8.
3. **Даль В. И.** Избранные произведения / В. И. Даль ; сост. Н. Н. Акоповой; предисл. Л. П. Козловой ; прим. В. П. Петушкова. – М. : Правда, 1983. – 447 с.
4. **Зобов Р. А.** Мифы российского сознания и пути

Далевское литературоведение. Вып. 2.

достижения общественного согласия / Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев. – СПб., 2004. 5. **Мусий В. Б.** Мифопоэтика русской предромантической и романтической прозы / В. Б. Мусий. – Одесса : Астопринт, 2008. – 300 с. 6. **Потебня А. А.** Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М., 1976. – 614 с. 7. **Фесенко Ю. П.** Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск ; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с. 8. **Хренов Н. А.** Картина мира в истории русской художественной культуры / Н. А. Хренов // Русская художественная культура. Контуры духовного опыта. – СПб., 2004. – С. 9 – 47.

Аннотации

Мусий В. Б. В. И. Даль об особенностях миропонимания человека из народа («Хмель, сон и явь» и «Денщик»)

В статье представлены результаты исследования элементов мифологической модели мира и патриархальности в сознании героев В. Даля. В качестве ведущих выделены тождество реального и идеального, культ предков и рода, опора на традиции. Прослежена связь между путями создания образной системы произведения и его жанром. Это позволяет представить особенности авторской концепции человека и художественного мышления В. Даля.

Ключевые слова: мифологическое мышление, миф, художественное мышление, образная система, жанр.

Мусий В. Б. В. І. Даль про особливості світорозуміння людини з народу («Хмель, сон и явь» та «Денщик»)

У статті представлено результати дослідження рис патріархальності та міфологічного світосприйняття у свідомості героїв В. Даля. Як головні визначено тотожність реального та ідеального, культ роду та предків, дотрисмання традицій. Простежено зв'язок між шляхами створення образної системи твору та його жанром. Все це дозволяє уявити особливості авторської концепції людини та художнього мислення В. Даля.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Ключові слова: міфологічне мислення, міф, художнє мислення, образна система, жанр.

Musiy V. B. V. I. Dal' about commoner of the people world outlook peculiarities («Drunkenness, slumber and reality») and «Batman»)

In this article the author studies elements of mythological and patriarchal model in consciousness sphere of V. Dal's heroes. Identity of real and ideal, cult of ancestors and family kin, faithfulness to traditions are distinguished as main. The connection between means of creation of system of images and genre originality of each text have been retraced. It represents author's conception of personality and main characteristics of V. Dal's artistic thinking.

Key words: mythological mentality, myth, artistic thinking, system of images, genre.

УДК 821.161.1.09+929 Даль

*А. Г. Прокофьева,
В. Ю. Прокофьева
(Оренбург)*

ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ДАЛЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПЕРИОДА

В оренбургский период жизни В. И. Далем были созданы значительные художественные произведения разных жанров: повести («Бедовик», «Павел Алексеевич Игривый», «Вакх Сидоров Чайкин», «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся», «Бикей и Мауляна», «Майна», «Гофманская капля»), рассказы и очерки («Уральский казак», «Европа и Азия», «Башкирская русалка», «Осколок льду», «Обмиранье»,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Охота на волков», «Рассказ Грушина», «Рассказ Верхолонцева о Пугачеве» и др.), предания («Полуночник»), притчи.

По мнению М. М. Бахтина, жанровая форма неразрывно связана с тематикой произведения и мирозерцанием писателя: «В жанрах <...> накапливаются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [1, с. 332]. Для В. И. Даля одной из таких сторон была пространственная, нередко определявшая жанровую специфику его творений, подтверждением чего являются его произведения, созданные на оренбургском материале.

Жизнь в далеком от столицы крае, впечатления, полученные писателем во время многочисленных служебных поездок, давали писателю богатейший материал для размышлений о российских городах. Будучи чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе В. А. Перовском, В. И. Даль достаточно хорошо знал не только Оренбург, но и другие города края и близлежащих губерний. В его прозе упоминаются Казань, Чебоксары, Уральск, Пермь, Троицк, Челябинск, Екатеринбург, Пенза, Саратов, Саранск, Красноуфимск и др. Среди этих городов Оренбург привлекает внимание писателя, прежде всего, географической особенностью – расположением на границе Европы и Азии. Различное понимание этой границы дает основание для ироничных размышлений героя рассказа «Европа и Азия»: «Да где же, скажите, начинается Азия, то есть где, собственно, оканчивается Европа? Неужели это такая вещь, которая, как бы сказать, покрыта мраком неизвестности, или это, наконец, тайна природы, до которой люди еще не дошли, несмотря на ученость свою.... Вот, посмотрите, в одной немецкой географии Волга принимается за настоящую границу, и Казань полюбовной сделкой передана Азии; в другой, граница эта: Уральский Кряж, Общий сырт и низовье Волги; в третьей – Уральский хребет и река Урал; другие толкуют, что вся Оренбургская и Пермская губернии принадлежат Европейской России, а следовательно, и Европе <...>» [2, с. 17].

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Описания Оренбурга даны В. И. Далем в его прозе в соответствии с принятыми в «натуральной школе» правилами подхода к изображению действительности: исследованием внутренних процессов социальной жизни, вниманием к «нравоописательной» проблематике. Некоторые особенности городской жизни оренбуржцев писатель отмечает с известной долей иронии – например, любовь к транспорту, нежелание ходить пешком: «Оренбург <...> вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? – спросите вы. – Да мало ли куда: то за угол, то за другой, – визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси бог, и на дрожках! Ей-ей, иногда бедному вершнику – фалетору, по-вашему, – некуда деваться – так калымага напирает, так крут поворот от ворот до ворот – нужды нет: пошел четверкой! но зато браниться бранись, а на мир слово покидай – зато оренбургский карандас, или по-симбирски тарантас, а также разлюли-долгуша – повозка на долгих, зыбких дрогах, самый удобный и выгодный снаряд для езды в поле и в дороге, ломки мало и опрокинуть его почти нельзя вовсе» [2, с. 294].

По прозаическим произведениям В. И. Даля можно представить Оренбург 1830-х гг., его географическую специфику, историю основания, архитектуру, особенности жизни, быта оренбуржцев, развитие торговли лесной и дровяной, торговые связи со Средней Азией и многое другое.

Оренбург В. И. Даля – «это город степной, где дынь и арбузов много, а орехов нет» («Обмиранье»). В повести «Бикей и Мауляна» автор пишет: «Оренбург, по уверению книжников, стоит выше океана, здесь-то и степь наша сама принимает вид сухого моря. Выше – места разнообразные, частью гористы и лесисты; но бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне» [2, с. 216].

Писателем неоднократно подчеркиваются две особенности Оренбурга – его военный и торговый характер. Во времена В. И. Даля Оренбург еще оставался городом-

Далевское литературоведение. Вып. 2.

крепостью, о чем и свидетельствует писатель: «Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал...» («Бикей и Мауляна»). Вспоминая славное прошлое, историю появления Оренбурга, прежде всего, как пограничного города, защиты от набегов кочевников, киргизкайсаков, В. И. Даль устами одного из своих героев говорит: «Здравствуй, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом ширить могучие крылья свои!» («Серенькая») [2, с. 105].

Приезд В. И. Даля в Оренбург в 1833 г., по сути, был обусловлен выходом в свет в 1832 г. сборника «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Луганским. Пяток первый». За эти сказки писатель подвергся преследованию со стороны жандармского управления, что и привело к отъезду В. И. Даля в Оренбург. Неприятности, связанные с выходом в свет первого сборника сказок, не отбили желания у писателя писать сказки сатирического характера: в Оренбурге им было написано еще 16 сказок. В 1834 – 1839 гг. далевские сказки под заглавием «Были и небылицы» публиковались на страницах «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского.

В некоторых сказках, любимом писателем жанре, прослеживаются оренбургские приметы, встречается «казачий мотив». Тема казачества – одна из основных в оренбургском периоде творчества В. И. Даля.

Известно, что литератор хотел написать роман о жизни уральских казаков. В апреле 1837 г. В. И. Даль писал В. Ф. Одоевскому: «У меня давно на уме уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинками и жизнью – самородною; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому» [3, с. 145].

В казачьем мире В. И. Даля поражало многое: одежда («казачки <...<...> одеваются одинаково – по-русски, богато и даже роскошно», «уралец ходит в бухарском халате, в стёганке», высокая черная шапка уральца напоминает остаток

Далевское литературоведение. Вып. 2.

стрелецкой одежды); промыслы – скотоводство и рыболовство с осенней и весенней плавней и багреньем, в которых участвует все казачье войско; процесс «наёмки на службу», быт и нравы.

Наиболее значительным и достаточно известным произведением В. И. Даля о казаках является «Уральский казак», считающийся эталонным в жанре физиологического очерка. В этом произведении, опубликованном в книге «Наши, списанные с природы русскими», дано своеобразное литературно-этнографическое исследование жизни и быта уральских казаков с поэтическими зарисовками различных видов рыболовства на реке Урал.

Главный герой очерка – Проклятов, «казак старинного закалу», который бегаёт от урядничьего чина, хочет быть рядовым казаком. Он морозу не боится, «сызмала в мокрой работе, по рыбному промыслу». Для Маркиана «Урал – золотое дно, серебряна покрывка, кормит и одевает его». Осенью Проклятов с другими казаками «идёт с целым войском, ровно на войну, на рыболовство»: «на тесной и быстрой реке столпятся от рубежа до рубежа тысячи бударок – тут булавке упасть негде, не только сети выкинуть...». Зимой Проклятов опять снаряжается на рыболовство, на багренье. Подчеркивая бережное отношение казаков к реке Уралу, В. И. Даль отмечает, что у его героя не дрогнула бы рука «приколоть на месте во время ходу рыбы всякого, кто осмелился бы напоить скот из Урала».

Будучи лингвистом, писатель не мог не обратить внимания на особенности речи своего героя и вообще казаков, отличающихся особым говором: «<...> Проклятова, как и всех земляков его, можно узнать по говору: он только слово вымолвит, и сказать положительно: «Ты уральский казак»... Казак говорит резко, бойко, отрывисто; отмечает языком каждую согласную букву, налегает на *p*, на *c*, на *m*; гласные буквы, напротив, скрадывает: вы не услышите у него ни чистого *a*, ни *o*, ни *y* <...>» [2, с. 172].

В. Г. Белинский отмечал, что «Уральский казак» <...> – одна из лучших статей, составляющих доселе содержание «Наших», не бедных хорошими статьями... это не повесть и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

не рассуждение о том – о сём, а очерк, и притом мастерски написанный, который в журнале не заменил бы собою повести, а в «Наших» читается, как повесть, имеющая все достоинства фактической достоверности, легко и приятно знакомящая русского читателя с одним из интереснейших явлений современной жизни его отечества» [4, с. 13].

В. И. Даля, собирателя фольклора, интересовали легенды и предания о казаках. Одно из «оренбургских» произведений писателя «Полунощник» имеет подзаголовок «уральское предание». Сюжет рассказа прост. Главный герой – казак Кизылбашев, выходец из Хивы персидского происхождения, – будучи зол на своих сослуживцев из-за своего неудачного сватовства, решил бежать из своего отряда и навести на него неприятеля. Попытка киргиз-кайсаков, приведенных изменником, захватить отряд врасплох окончилась неудачей (писателем подробно описаны набег кочевников и сражение казаков с ними). Казаки за пленённых киргизов потребовали вернуть лошадей и выдать Кизылбашева, но он пропал без вести. С тех пор «уральским отрядам частенько случается видеть в степи полунощника; и полунощник этот не кто иной, как Кизылбашев». Рассказ насыщен зарисовками быта, походной жизни казаков: «В то время уральцы ходили, по обыку, в алых и малиновых кафтанах, с откидными рукавами <...> в высокой малиновой шапке с перехватом; сабля была принадлежностью войсковых чиновников, а рядовые довольствовались копьём, винтовкой и с ражками и пистолями. В степных же походах, которые нередко делались, как в настоящем случае, спешно и по домашнему распоряжению, по поводу набата – каждый садился на коня в домашней одежде своей: в простом синем кафтане, в хивинском халате, в чапане, в стеганке, поддевке или куртке, но всегда с добрым оружием, и в черной, высокой смущатой шапке» [2, с. 149].

В творчестве писателя этого периода можно выделить «восточные» повести и очерки, написанные о жизни, быте и нравах киргиз-кайсаков (так называли в XIX в. казахов), башкир, – это «Бикей и Мауляна», «Майна», «Башкирская русалка».

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В повести «Бикей и Мауляна» писатель часто прибегает к сопоставлению жизни, быта, нравов жителей востока и запада, столичного Петербурга и провинциального Оренбурга. Сравниваются не только жилища, но и одежда, прическа, украшения. С улыбкой обращается автор-рассказчик к читателям повести: «<...> не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала <...>» [2, с. 248]. Самому же автору облик кайсачки кажется приятным: «свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц <...>».

Повести «Бикей и Мауляна» и «Майна» – одни из первых художественных произведений, в которых описана жизнь казахов; они созданы не только на основе оренбургских впечатлений, что неоднократно подчеркивается В. И. Далем в своеобразных авторских замечаниях, но и с учетом разного рода документов. Этот материал писатель в произведениях распределяет по нескольким группам: архивные документы, чиновничьи справки, рассказы и письма очевидцев, увиденное лично автором или известное ему как жителю Оренбургского края. Вторая глава повести «Бикей и Мауляна», например, начинается с указания о том, что «в архиве канцелярии оренбургского военного губернатора хранится, при одном деле, между прочим, бумага, на полях которой помечено собственною рукою тогдашнего военного губернатора следующее: «Написать о сем обстоятельстве в Азиатский департамент и упомянуть, что, по сим и другим сведениям, в Хиве должны находиться до 2-х тысяч человек русских пленников. Сделать выписки из подписей и повестить об участи сих несчастных в те места, отколе они показывают себя родом. Перед выходом каравана изготовить ответ на письмо сие, в виде объявления, и без подписи, коим уверить пленников наших, что правительство печется об их освобождении; послать, по просьбе их, тельные кресты и евангелие, для подкрепления веры и надежды страдальцев. –

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Доставившему письмо сие, сыну старшины Танинского рода, Гассановского отделения, Исянгильдия, старшине Бикею, выдать из сумм, на сей предмет имеющихся, сто рублей и пять аршин алого сукна на чекмень» [2, с. 228].

Указав на реальный источник, послуживший толчком для создания произведения, В. И. Даль, обращаясь напрямую к читателям, комментирует документ, еще раз подчеркивая достоверность факта: «Читатели видят, о чем идет речь: Бикей Исянгильдиев доставил переданное ему, через верного кайсака, из числа кочующих за рекою Сыр (Сыр-Дарья), письмо от русских пленников из Хивы. Убедительные жалобы и просьбы, полуграмотным языком изложенные, трогают и сокрушают в холе и довольстве проживающего читателя и заставляют призадуматься над тем, что мы называем обыкновенно судьбою человека» [2, с. 228].

В. И. Даль, относившийся как писатель к «натуральной школе», документализм, следование действительным фактам считал главным достоинством своих произведений, особенно восточных повестей. Так в одном из авторских отступлений в повести «Бикей и Мауляна» он пишет: «Скажу, однако, о рассказе, на всякий случай, вот что: не только все главные черты его взяты из подлинного дела, но мне не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплетать какую-нибудь выдумку; все происшествие рассказано так, как было <...>» [2, с. 239].

Вследствие такого подхода писателя к жизненному материалу ценным в повестях становится документальное содержание, сюжеты же в них непритязательны. Так, в повести «Бикей и Мауляна» рассказано об убийстве Бикея, преуспевающего сына степного киргиза-богача, братьями-завистниками и судьбе его жены Мауляны. Сюжет основан на действительном факте – в Государственном архиве Оренбургской области до сих пор хранятся документы Пограничной комиссии об этом преступлении [5].

Следуя правилам натуральной «школы», В. И. Даль большое внимание уделяет описанию быта и нравов киргиз-кайсаков, чья жизнь стоит в центре «восточных повестей». В

Далевское литературоведение. Вып. 2.

повести «Майна» писатель подчеркивает, что «оседлую жизнь кайсак почитает величайшим бедствием в мире».

Писатель отмечает, «как древни бывают иногда обычаи народные», приводя в пример обычай отдавать замуж вдову за брата умершего – обычай, по замечанию писателя, описанный Плано-Карпини, ездившим в 1246 г. по приказанию папы через Россию к татарам и монголам.

Не только с художественным, но и с научным интересом писатель прослеживает происхождение тех или иных обычаев, дает им пояснения: «У кайсаков есть монгольский или калмыцкий обычай, который встречаем также у полукочевых башкиров, но которого не знают другие мусульманские народы, давать имя новорожденному по произволу, с первого встречного предмета или понятия <...> Имя Исянгильди – в переводе: добро пожаловать, здорово пришел; Кунак-бай – значит богатый друг, но Джан-Кучук, душа-собака, собачья душа, есть кличка, достойная негодяя <...>» [2, с. 232].

Поражает В. И. Даля и другой обычай: «Никогда мусульманин не чтит мать свою, не считает обязанностью ей повиноваться: он видит в ней ту же рабыню, то же жалкое существо, созданное для нужд и прихотей отца, которое видит и во всех других женщинах» [2, с. 225].

Сам писатель придает особую значимость таким описаниям, считая их важными для характеристики героев («Если знать коротко быт степных кайсаков, если войти в обычаи и понятия их, то можно и должно оправдать Бикея <...>») [2, с. 225].

Внимателен В. И. Даль и к поэтическому творчеству восточных народов, видя в нем проявление духовной жизни изображаемых людей. Писатель сопоставляет турецкие, татарские, башкирские и киргизские песни, отмечает, что смысл в них обычно заключен в четвертом стихе. Отличие киргизских песен он видит в том, что киргизы обычно поют «наобум, о том, что у них в глазах: постегивая нагайкой по тебенькам седла своего, покачиваясь взад и вперед, тянет кайсак полчаса сряду плачевным напевом: тау, агач, су,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

урман, тюз – то есть: гора, дерево, вода, лес, верблюд, доколе ему не взбрдет на ум иной предмет или слово» [2, с. 267].

К восточному колориту прибегает писатель и в ряде сказок. «Восточная» орнаментовка характерна для сказки «О баранах», где В. И. Даль дает сатирические зарисовки социального устройства государства, раскрывает «физиологию» судопроизводства.

Следует отметить экспериментаторство писателя в области жанров. Известно, что первые сказки В. И. Даль объединяет в «пяток первый». В Оренбурге он пишет цикл рассказов «Серенькая», объединенных не героем, а темой, предметом художественного исследования: «серенькая» – фальшивая ассигнация. В каждом рассказе – части цикла – сюжет связан с темой фальшивых ассигнаций и тех бед, которые они приносят бедным людям.

Некоторые из рассказов и очерков, посвященных жизни российской провинции, В. И. Даль впоследствии объединил в циклы: «Картины русского быта», «Новые картины русского быта».

Таким образом, в оренбургский период писатель обращается к различным темам и жанрам, но преобладают в его творчестве «физиологические» очерки, рассказы и повести, в которых ведущим является этнологический подход к осмыслению действительности, исследование жизни, быта, нравов, обычаев, занятий (рассказ «Охота на волков») разных народов, сословий, групп (например, казаков), проживающих в губернских, уездных городах или ведущих кочевой образ жизни.

В жанровом и тематическом разнообразии проявляется талант В. И. Даля, отмеченный И. С. Тургеневым: «<...> Быт, обычаи, города и селения, разнообразную природу нашей Руси рисует он мастерски, немногими, но меткими чертами <...> Разве не талант – умение одним взглядом подметить характеристические черты края, народонаселения, уловить малейшие выражения разных – говоря высоким слогом – личностей и среди всякого рода дрязгов и мелких хлопот сохранить неизменную, непринужденную веселость?» [6, с. 102].

Литература

1. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979.
2. **В. И. Даль.** Оренбургский край в художественных произведениях писателя / В. И. Даль. – Оренбург: ОКИ, 2001.
3. **Литературное** наследство. – М., 1952. – Т. 58.
4. **ГАОО.** – Ф. 6. – Оп. 10.
5. **Отечественные** записки. – СПб., 1843. – Т. 26. – № 1.
6. **Тургенев И. С.** Собр. соч. : В 12 т. – М., 1958. – Т. 11.

Аннотации

***Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю.* Тематическое и жанровое разнообразие произведений В. И. Даля оренбургского периода**

Период пребывания в Оренбургской губернии отмечен в творчестве В. Даля исследованием быта, нравов, занятий народов, сословий, групп, проживающих в губернских, уездных городах региона или ведущих кочевой образ жизни в степях. Этнологический подход к осмыслению действительности выделен периодом творческой эволюции писателя.

Ключевые слова: оренбургский период, творческая эволюция, этнологический подход, быт и нравы народностей.

***Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю.* Тематичне та жанрове різноманіття творів В. І. Даля оренбурзького періоду**

Період перебування в Оренбурзькій губернії відзначений у творчості В. Даля дослідженням побуту, звичаїв, занять народів, станів, груп, які мешкають у губернських, повітових містах регіону або ведуть кочовий спосіб життя у степах. Етнологічний підхід до осмислення дійсності відокремлений періодом творчої еволюції письменника.

Ключові слова: оренбурзький період, творча еволюція, етнологічний підхід, побут та звичаї народностей.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Prokofieva A. G., Prokofieva V. J. Thematic and genre variety of V. I. Dal products on the Orenburg period

The period of stay in the Orenburg province is noted in V. Dal's creativity by research of a life, customs, employment of the people, estates, the groups living in provincial, district cities or conducting a nomadic way of life. The ethnologic approach to understanding of the reality is marked by the separate period of creative evolution of the writer.

Key words: the orenburg period, creative evolution, ethnological approach, a life and customs of nationalities.

УДК 821.161.1-32.09+Даль

Н. Л. Юган
(Луганск)

В. И. ДАЛЬ В СЛАВЯНОФИЛЬСКОМ ИЗДАНИИ «МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИК»

Взаимоотношения В. И. Даля с представителями славянофильства можно охарактеризовать словами И. С. Аксакова как постоянное «нравственное притяжение». В разные периоды своей жизни знаменитый лексикограф, этнограф, фольклорист и писатель, известный псевдонимом Казак Луганский, был знаком и поддерживал дружеские отношения с выдающимися писателями, учеными, общественными деятелями-славянофилами – семьей Аксаковых, Ю. Самариным, братьями Киреевскими, А. Кошелевым.

Тем более интересен и важен факт участия В. И. Даля в первом выпуске славянофильского издания «Московский литературный и ученый сборник» (М., 1846). Его редактором стал поэт Н. М. Языков, активный сторонник славянофилов.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В «Московском литературном и ученом сборнике» был опубликован рассказ В. И. Даля (под псевдонимом В. Луганский) «Где потеряешь, не чаешь; где найдешь, не знаешь: (Ключ, лад и строй песни)» [1]. В этом же 1846 г. произведение было издано отдельной брошюрой [2], затем включалось в собрания сочинений писателя 1861, 1883, 1897 гг. [3-5], в XX в. – в издании 1995 г. [6]. Данный далевский рассказ никогда не был предметом научного анализа.

Цель нашей работы – раскрыть идейно-художественное своеобразие произведения В. И. Даля, выявить его фольклорные источники, показать связь со славянофильской эстетикой, а также место в сборнике.

Сюжет далевского произведения незамысловат. Его можно разделить на две части: исполнение старцем двух народных песен и его рассказ из крестьянской жизни. Части обрамляются и скрепляются образами старика и барина.

На Святой неделе проезжающий мимо деревни барин видит певцов и певиц. Старик характеризует певцов, указывает на то, что уже несколько человек из этой семьи стали придворными музыкантами. Проезжий стал просить песенников что-нибудь спеть. Певец поинтересовался, что нравится: слова или голос. Барин попросил представить и то, и другое – какую-то старинную песню. «Старик затынул, а прочие стройно приставали, подхватывали и выносили <...>» [5, с. 181]. Это были две баллады о татарской неволе.

Старец и барин размышляют о том, насколько песня отражает реальную действительность. Из спора рождается второе произведение певца, на этот раз прозаический рассказ о том, как «мужику Бог дал трех сыновей и двух дочерей, он всех растерял, а потом Господь свел вместе, и все господами поделались, а были такие же мужики, как и все» [5, с. 185].

На рубеже XVIII – XIX вв. в селе Лысовка жила семья Ивана Курмышева, в которой было три сына и две дочери. Дочь Катерина была очень привлекательна, и ее взяли в господский дом в горничные. Когда расстроилось сватовство молодого военного к господской дочери, в отместку он заслал сваху к горничной, обвенчался с Катериной и увез ее. Старший сын Курмышева Григорий стал собираться на волю

Далевское литературоведение. Вып. 2.

– на поселение на Кавказ, и взял с собой любимого младшего брата Терентия. Они напоролись на черкесов: Терентий попал в плен, а Григория якобы прикололи. Барин рассердился на крестьянскую семью: старшему брату Герасиму лоб забрил, меньшую дочь Марью в 14 лет выдал замуж за вдовца-старика с большим количеством детей.

В русско-турецкой войне в одном сражении встретились полковник, муж Катерины, и герой Герасим Иванович Курмышев, который дослужился до чина полковника. Когда военные осматривали пленных турок, увидели среди них Терентия Ивановича. Армия вернулась домой. Катерина кинулась на шею к братьям Герасиму и Терентию, стала обнимать; теперь всех беспокоила судьба своих родителей. Полковник предложил семье встретиться.

Приехали в Лысовку, увидели брата Григория. Оказалось, что он не погиб: татары его прикололи, но казаки потом спасли. Григорий вернулся в родную деревню сильно израненный, господа его помиловали, пожаловали в свинопасы. Теперь Григорий овдовел, он не имел ни детей, ни избы, ни своего хозяйства. К этому времени сестра Мария поправила свои дела: старый муж умер, дети подросли, женщина осталась молодой и красивой, вскоре вышла замуж за Косарева сына Степана, первого мужика на селе. Живут они хорошо, нужды не знают.

Марья, полковник, Катерина, Герасим и Терентий пошли проведать и уважить стариков. Объединившаяся семья посетила обедню, затем отправилась на поклон к господам. За доброту Герасима и Катерины помещики перестали помнить зло, полюбили их и стали доброжелательны. За Марью с хозяином и Григория заплатили выкуп, а стариков и так отпустили. На пиру все дивились, какие из Курмышевых бары вышли, все находчивы и сметливы, не стыдно их посадить на первое место, особенно Катерину Ивановну.

Старик окончил свой рассказ. Это оказался Григорий Курмышев. Теперь он ходит по свету, торгует, чем придется, поет песни. Произведение заканчивается, как и начиналось, упоминанием о Светлом празднике Пасхи.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Прежде всего обращают на себя внимание приведенные в данном рассказе песни. В подстрочном примечании автор указывает, что они были «списаны со слов, как они поются в народе в Оренбургской губернии» [5, с. 181].

Ученые уже обращали внимание на данные фольклорные варианты, они были сопоставлены с соответствующими текстами украинского устного народного творчества [7]. В данном случае мы хотели бы соотнести далевские песни с известными русскими балладными сюжетными типами.

В первом тексте живущая в Киеве молодая вдова имеет девять сыновей и десятую дочь, «несчастную». Братцы ее вырастили, замуж отдали, за «хорошего морянина», который увез возлюбленную за море, где она родила ребеночка. Вскоре женщина стала тосковать по своим родственникам, просить мужа поехать к «родимой матушке». На третий день напали на них разбойники, «морянина смерти предали, // Морянечка в воду кинули, // А меня молоду во полон взяли!» [5, с. 181]. Через 3 дня один из разбойников стал выпрашивать полонянку, откуда она. Та пересказывает все, что с ней случилось. Тогда вскрикнул разбойник, обращаясь к своим собратьям: это была сестра их родная, зять и племянник [5, с. 182].

Основные фольклорные варианты баллады – «Братья-разбойники и сестра» [8, с. 74-75, 9, с. 80-81] и «Жила-была вдова...» [10, с. 65-67], которые были записаны в северо-восточной России в 1880-х гг.

Наиболее близок далевской записи один из вариантов баллады «Братья-разбойники и сестра» [8, с. 74-75], сходны все основные сюжетные особенности и детали. Вместе с тем обращают на себя внимание отличия текста, приведенного В. И. Далем, и известных русских фольклорных вариантов.

В тексте далевской записи назван город Царь-Киев, а героиня не имеет имени. В фольклорном варианте «Братья-разбойники и сестра» действие происходит в местности, которая точно не обозначена. В «Жила-была вдова...» [10, с. 65-67] указаны имена главных героев: Соломонидушка, муж

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Мореюшка, однако не определен хронотоп. В другом варианте сюжета «Братья-разбойники и сестра» есть какие-то намеки на хронотоп: «море синее Веряжское», женщина же названа «жёночка-рязаночка» [9, с. 80-81]. Видно, что в записи В. И. Даля действие отнесено к Киеву, следовательно, воскрешаются в памяти события былинных сюжетов, времена легендарной Киевской Руси.

В фольклоре главная героиня крестьянского рода, замуж ее выдают «за того купца да за богатого» [8, с. 74], «за синё море», «за гостя за торгового» [9, с. 80], а у В. И. Даля девушка «отца – матери богатого», замуж же она выходит «ни за князя, ни за боярина, // за хорошего за морянина» [5, с. 181]. В устном народном творчестве, выдав замуж сестру, мать и братья устраивают ее судьбу, изменяя социальный статус семьи, в варианте В. И. Даля – иначе, девушку из зажиточной семьи отдают не за богача и знатного вельможу, а за чужестранца.

В фольклоре небольшое внимание обращается на ребенка девушки, его убийство. Так, в варианте «Жила-была вдова...» у героини есть дети, их зарезали, но внимание на этом не акцентируется [10, с. 66], в тексте «Братья-разбойники и сестра» у женщины вообще нет ребенка. У В. И. Даля же убийство ребенка героини разбойниками – центральный эпизод песни, который усиливает ее драматизм [5, с. 181].

Обращают на себя внимание художественные особенности разных вариантов балладного сюжета. В фольклоре представление единственной сестры нейтрально: «много детушек, да мало девушек: // Девять сыновей, да единая дочь» [8, с. 74]. У В. И. Даля сразу подана оценочная характеристика, предвещающая трагические события песни: «а десята дочь несчастная...» [5, с. 181]. В устном народном творчестве наблюдается такая стилевая особенность: после характеристики действующих лиц рассказ перекладывается в уста девушки: «Уж я год жила, да в умах не было. // Мне на третий год да стосковалось // По родимой да по сторонушке. // Я у свекрушка да испросилася, // Я у свекровушки да сподавалася, // С мужем вздумали се, да поехали... <...>» [8,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

с. 74]. Причем подобный переход никак не обыгран и не мотивирован. У В. И. Даля весь рассказ ведется от 3 л., а затем дан монолог героини: «Она год живет и другой живет, // А на третий сынка родила; // Порождавши сына, встосковалася, // По родной своей по матушке, // По родным своим по сродничкам; // Говорила она другу милому: // Ты душа моя, ты возлюбленный! // Пожалей меня со младенчиком, // Ты поедем, друг, к родной матушке!» [5, с. 181-182]. На наш взгляд, далевский вариант баллады стилистически более совершенен, чем другие известные записи.

Вторая песня в произведении В. И. Даля повествует о том, «что мать в неволю к татарам попала, да угодила к родной дочери» [5, с. 183]. Она не выделена графически, но это не пересказ, а фольклорный текст, записанный без разделения на строфы.

На Дарье-реке татары делили полоненных. Теща досталась зятю. Мужчина привез своей молодой жене «вековечную работницу», которая должна «перво дело дитя качать, другое дело бумагу пряхть, третье дело гусей пасти». Полоняночка дитя качала и прибаюкивала, называя внуком, т. к. матушка его доводится ей родной дочерью («у нее на правой груди родимо пятнышко») [5, с. 184]. Услыхали няньки-матушки, доложили барыне о песне полонянки. Дочь бежит по сениям, падает матери в ноги, просит не работать больше, а брать ключи от дубовых ларцов, казну и коня, и ехать домой к своим малым детушкам. Мать отказывается, она хочет остаться с дочерью [5, с. 185].

Далевская запись очень близка к варианту «Татарский полон» [8, с. 11-12], записанному в 1964 г. в Коми АССР, и «Как за речкою да за Дарьею...», вошедшему в сборник П. Якушкина в 1865 г. [10, с. 98-101], однако значительно отличается от иного варианта текста – «Татарский полон» [8, с. 13-14].

В известных фольклорных текстах и далевской записи совпадают особенности сюжета, характеристика героев, однако различаются некоторые детали. Так, у В. И. Даля указаны такие занятия для полоняночки: «перво дитя качать,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

другое дело бумагу прясть, третье дело гусей пасти» [5, с. 184], в фольклоре – «Как перво дело, да ей куделю прясть, // Как второ дело, да ей гусей пасти, // Как третьё дело, да ей дитю качать» [8, с. 11] или: «Первое дело – // Куделю прясть, // Другое дело – // Лебедей стеречь, // А и третье дело – // Дитю качать» [10, с. 99]. В далевской записи мать узнала дочь по одной примете – «на правой груди родимо пятнышко» [5, с. 184]; в фольклорных вариантах – по двум родинкам на груди и отсутствию на ноге мизинца. В текстах устного народного творчества есть дополнительная деталь, разъясняющая ситуацию первичного неузнавания: женщина находится в плену с 7 лет, потому не помнит материнского облика. В принципе отмеченные расхождения не оказывают влияния на смысл рассказа.

Интересно сопоставить кульминацию данного сюжетного типа баллады – описание того, как отнеслась дочь к узнанной матери. В тексте В. И. Даля описание эмоционально-экспрессивное, динамичность и эмоциональное напряжение происходящего передано с помощью ряда глаголов: «Как стучит, брэнчит, по сеням бежит – по сеням бежит и дрожма дрожит: дочь родная упалада во резвы ноги <...>» [5, с. 184]. Наиболее близок в этом плане вариант «Как за речкою да за Дарьею...»: «Что стучит, грючит, // По сеням бежит, // По сеням бежит, // Дочка к матери // Повалилася, // Повалилася // Во резвы ноги <...> [10, с. 101]. Более нейтрально подобное событие описано в фольклорных вариантах «Татарский полон» [8, с. 12; 10, с. 14].

Таким образом, приведенные В. И. Далем фольклорные тексты – известные в фольклористике баллады, представленные несколькими записями второй половины XIX – XX вв. Далевские варианты сюжетов близки общерусской традиции. Они отличаются хорошим качеством записи, высокохудожественностью. Автор выступает в данном случае как собиратель, фольклорист и пропагандист национального фольклора.

Сюжеты приведенных в рассказе В. И. Даля песен о сложной, трагической и очень переменчивой женской доле перекликаются с отдельными эпизодами второй части

Далевское литературоведение. Вып. 2.

рассказа «Где потеряешь, не чаешь...» - судьбами сестер Катерины и Марии и их старой матери.

В рассказе В. И. Даля показаны типичные взаимоотношения помещиков и крепостного крестьянства. Хозяева хорошо относятся к семье Курмышева, берут понравившуюся дочь Катерину в горничные, в конце произведения дают возможность дочери Марье с мужем и сыну Григорию выкупиться из неволи, а стариков отпускают и так. Однако В. И. Даль не идеализирует крепостников: их обиды и непонимание приносят много зла семье. Так, барин рассердился на крестьян за то, что Катерину сманил дворянин, а Григорий с братом сбежали. Герасима он отдает в рекруты, а четырнадцатилетнюю Марью выдает замуж за хилого и больного вдовца-старика с малыми детьми. Мы видим своеобразную месть за непослушание крестьян. Для того чтобы задобрить помещика, Курмышевы идут к нему на поклон. За хорошее к ним отношение Герасима и Катерины хозяева перестали помнить зло, полюбили их и стали доброжелательны. Писатель подчеркивает, что высокие моральные и нравственные качества крепостных, их трудолюбие и усердие позволяют в конце концов найти общий язык с хозяевами, договориться мирным путем о выкупе из крепостничества и, конечно, скопить денег для освобождения членов семьи. Необходимо отметить, что действия, описываемые в далевском рассказе, происходят в 1810 – 1820-е гг., поэтому подобные отношения между классами для русского общества весьма характерны.

У В. И. Даля крестьяне смиренные, они уповают на Господа Бога. Так, главный герой повествования жил «как Богу угодно; родился хлеб – Курмышев сыт, а за ним и семья и захребетники <...>»; «из себя Иван также не больно видный человек; ноги, руки привешены, как у Божьих людей, и голова, стало быть, на плечах, а ходит себе куль кулем, и не оглядывается» [5, с. 186]. Для патриархальной семьи Курмышева очень важно благословение детей на венчание. Когда заезжий барин обвенчался с Катериной и увез ее с собой, родители очень переживали, что не было их благословения. Они оправдываются перед «миром» тем, что

Далевское литературоведение. Вып. 2.

благословили дочь заочно: жених же не бесчестно ее сманил, а значит, греха нет.

Далевские герои из народа ревностно соблюдают ритуалы, определяющие крестьянскую жизнь. При встрече со стариками дети «вошли в избу, и даром, что господами стали, а по крестьянскому обычаю сперва перекрестились, да прямо отцу и матери в ноги» [5, с. 205]. В произведение введено описание обедни перед праздником Пасхи: «Вперед старики, отец и мать, в хорошем платье своем; за ними дочь Катерина с мужем, там Марья с своим, а там два брата, Герасим да Терентий; а Григорию-пустодому пришлось плестись сзади одному. Полковнички в своих мундирах, в крестах, и Терентий в своем, в солдатском; Марьюшка в праздничной поневе, в шелковом платке; а уж Катериноушка, хоть и говорила мужу, что рядиться больно не стану-де, а все вышла ровно княгиня настоящая, по осанке, по всему» [5, с. 206]. Бывшие крепостные крестьяне гордо входят в церковь, при этом они демонстрируют всем своим видом единство и благополучие семьи.

Рассказчик в своем повествовании постоянно апеллирует к Богу. Он считает, что в крестьянском быту во взаимоотношениях с социумом религиозное начало является определяющим. Когда помещики отдали Герасима в солдаты, а Марью погубили ни за грош, «старик Курмышев потужил опять, поплакал – что будешь делать? Власть Господня. Было пятеро детей, таких, что завидно было смотреть на них сторонним, – а тут не стало вдруг ни одного» [5, с. 192].

Семья Курмышевых очень дружная, все ее члены переживают друг за друга, помогают всеми силами. Так, когда Марья не могла управиться со старым мужем и его детьми от прежней жены, ее мать взяла несколько детей к себе. При этом старуха Курмышева обращается, к религии, находя здесь отраду: «<...> сколько ни плакала по сиротству своему, а надежду на Бога полагала; горя везде много на свете, говорят, а рядом с ним и добро живет, когда подчас не из него ль еще оно родится. Она старика своего заставила Богу молиться, да стараться, где можно, за себя и за своих, и сама моталась и туда и сюда, чтоб сложа руки не сидеть, а и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

умилостивить за детей своих господ, чтобы эти на них не пеняли» [5, с. 193]; «<...> а Курмышева, почитая, что отчаиваться грешно, все по-прежнему от восхода до заката старалась по своему да по дочернему хозяйству, да за сирот, что Бог ей дал <...>» [5, с. 193]. В результате совместных усилий семьи Мария поправила свои дела: стала жить хорошо, перестала нуждаться. Уповая на Бога, крестьяне вместе с тем стараются своим трудом преодолеть все несчастья.

Герои считают, что Бог воздаст за их терпение. Если персонаж идет наперекор сложившимся традициям (например, бежит из крепостничества), то невольно обрекает на страдание близких, да и сам не находит в чужой стороне призрачного счастья: «хорошо там, где нас нет». Так, Григорий соблазнил любимого брата Терентия идти с ним на Кавказ, на волю. Тем самым он чуть не погубил его. Спасенный казаками, герой обращается к брату: «Погубил, было, я тебя сердечного, с великого ума-разума своего!... Слава тебе, Господи, что все миновалось!» [5, с. 203]. Над Григорием после господ трунили, что он хотел найти на Кавказе новую жизнь, без барщины и оброка, но вместо воли попал в неволю. «Что ж делать, - сказал Герасим Иванович, - на всякую причину разума не напасешься; за то его Господь и наказал, перенес и потерпел он много – пора и забыть того, это грех, и не поминать, чего теперь не воротить» [5, с. 207].

Таким образом, В. И. Даль создает своих героев из народа в соответствии со славянофильскими представлениями. Он подчеркивает патриархальность крестьянства, его смирение перед Богом. Автор показывает взаимопомощь, взаимовыручку членов крестьянской семьи, их внутреннее единство, религиозность, терпимость, способность любить друг друга и умение прощать проступки. Писатель, по сути, воплощает славянофильское понимание русского мужика, передает все сложности русской действительности, тонкости взаимоотношений классов и сословий в обществе начала XIX в., о которых писали в своих работах славянофилы.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Отдельные черты характера героев-крестьян данного произведения находят воплощение в других рассказах В. И. Даля из народного быта.

Так, здесь можно провести параллель с «Крестьянкой» из цикла «Картины из русского быта» (Отечественные записки. – 1857. – Т. СХ. – Кн. 1) [11]. В обоих произведениях небогатый дворянин, военный (гвардейский капитан) посватался к боярской (графской) дочери, но получил отказ, тщеславие и чувство оскорбленного самолюбия толкнули героя сделать предложение горничной – крестьянской дочери. Военный увез девушку, дал образование, между ними возникли любовь и духовная привязанность [5, с. 199-200; 11, с. 126-127]. Здесь В. И. Даль проводит важную мысль о внесловной ценности человека. Нельзя не отметить, что данные ситуации напоминают события «Станционного смотрителя» из цикла А. С. Пушкина «Повести Белкина».

В обоих своих произведениях В. И. Даль показывает, как герои из высшего общества обучают, вводят девушек в свет, гордятся ими. Постепенно крестьянки приобретают светские манеры. Автора интересуют переживания героини в процессе адаптации к своему новому положению. Катерина из рассказа «Где потеряешь, не чаешь...» вначале была в отчаянии, хотела убежать, спрятаться куда-нибудь, затем, когда узнала мужа поближе, стала смелее, наконец, «зажили душа в душу»: «полюбила я его, как и сама не чаяла. Так небось и с ним было: взял меня он не по добру, не по Божьему закону – а после и сердце забыл свое и недобрую думку, а тоже слюбился, как Бог велел, и теперь говорит – коли не обманывает – что не стал бы так любить и барышни моей, когда б пошла за него, как полюбил меня. А я, не забывая простого рода своего, как и вы, милые братья, сколько сил моих было, старалась, чтоб не стыдно было мужу меня в люди показать, чтоб быть мне не мужичкой между ровнями его, а хозяйкой, как следует. Чей хлеб ешь, того и песенку поешь; от людей не отставай, а к людям приставай. Вот мы благодаря Бога и живем; и не упрекал меня муженек мой ни разу, что я не ему чета, а возит, такой похвальбишка!

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Возит еще на показ, какую-де воспитал жену!» [5, с. 199-200]. Когда брат Григорий впервые увидел сестру Катерину, он посчитал ее не просто красавицей, а барыней «пышной»: «уж по платью ль, по речам ли, по походке ли, по всему, барыня <...>» [5, с. 201]. Так в произведении крестьянка преодолевает сословные ограничения и принимает новый образ жизни.

Аналогичны переживания молодой горничной Груши в далевской «Крестьянке»: «Я ходила и отвечала на вопросы «да» или «нет», без всякого самосознания, и была в беспамятстве: иначе я не умею объяснить вам своего положения. Не спрашивайте же, что я думала и чувствовала тогда, была ли довольна новым положением, счастьем своим, или нет, как решилась на поступок этот, и прочее. Я была не человек, а вещь, ничего не помню, не знаю, кроме того только, что часто дрожала в страхе, а муж мой ласкал меня и успокаивал, и помню, что когда в числе доверенных свадебных посетителей я увидела венчавшего нас священника, то испугалась этого доброго старичка, как приведения, и опять начала дрожать всем телом» [11, с. 126]. Муж Василий Васильевич Пышнов был добрым и ласковым. «Казалось, он внезапным переворотом этим перенес всю страсть свою с графини на меня и в этом же чувстве утушил свой страшный вызов оскорбленного честолюбия, негодования и мести», - анализирует уже зрелая полковница [11, с. 126-127].

Однако есть в судьбах этих двух героинь и существенные отличия. Если Катерина из рассказа «Где потеряешь, не чаешь...» живет с мужем душа в душу, то в «Крестьянке» бывшая крепостная оказывается духовно и душевно выше своего мужа, страсти которого со временем опять взыграли. Неудачи мужа по службе «снова его озлобили и до того растерзали его самолюбие, что бедный помешался. Он впал в непробудную задумчивость, которая была следствием слишком пылкого воображения, самолюбия и тщеславия, необузданных и потому обманутых надежд, - словом убийственного разочарования» [11, с. 128]. Через пять

Далевское литературоведение. Вып. 2.

лет семья уехала в деревню, где их злоключения не закончились.

В подобном переосмыслении типичной для литературы 1830 – 1840-х гг. ситуации – преодоления социальных (крепостнических) преград, видна эволюция художественного творчества В. И. Даля. От показа гармонии во взаимоотношениях рожденных в дворянстве и преодолевших сословные границы героев до явного «перерастания» простонародной героини своего мужа – светского человека. В рассказе «Где потеряешь, не чаешь...» подобная позиция В. И. Даля органично «вписывается» в славянофильское по духу произведение.

Намечается в тексте из издания «Московский литературный и ученый сборник» и параллель с авторским рассказом из «Картин из русского быта» «Беглянка» («Отечественные записки». – 1848. – Т. LVI. – № 2) [14]. Старший сын героя Григорий не хочет работать на барщине, бежит на Кавказ, где «в те поры слух был, что селятся на Кавказе, и кто ни приди, только бы дошел туда, так вольный будешь, и земли отведут, и сиди, и живи, знай только сам себя. Было тут много и врак, про молочные реки, кисельные берега, сытовые колодцы <...>» [5, с. 190]. Бунт героя («Хоть хуже будет жить, дескать, а все иначе будет, не по-старому, - а старое-то житье и надоело!» [5, с. 191]) заканчивается трагедией: казаки напали на черкесов, и его прикололи. Рассказчик комментирует и одновременно иронизирует: «Вот тебе и воля; и пропал туда, где нет ни рекрутчины, ни подушного, ни барщины! Как с того свету придет, так, может статься, и порасскажет что-нибудь о сытовых реках» [5, с. 192].

Сходная ситуация в «Беглянке». Русская работница в турецкой деревне Домаха рассказывает о своей семейной трагедии. Ее муж Стецько захотел воли. Один «недобрый» человек посулил ему рай в Туреччине, «где нет ни рекрутчины, ни податей; где винограда, меда и молока вволю и где наши русские живут, как в раю» [12, с. 93-94]. Он распродал все свое хозяйство, ушел из дома. Конечно же, все оказалось обманом: хозяин разузнал о деньгах зажиточного

Далевское литературоведение. Вып. 2.

крестьянина, убил и ограбил, а жену увез за море в вековечные работницы. В данных ситуациях В. И. Даль показывает типично русское отношение героев к своей жизни – желание найти рай на земле, освободиться из крепостных оков путем бегства в края, где, по слухам, лучшая жизнь. К сожалению, это оказывается иллюзией или обманом. В этой связи необходимо отметить, что подобные устремления и поступки характерны не только для русского человека, но и для представителей других наций.

Мотивация Григория рассказа «Где потеряешь, не чаешь...» на побег очень напоминает мотивацию героя рассказа В. И. Даля «Варнак» из цикла «Картины из русского быта» (Русская беседа. – 1857. – Т. 4. – Кн. 8) [13]. Григорий думал, что если у него сестра вышла за военного офицера, то он не должен гнуть спину на барщине. Поэтому герой и собирается на волю – на поселение на Кавказ. Персонаж «Варнака», крестьянский сын, по прихоти «бестолковой» барыни воспитывался с барчонком, а затем за шалость был наказан солдатчиной, но потом помилован и изгнан в город на полуторный оброк. Все свои последующие беды варнак связывает с неправильным воспитанием: ведь ему были внушены мысли и правила поведения, которые не соответствовали его происхождению, отведенному по рождению месту в обществе. В обоих случаях героев не удовлетворяют их жизнь и условия существования.

Таким образом, тематика и проблематика рассказа В. И. Даля «Где потеряешь, не чаешь...», близкая славянофильским представлениям, получает свое дальнейшее развитие в его творчестве. В нем созданы многие абрисы персонажей цикла «Картины из русского быта».

В самом начале произведения автор сразу же оговаривает его жанровые особенности: «не повесть затейливую собираетесь вы читать, а самый обиходный рассказ о том, как гора с горой не сходится, а горшок с корчагой в печи столкнется, где и не чайл» [5, с. 180]. В данном случае, с одной стороны, подчеркивается реализм повествования, обращение к простонародному объекту изображения; с другой стороны, предупреждается возможная

Далевское литературоведение. Вып. 2.

случайность сцен, отсутствие композиционной завершенности. В текст введены размышления об особенностях преломления реальных жизненных событий в художественном произведении, о степени достоверности и особенностях историзма старинных народных песен и баллад. Старец говорит: «Сказка складка, а песня быль; уж ты там, что хочешь говори, а песня быль» [5, с. 185]. Гость возражает, что это может быть «былью», а может – «досужеством», ведь «мудрено признаться, чтобы все это так случилось». Певец размышляет о том, что можно верить и на слово, потому что случиться может разное: «<...> мудреного в том ничего нет, что в песнях этих поется; гора с горой не сходится, а горшок с корчагой в печи столкнется, хоть они оба и не одной руки работа, а каждый перешел Бог весть через сколько рук, из разных мест, покуда у мужика в одной печи сошлись» [5, с. 185]. В данном диалоге В. И. Даль рассматривает особенности поэтики фольклорного жанра баллады, очень тонко указывая на его отличия от жанра исторических песен. Как утверждают современные фольклористы, баллада близка исторической песне, и не только так называемая историческая баллада: «В известном смысле исторично большинство остальных народных баллад: ведущие темы этих баллад порождены типичными социально-бытовыми и семейно-бытовыми коллизиями своей исторической эпохи» [14, с. 12].

В дальнейшем повествовании продемонстрирована возможность перехода от жизни к художественному произведению, и наоборот. Песня создается из обыденных реалий. Когда полковник, его жена и два брата Курмышевы приезжают на родину, чтобы встретиться с родителями, прозаический рассказ старца сменяется стихом:

«Не сизы туманы из-за гор-горы подымались,
Подымался поезд путничий ни свет, ни заря:
А ни свет, ни заря к селу Лысовке подъезжают они –
Подъезжают брата два, со сестрой родной,
Как стучит-то в них и стучит-таки ретивое сердце,
По тому ль по свиданью со отцом, с родной
матушкой!» [5, с. 201].

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Действительность может быть сложнее и богаче выдумки.

Аналогичные проблемы и вопросы специфики художественного творчества В. И. Даль впоследствии поднимал в рассказе «Кружевница» из цикла «Новые картины русского быта» (Русский вестник. – 1867. – № 4). Рассказчица здесь – пожилая женщина-крестьянка Анна, зарабатывающая по обету деньги для бедной семьи родного брата, повествует о том, как в свое время пожилая мать учила ее причитать по ней, умершей. Автор показывает, как рождается вариант фольклорного песенного жанра плача. Женщина начинает плакать: «Солнышко ты мое красное, ты куда закатилось! Лебедушка моя ты белая, а ты что не шелохнешься! А и словечушка не примолвишь, крылышком не примолвишь, крылышком не приголубишь!...» [15, с. 261]. Простодушная дочь возражает матери, упрекая ее в необъективности, в приукрашивании событий реальной действительности: «Мамынька, говорю, да как же стану белой звать тебя, ведь уж мы с тобой не кровь с молоком, ты ведь черна, да худая... «Ничего, дитятко, это любя так говорят в причитаниях, это с жали, а ты говори за мной голосом, и кулаком-то бороду подопри, вот, да головушкой-то и покачивай: Статенушка моя писаная»... Мамынька, да что ж мы с тобой станем людей смешить, уж какая ты статенушка! «Эх, Аннушка, а ты знай причитай за мною, так водится <...>» [15, с. 261-262].

В этом же произведении кружевница рассказывает своей собеседнице – барыне, о «сказках», придуманных ею для пятерых детей племянника. Это «побывальщина про честную вдову, свет-Аннушку». Женщина рассказывает о своей молодой матери «с двумя детушками», о тяжелой жизни семьи, о несправедливостях при рекрутской наборе, вследствие которых брата «не в черед в солдаты сдали» [15, с. 263]. Воспитывая детей, внушая им морально-нравственные истины, рассказчица вводит сказочные образы (яга-баба со ступой, «бабища-капустница, у нее голова кочанная, руки морковные, ноги редечные, сама в репьях, хмелем подпоясана, в руках хворостина долгая») [15, с. 262-263]. Так

Далевское литературоведение. Вып. 2.

жизнь смыкается со сказкой, обнаруживая свои взаимопереходы.

Несколько слов о стиле повествования. В речи старика-певца много фразеологизмов и паремий: «взяло поперек живота», «у них дети-то все ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца», «задумал налить им шей в ложку, да пустить туда крупницы крошку», «пропала без вести, равно в воду канула», «не клином же земля передо мною сошлась», «колотится сердечная, что рыба об лед», «передний заднему мост», «за почином дело стало», «в поле съезжаются, родом не считаются» и др. [5, с. 188, 190, 193-195]. С их помощью описываются события, характеризуются герои, а, прежде всего, сам рассказчик. Это певец из народа, который ценит меткое образное народное слово. Близость рассказа народному мировоззрению подчеркивает и пословица самого названия произведения: «где потеряешь, не чаешь; где найдешь, не знаешь». Певец подчеркивает свою близость героям, искреннюю заинтересованность в их судьбе. Он называет девушек уменьшительно-ласкательными именами – Марьюшка, Катеринушка, сочувствует тем, кто попадает в беду или сложную ситуацию и т. п. Тем самым рассказчик значительно сокращает дистанцию между собой и своими персонажами. Здесь происходит своеобразная игра с читателем. Вначале подобное отношение воспринимается как индивидуально-авторская манера повествования, близкая к фольклору. Только в самом конце писатель дезавуирует ситуацию – певцом оказался один из героев действия – Григорий Курмышев.

Хронотоп рассказа В. И. Даля «Где потеряешь, не чаешь...» – Святая неделя перед Пасхой. На это автор указывает и в начале, и в самом конце произведения. Кроме того, сюда входит описание данного церковного праздника. Далевский текст можно отнести к жанру пасхального рассказа, одним из родоначальников которого был писатель [16, с. 300-301]. Важно отметить, что подобная жанровая работа находится в русле художественно-публицистических опытов А. С. Хомякова и И. С. Аксакова, образцы которых

Далевское литературоведение. Вып. 2.

также находятся в «Московском литературном и ученом сборнике».

В анализируемом сборнике рассказ В. И. Даля «Где потеряешь, не чаешь; где найдешь, не знаешь» окружали произведения известных славянофилов: проза С. Т. Аксакова «Отрывок из семейной хроники», стихотворения Н. М. Языкова («Стихи на объявление памятника Н. Карамзину», «Сампсон»), И. С. Аксакова («Среди удобных и ленивых...»), «Вопросом дерзким не пытай...», «26 сентября», «Очерк», «Ночь»); «Критика» Ю. Ф. Самарина (О «Гарантасе» В. А. Соллогуба»); научные исследования А. С. Хомякова («Мнение русских об иностранцах»), К. С. Аксакова («Несколько слов о нашем правописании»). Сюда же вошли отдельные произведения авторов, симпатизирующих славянофилам: стихотворения П. А. Вяземского («Когда я был душою молод...», «Я грешен», «Рим»), перевод Н. В. Бергом «Краледворской рукописи, собрания древних чешских песен», научные работы А. Н. Попова («О современном направлении искусств пластических»), Ф. В. Чижова («О работах русских художников в Риме»), М. А. Максимовича «Об имени человек», И. И. Срезневского («Вук Караджич. Очерк»).

Как в славянофильский сборник «вписывается» произведение В. И. Даля? Какие отношения у были писателя с его авторами?

Рассмотрим вначале второй вопрос.

Редактора «Московского литературного и ученого сборника» Н. М. Языкова и В. И. Даля связывала давняя дружба. Они вместе учились в 1826 – 1829 гг. в Дерптском университете. В. И. Даль считал известного поэта своим товарищем и другом, он посвятил ему четвертую сказку из «пятка первого» «Русских сказок...» (1832) «Новинка-диковинка, или Невиданное чудо, неслыханное диво». Через Н. М. Языкова писатель передал в журнал «Московский телеграф» остро сатирическую сказку «Сила Калиныч, душа горемычная, или Русский солдат ни в аду, ни в раю» [17]. Переписка Н. М. Языкова с цензором В. Д. Комовским свидетельствует о том, что адресатами обсуждался вопрос о

Далевское литературоведение. Вып. 2.

судьбе далевского «Силы Калиныча», давалась позитивная оценка сказок «пятка первого» (в частности «Сказки об Иване, молодом сержанте») [18]. В 1840-х гг. В. И. Даль и Н. М. Языков поддерживали дружеские отношения, о чем говорит сохранившаяся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) переписка.

Ю. Ф. Самарина судьба свела с В. И. Далем в середине 1840-х гг. в Петербурге. Заветная мысль славянофила (после защиты диссертации поступить профессором в университет и посвятить себя научным занятиям) не реализовалась: по желанию отца 7 августа 1844 г. он отправился на службу в Петербург. Здесь он служил вначале в департаменте Министерства юстиции чиновником, а затем с 1847 по 1853 г. в Министерстве внутренних дел при Л. А. Перовском. В 1847 и 1848 гг., вплоть до отъезда в Нижний Новгород В. И. Даль работали в одном учреждении с Ю. Ф. Самариним.

Петербургское общество, даже литературное, не удовлетворяло славянофила: «Был я, - писал он И. С. Аксакову, - на двух так называемых литературных вечерах у Даля! Нет той свободы, той веселости, той теплоты. Съезжаются люди чиновные, не глупые, но убитые службою, изнуренные мертвящим трудом и физически не способные вырваться из душного круга мелких забот и мелких занятий. Они отдыхают молча за чашкою чая или же рассказывают анекдоты, или, наконец, толкуют об опере» [19, с. LXXXIV].

В этом высказывании славянофил характеризовал знаменитые в 1840-е гг. четверги В. И. Даля, где бывали академики, профессора, литераторы, музыканты, артиллеристы, военные инженеры, офицеры Генерального штаба, - люди мысли, слова и искусства. Здесь зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества, которое должно было находиться в ведении министра внутренних дел. В 1845 г. граф Л. А. Перовский исходатайствовал высочайшее соизволение на учреждение этого Общества, самого деятельного из русских ученых обществ XIX в. Имя В. И. Даля значится в числе имен его учредителей.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В данном случае у В. И. Даля и Ю. Ф. Самарина не совпали интересы, устремления, также различались их происхождение и жизненный опыт. Их пути пересеклись, но они не смогли понять друг друга. Ю. Ф. Самарин чуждался петербургской интеллигенции, которая, в свою очередь, часто игнорировала представителей славянофильского направления, воспринимая на веру широко распространенные во многом предвзятые суждения о них «западников».

Следующий период жизни В. И. Даля оказывается связанным с семьей Аксаковых. Через него, жившего с 1849 по 1859 год в Нижнем Новгороде, С. Т. Аксаков передает Т. Г. Шевченко свою новую книгу «Детские годы Багрова-внука» [20, с. 339]. Здесь же В. И. Даль встречается с Константином – старшим сыном С. Т. Аксакова, благодарившего в письме литератора «за радушие, с которым тот принимал сына его» [21, с. 310].

В «Русскую беседу» (1856, Кн. 3) В. И. Даль также помещает свое знаменитое публицистическое выступление по проблеме народной грамотности «Письмо к издателю А. И. Кошелеву», которое возбудило в обществе большую полемику. Второй раз писатель обращается к издателю славянофильского журнала в статье «Приписка к письму А. И. Кошелеву, по поводу возражений на него» (Отечественные записки. – 1857, № 2). В полемике принимают участие от славянофилов К. С. Аксаков «Замечание на «Заметку» г. Даля» (Молва. Литературная газета. – 1857, № 35, 7 дек.), а также А. И. Кошелев «Нечто о грамотности (Письмо к В. И. Далю)» (Русская беседа. – 1858, Кн. 9, № 1).

В московский период жизни В. И. Даля его дочери коротко знакомятся с С. Т. Аксаковым и его семьей, а затем и с остальным славянофильским кружком, слушают речи А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, читают все их работы и произведения [20, с. 31]. Аксаковы же помогают В. И. Далю найти квартиру в Москве [22, с. 215]. Племянник знаменитого писателя С. Т. Аксакова А. Н. Аксаков занимался с дочерьми писателя изучением иностранных литератур. Дочь Ольга увлекалась славянофильством, ездила к Аксаковым в

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Абрамцево, общалась со старушкой О. С. Аксаковой и ее дочерьми, постигала особую атмосферу семьи (православно-религиозные принципы, тесную дружбу между родителями и детьми). А. Н. Аксаков высоко ценил В. И. Даля как знатока русского языка, читал ему свои произведения перед отдачей в печать [23, с. 28-29, 31-35]. Ему В. И. Даль подарил рукопись «Пословицы русского народа» [22, с. 179]. Существовал даже семейный апокриф, что А. Н. Аксаков был влюблен в О. В. Даль, но та ему отказала и предпочла П. Демидова. После этого А. Н. Аксаков переехал в Петербург. Впрочем, ни мать мемуаристки, ни сам герой на вопрос, правда ли это, прямого ответа не дали [23, с. 35-36]. И. С. Аксаков был приглашен шафером на свадьбу дочери Ольги Даль, но не смог участвовать в церемонии и «прислал вместо себя молодого своего приятеля – болгарина эмигранта Станишева, который стал мужем его другой дочери – Марии» [20, с. 10].

В 1860-х гг. связь В. И. Даля со славянофилами ощущается еще сильнее, чем раньше. Славянофилы активно поддерживают его лингвистическую деятельность, которая полностью соответствует их установкам. Известно одно письмо В. И. Даля к И. С. Аксакову, которое датировано 1866 г. [24].

25 февраля 1873 г. на годичном заседании Общества И. С. Аксаков публично выразил свое отношение к В. И. Далю в «Речи о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве». О жизни В. И. Даля И. С. Аксаков говорит как о явлении замечательном и поучительном во многих отношениях. Моряк, медик, механик, чиновник, В. И. Даль, будучи датчанином по рождению, «тяготился противоречием своего религиозного внутреннего строя с народным и наконец разрешил это противоречие, окончательно объединившись с народом в вере за несколько месяцев до кончины» [25, с. 257]. В том, что А. Ф. Гильфердинг и В. И. Даль, оба не русские по крови, были страстно преданными России, И. С. Аксаков видит «нравственно притягательную силу русской народности», которая не только усыновила этих «иностранцев по происхождению» и привлекла их к «разработке своих

Далевское литературоведение. Вып. 2.

умственных богатств», но и одухотворила их «не русское трудолюбие русской мыслью и чувством» [25, с. 258].

И. С. Аксаков оставил нам ценные наблюдения над отношением В. И. Даля к русскому слову. Собирателя и создателя «Толкового словаря живого великорусского языка» интересовало «не наше книжное, искалеченное чахлое слово, а именно слово живое», которое он везде и всюду подбирал из уст самого народа [25, с. 257]. Хотя В. И. Даль, по мнению выступающего, не может быть назван художником-созидателем, русское слово было для него и предметом, и целью, и средством, и относился он к нему преимущественно с художественной стороны [25, с. 256], поэтому в его беллетристических произведениях все равно главенствует одна задача: «воспроизвести собственно это же слово в его жизненной обстановке, во всей его меткости и уместности! Оттого и язык его повестей и рассказов – не столько органическая, творческая речь самого автора, сколько живой талантливый подбор народных выражений, поговорок, пословиц, - будто нити, нанизанные зернами» [25, с. 257]. В конце жизни В. И. Даль воздвиг себе «вековечный памятник» «Толковым словарем живого великорусского языка» [25, с. 257].

В отличие от критиков революционно-демократического лагеря («Современника») и поддерживающих их литературоведов 1880 – 1890-х гг., которые дали резко отрицательную оценку далевскому наследию, И. С. Аксаков по-своему оценивает вклад В. И. Даля в русскую культуру, взвешенно, глубоко его анализирует и дает позитивный отзыв. Может, именно в этой публичной речи И. С. Аксаков выразил прямо и четко отношение к В. И. Далю не только свое, но и всех славянофилов, подвел итог их непростых взаимоотношений, условно говоря принял его свои ряды.

Необходимо также отметить, что В. И. Даль был знаком и с другими участниками славянофильского издания. Так, известны два письма В. И. Даля к симпатизирующему славянофилам литератору-финансисту Ф. В. Чижову [26]. Переписывался он и с М. А. Максимовичем, обсуждая

Далевское литературоведение. Вып. 2.

лингвистические вопросы [27; 28, с. 230-231; 29]. В. И. Даль должен был участвовать в третьем выпуске альманаха «Киевлянин» (1849), но не смог, т. к. после 1848 г. ему было запрещено печататься. Об этом он сообщил в одном из писем [30, с. 260-261]. В «Московском сборнике» ощущается близость художественного произведения В. И. Даля и фольклорно-лингвистическим разысканиям М. А. Максимовича. Как и для В. И. Даля, для М. А. Максимовича народность полнее всего выражает себя в народном творчестве, а из него в жанрах песни и сказки. Собиратель утверждает в предисловии к «Малороссийским песням» (1827, 1834, 1849): «В них часто видим баснословия, поверья, обычаи, нравы и нередко события действительности, кои в других памятниках не сохранились: сказка – складка, а песня – быль, говорит пословица», - [30, с. 78-79]. В. И. Даль был знаком с И. И. Срезневским, который писал к нему [31]. Именно от него В. И. Даль как собиратель и фольклорист получил сборник украинских песен Метлицкого.

Из сказанного ясно, что участие В. И. Даля в «Московском литературном и ученом сборнике», который имел ярко выраженную славянофильскую направленность, не было случайным. В 1846 г. писатель знаком уже со многими участниками издания, имеет с ними дружеские и творческие контакты. Впоследствии подобные связи упрочились. «Московский сборник» способствовал сближению с кругом славянофилов.

Рассмотрим теперь работы участников издания, окружающие рассказ В. И. Даля.

В центре сборника – произведения семьи Аксаковых, отца Сергея Тимофеевича и сыновей – Ивана и Константина. На рубеже 1830 – 1840-х гг. дом Аксаковых как один из центров московской интеллигенции, известный литературный салон, принимает славянофильскую направленность; а в 1840 – 1850-х гг., когда главную роль в семье начинает играть Константин, дом становится одним из центров славянофильства [32, с. 246, 266].

В сборнике был опубликован первый отрывок из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова (1791 – 1859), который

Далевское литературоведение. Вып. 2.

получил название «Степан Михайлович Багров» [33, с. 57-85]. Он был подписан «...ова». Работавший над своим произведением в течение 15 лет, писатель написал опубликованный в издании первый отрывок еще в 1840 г. [34, с. 380-381]. Здесь речь идет о переселении дедушки С. Т. Аксакова в Оренбуржье (Уфимское наместничество).

Необходимо отметить, что В. И. Даль долгое время жил и служил в Оренбургской губернии (1833 – 1841) и посвятил этому краю знаменитые произведения «Бикей и Мауляна» (1836), «Майна» (1841), «Башкирская русалка» (1843), физиологический очерк «Уральский казак» (1845). Так же, как и в отрывке С. Т. Аксакова, в названных произведениях В. И. Даля запечатлены особенности быта, уклада, культуры Оренбургской губернии: монотонные песни, игра на чебызгах (дудках) башкирцев, питье кумыса с его целительными свойствами, рыболовство на реке Урале (багрение).

В представленном С. Т. Аксаковым отрывке уже просматриваются художественные особенности будущего произведения. Это «хроника» с присущей ей строгой фактичностью и полной достоверностью изложения. Автор старается избегать излишней беллетризации. Аксаковская манера письма подчеркнута строгая, экономная, «деловая». Повествование строится как живой устный рассказ с бесчисленными повторами [34, с. 389-390].

В сборнике представлены программные стихотворения И. С. Аксакова («Среди удобных и ленивых...», «Вопросом дерзким не пытай...», «26 сентября», «Очерк», «Ночь») [35, с. 49-52, 56-58, 60-65].

В 1844 – 1853 гг., когда поэтическое творчество И. С. Аксакова было наиболее значительным, он довольно критически относился к некоторым догмам славянофильского учения. Поэт выражал в своем творчестве определенные славянофильские мотивы, но вместе с тем болезненно переживал бессилие и бесплодность славянофильства и мучительно сомневался в жизненности его воззрений [36, с. 7]. Поэзия, представленная в «Московском сборнике», выражает не столько программу славянофилов, сколько

Далевское литературоведение. Вып. 2.

сомнения и раздумья самого молодого и еще окончательно не сложившегося представителя их течения.

Смысл жизни своего времени И. С. Аксаков видел в бескорыстном и самоотверженном служении обществу. Самое позорное – лень, бездеятельность, равнодушие к народным бедам. Отсюда обличение бездеятельности, праздности рефлектирующей барской интеллигенции, оторванной от народа и способной сочувствовать ему лишь на словах («Среди удобных и ленивых...», «Вопросом дерзким не пытай...», «26 сентября»). В представленных стихотворениях И. С. Аксакова есть пейзажные зарисовки и сюжетные новеллы. Так, в «Ночи» лирический герой восхищается природой, упрекая читателей в том, что они свыклись с ней и не обращают на внимание ее красоты. В «Очерке» дан образец той конкретно-бытовой, «объективной» поэзии, которая в целом не характерна для поэта.

Включенные в славянофильское издание «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» Н. М. Языкова [37, с. 360-363], посвященное А. И. Тургеневу, - ода великому историографу, восхваление его трудов. Стихотворение было приурочено к открытию памятника Н. М. Карамзину в 1845 г. в Симбирске. Важно отметить, что торжество приняло славянофильскую окраску. Стихотворение «Сампсон» [37, с. 367-368] было написано поэтом по мотивам библейской легенды о поругании древнееврейского героя, который вновь получил потерянную силу, воспрял духом и победил всех врагов. На наш взгляд, здесь в высоком и отвлеченном виде автор говорит о назначении поэта и поэзии, подразумевая борьбу славянофилов и западников.

Н. М. Языков не был идеологом славянофильства, его участие было, прежде всего, эмоциональным [38, с. 41]. В Москве в 1829 – 1831 гг. поэт знакомится с рядом литераторов, близких братьям Киреевским, - А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, Каролиной Павловой (Яниш), М. А. Максимовичем, Н. А. Мельгуновым и др. В 1839 г. Н. М. Языков возвратился из-за границы в самый разгар боев между славянофилами и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

западниками и вскоре принял в них непосредственное участие. Его окружение, симпатии и даже родственные связи были в эту пору уже целиком славянофильские. По вторникам славянофилы встречались в доме Н. М. Языкова. В 1844 – 1845 гг. были написаны известные полемические послания поэта с грубыми выпадами против П. Чаадаева, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, В. Г. Белинского, в которых западники обвинялись в умственном разврате и измене русскому народу.

В «Московский литературный и ученый сборник» вошла программная статья Ю. Ф. Самарина «Тарантас». Путевые впечатления. Соч. гр. В. А. Соллогуба», подписанная псевдонимом «М... З... К». Она вызвала в славянофильском кружке полемику, в частности получила отрицательный отзыв К. Аксакова.

Повесть В. А. Соллогуба была оценена критиком как явление довольно заурядное, успех которого связан с типичностью изображения жизни. Ю. Ф. Самарин видит в противоположности героев повести «не искусственное сближение голых понятий, а показ противоречий русской «несамобытной» жизни. Ю. Ф. Самарин делает акцент на различии героев, стремясь указать идеальный тип, обеспечивающий свободное будущее России. Для него важен вопрос «исторического образования» в прошедшем обоих типов русской жизни. Василий Иванович имеет дворянскую генеалогию, у него нет сочувствия к народу, он не способен приобщиться к просвещению («практический» помещик), и не только далек от «истинного» славянофильского пути, но и входит в противоречие с его «идеалами». Иван Васильевич воспитан по-иностранному, поэтому оторван от национальной стихии. Это абстрактно-ненужный элемент русской жизни, в котором нет к ней «безотчетной любви».

Необходимо отметить, что выход в 1845 г. «Тарантаса» В. А. Соллогуба сопровождался целым рядом полемических выступлений. Кроме проанализированной, появилась критическая статья В. Г. Белинского (1845) и поэма И. С. Аксакова «Зимняя дорога» (1847). И все эти три выступления ярко показали несоответствие общественных

Далевское литературоведение. Вып. 2.

позиций славянофилов и западников, и разницу их собственно критических платформ. Так, В. Г. Белинский создал в своем отзыве памфлет на И. Киреевского, раскрыл «барско-помещичье-дворянскую сущность славянофилов», их «национальных маскарад», а также выступил против И. С. Шевырева.

В разборах «Тарантаса» В. Г. Белинский и Ю. Ф. Самарин выступили не как противники, но как невольные союзники в борьбе против аристократизма В. А. Соллогуба. Оба пришли к выводу, что созданное автором противопоставление надуманное, в нем не отражается русская действительность, оба героя оторваны от нее.

В. Г. Белинский, прочитав «Московский сборник», увидел это неожиданное «соответствие» и оценил его. Эта статья определила некоторое «охлаждение» вражды критика к славянофилам, например к И. С. Аксакову и то, что предполагаемая статья о славянофильском издании, в которой В. Г. Белинский непременно хотел потешиться над А. С. Хомяковым, не состоялась, а отзыв о «Сборнике» в обзоре за 1846 г. был положительный [39, с. 178].

Центральное место в анализируемом сборнике занимает научное исследование А. С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах (Письмо к приятелю)» [40, с. 103-135]. «Приятель» – это кто-то из петербургских друзей автора – А. И. Кошелев или А. В. Веневитинов. В работе затронута одна из основных проблем славянофильской философии.

А. С. Хомяков анализирует взаимоотношения Запада и России, отмечая произошедшие в этой области изменения. Он характеризует отношение Запада к России как смесь страха и ненависти с неуважением. По его мнению, иноземное начало современной русской науки, ее исключительность и необходимое последствие одностороннего развития – глубокий и до сих пор не исцеленный разрыв между самобытной жизнью России и прививным просвещением. Русскую жизнь отличает бессознательность и неподвижность, а науку – бессилие и безжизненность [40, с. 106]. Вместе с тем исследователь

Далевское литературоведение. Вып. 2.

указывает на необходимость и неизбежность борьбы Руси с иноземным просвещением и с его рабскою подражательностью [40, с. 109, 113]. Идея общины Западу недоступна, она условная и случайная, а в России – живая и органическая [40, с. 119, 124]. «Мы начали понимать не только темным инстинктом, но истинным и наукообразным разумением всю шаткость и бесплодность духовного мира на Западе» [40, с. 134], - заключает свою работу А. С. Хомяков.

В славянофильский сборник вошло исследование крупного предпринимателя, финансиста и писателя Ф. В. Чижова (1811 – 1877) «О работах русских художников в Риме», написанная им в Италии. Здесь в 1840 – 1847 гг. Ф. В. Чижов жил в близком общении с Н. В. Гоголем и Н. М. Языковым. К 1845 г., времени приезда из-за границы в Россию, относится его личное знакомство и сближение со славянофилами, Ф. В. Чижов разделял их взгляды на значение и призвание России, на славянский вопрос, и даже подвергался преследованиям властей за распространение славянофильских идей [41, с. 423].

Отдал в данное издание свои поэтические произведения и П. А. Вяземский. В стихотворении «Когда я был душою молод...» представлено широко распространенное, развитое еще литературой сентиментализма соответствие времен года и периодов жизни человека [42, с. 239]. В «Риме» автор восхищается славой государства, но в то же время говорит о его упадке и забвении [42, с. 242].

Необходимо отметить, что в 1840-е гг. содержание литературной жизни автора пушкинского круга оказалось исчерпанным. Он не вписывался в эстетику В. Г. Белинского, не принимал участия в борьбе западников со славянофилами. Его взгляд на народность, сложившийся в 1820-е гг., оставался неизменным: П. А. Вяземский отвергал проповедь национальной исключительности России и осуждал взгляды революционно-демократических сил [43, с. 32; 44, с. 44-45].

В славянофильский сборник вошла работа М. А. Максимовича «Об имени человек», подписанная:

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Михайлова гора над Днепром, дек. 1845 г.». Она посвящена разысканию этимологии слова «человек» [45]. Подобное исследование характерно для М. А. Максимовича (1804 – 1873) – знаменитого украинского фольклориста, историка, журналиста и литератора, который изучал памятники народной словесности, славянские (особенно русский и южнорусский) языки и культуры [46, с. 64].

Известно множество фактов взаимодействия М. А. Максимовича с кружком славянофилов. Так, литератор еще в 1820-х гг. познакомился со многими будущими славянофилами – А. С. Хомяковым, бр. Киреевскими, А. И. Кошелевым [30, с. 12], причем к И. В. Киреевскому испытывал особенно теплые чувства. В альманахе М. А. Максимовича «Денница» принимал участие Н. М. Языков, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, Киреевские, С. Аксаков, а третий выпуск «Киевлянина» ему «помог издать М. П. Погодин», здесь появились стихи И. С. Аксакова, К. К. Павловой, Н. М. Языкова [30, с. 28, 69, 260]. М. А. Максимович был хорошо осведомлен о новой формирующейся идеологии славянофилов, еще до возникновения статей А. С. Хомякова «О старом и новом», И. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову», в 1831 г. он присутствовал на вечерах у С. Т. Аксакова [30, с. 114, 191]. В письмах 1860-х гг. старым друзьям – М. П. Погодину, А. П. Елагиной, он посылал стихи [30, с. 185]. Также М. А. Максимович был знаком и поддерживал дружеские отношения с другими авторами, которые участвовали в «Московском сборнике». Он переписывался с М. П. Погодиным, И. И. Срезневским, С. П. Шевыревым, П. А. Вяземским [30, с. 14, 77, 126, 191, 195].

В сборнике представлено научное исследование «Взгляд на современное состояние литературы у западных славян. Вук Караджич» русского слависта, филолога и этнографа И. И. Срезневского (1812 – 1880). С южным славянством ученый знакомился по отдельным книжкам Вука Караджича, по путешествию Фротиса в Далмации и др. Будучи за границей, в славянских землях, в 1839 – 1842 гг., И. И. Срезневский начал печатать статьи по славянским

Далевское литературоведение. Вып. 2.

литературам, к которым относится и вышеупомянутая [47, с. 283-284].

Русский писатель Н. В. Берг (1823 – 1884) с 1845 г. публиковался в близком славянофилам периодическом издании журнале «Москвитянин». Среди созданных им стихов, повестей, путевых очерков и статей исторического содержания, которые не отмечены большими художественными достоинствами, видное, можно даже сказать, первое место занимают переводы славянских поэтов, исполненные легким, хорошим стихом [48, с. 330-331]. Статья о «Сеймах» для «Очерков России» Вадима Пассека (1837 – 1838) дала ему повод познакомиться с известными фальсификациями Ганки «Суд Любуши» и Краледворской рукописью, в подлинность которых он горячо верил в течение всей жизни. Также относился к этому источнику и И. И. Срезневский [47, с. 284]. Именно эта переводческая работа Н. В. Берга, «Краледворская рукопись, собрания древних чешских песен», и включена в состав «Московского литературного и ученого сборника».

Из сказанного ясно, что в сборнике приняли участие славянофилы и их ближайшее окружение. В работах отразились основные идеи, направления деятельности славянофилов, а также их противоречия. Как мы видим, название издания полностью отражает его содержание. В нем не только собраны литературные новинки, но и научные разыскания. Художественная словесность представлена творчеством двух прозаиков и трех поэтов. Рассказ «Где потеряешь, не чаешь...» В. И. Даля занимает в сборнике особое положение. Вместе с отрывком из «хроники» С. Т. Аксакова он представляет блок прозы. Кроме того, далевский рассказ являет собой прозаическое преломление славянофильских воззрений. В. И. Даль поднимает в своем произведении те проблемы, разрабатывает такие аспекты, которые не были затронуты другими участниками сборника, – изображение народной русской действительности, рассмотрение образа жизни типичной крепостной крестьянской семьи России начала XIX в. Далевский рассказ ярко выделяется на фоне стихотворений, например,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

И. С. Аксакова, в которых представлен образец возвышенных, высокого строя мыслей, слов и чувств поэтических строк, выражающих к тому же принципиальную мировоззренческую позицию авторов. Также можно сказать, что произведение В. И. Даля находится как бы в центре славянофильского издания, объединяет в себе его основные интенции. В «Где потеряешь, не чаешь...» продемонстрирована взаимосвязь литературных, фольклористических и лингвистических интересов В. И. Даля, которая была воплощена в структуре и проблематике всего славянофильского сборника (работы М. А. Максимовича, И. И. Срезневского, перевод Н. В. Берга).

Литература

1. [Даль В. И.] Где потеряешь, не чаешь, где найдёшь, не знаешь / В. И. Даль // Московский литературный и ученый сборник / Изд. Н. М. Языков. – М., 1846. – С. 427-468.
2. Даль В. И. Где потеряешь, не чаешь, где найдёшь, не знаешь / В. И. Даль. – [М.] : Тип. Августа Семена, 1846. – 34 с.
3. Даль В. И. Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь / В. И. Даль // Даль В. И. Соч. Владимира Даля. Новое полн. изд. : В 8 т. – СПб. : Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1861. – Т. 7. – С. 165-190.
4. Даль В. И. Где потеряешь, не чаешь; где найдешь, не знаешь / В. И. Даль // Даль В. И. Соч. В. И. Даля. Повести и рассказы: В 8 т. Посмертное полн. изд. – М. ; СПб. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1883. – Т. 1. – С. 205-237.
5. Даль В. И. Где потеряешь, не чаешь, где найдёшь, не знаешь / В. И. Даль // Даль В. И. Полн. собр. соч. : В 10 т. – М. ; СПб. : М. О. Вольф, 1897. – Т. 1. – С. 180-208.
6. Даль В. И. Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь / В. И. Даль // Даль В. И. Полн. собр. соч. : В 8 т. / Подг. и сост. В. Я. Дерягина, З. С. Дерягиной, предисл. В. Я. Дерягина; В. И. Даль. – М. : Столица, 1995. – Т. 1 – 4. – Федерал. прогр. книгоизд. России. – Т. 1. – С. 200-221.
7. Пустова Ф. Д. Порівняльний аналіз записаної В. І. Далем російської пісні з її українським варіантом / Ф. Д. Пустова // Пятые

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Международные Далевские чтения : Тезисы, статьи, материалы. – Луганск : Изд-во Восточноукр. нац. ун-та, 1996. – С. 28-31. 8. **Русские** народные баллады / Вст. ст., подг. текста и примеч. Д. М. Балашова. – М. : «Современник», 1983. – 311 с. 9. **Исторические** песни. Баллады / Сост., подг. текстов, вст. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. – М. : Современник, 1986. – 622 с. – (Классическая б-ка «Современника»). 10. **Русские** народные песни / Вст. ст., сост. и примеч. А. М. Новиковой. – М. : ГИХЛ, 1957. – 736 с. 11. **Даль В. И.** Крестьянка / В. И. Даль // Даль В. И. Картины из русского быта / Сост. и вступ. ст. Б. Н. Романова. – М. : Новый Ключ, 2002. – С. 119-132. 12. **Даль В. И.** Беглянка / В. И. Даль // Даль В. И. Архистратиг / Сост., предисл. и прим. В. Мельникова. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2006. – С. 91-100. 13. **Даль В. И.** Варнак / В. И. Даль // Даль В. И. Картины из русского быта : Т. 1 – 2. – СПб. : М. О. Вольф, 1861. – Т. 1. – С. 56-72. 14. **Азбелев С. Н.** Русские исторические песни и баллады / С. Н. Азбелев // Исторические песни. Баллады / Сост., подг. текстов, вст. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. – М. : Современник, 1986. – С. 5-22. – (Классическая б-ка «Современника»). 15. **Даль В. И.** Новые картины русского быта : 6) Кружевница / В. И. Даль // Даль В. И. Повести и рассказы / Предисл. и сост. М. А. Чванова. – Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1981. – С. 258-263. – (Серия «Золотые родники»). 16. **Тарасов К. Г.** Пасхальные мотивы в творчестве В. И. Даля / К. Г. Тарасов // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XIX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : Сб. науч. тр. – Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 295-302. 17. **Фесенко Ю. П.** Неопубликованное письмо В. И. Даля к Н. А. Полевому / Ю. П. Фесенко // Слобожанщина : Науч.-метод. сб. литературовед. работ. – Луганск : Изд-во ЛГПИ, 1994. – Вып. 1. – С. 6-13. 18. **Переписка** Н. М. Языкова с В. Д. Комовским // Литературное наследство. – М., 1935. – Т. 19. – С. 90-91. 19. **Самарин Д.** Данные для биографии Ю. Ф. Самарина за 1840 – 1845 гг. / Д. Самарин // Сочинения Ю. Ф. Самарина. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1880. – Т. 5. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. – С. XXXV – XCII.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

20. Порудоминский В. И. Даль / В. И. Порудоминский. – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ, 1971. – 384 с. – (Серия ЖЗЛ).
21. Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков / М. П. Лобанов. – М.: Молод. гвардия, 1987. – 366 с. – (ЖЗЛ. Сер. биогр. Вып. 3 (677)).
22. Бессараб М. Я. Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. – 2-е изд., испр. и доп. / М. Я. Бессараб. – М.: Современник, 1972. – 288 с.
23. Дали в Москве / Публ. подг. В. Ф. Молчанов // Русская речь. – 2001. – № 6. – С. 27-46.
24. Даль В. И. Письмо к И. С. Аксакову. 1866. 2 л. / В. И. Даль // РО ИРЛИ. – Ф. 3. – Оп. 4. – Ед. хр. 177. Архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С. – 2 л.
25. Аксаков И. С. Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве / И. С. Аксаков // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Вступ. ст., с. 5-29 и ком. А. С. Курилова; К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. – М.: Современник, 1981. – С. 256-263. (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).
26. Даль В. И. Письма к Ф. В. Чижову. Б. д. 2 п., 4 л. / В. И. Даль // ОР РГБ. – Чиж. – Оп. 23. – Ед. хр. 5. – 4 л.
27. [Даль В. И.] Два письма В. И. Даля к М. А. Максимовичу, 12 нояб. 1848 г., 10 февр. 1850 г. / Предисл. В. Данилова, В. И. Даль // Русский филологический вестник. – 1907. – Т. 58. – № 4. – С. 354-361.
28. Пономарев С. Михаил Александрович Максимович. (Биографический и историко-литературный очерк) / С. Пономарев // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1871. – Ч. CLVII. – № 10. – С. 175-249.
29. Даль В. И. Письма (3) к М. А. Максимовичу. (1848 – 1850 гг.): В «Рукописном наследии В. И. Даля» / В. И. Даль // [www.karelia.ru / dahl / html / textes. htm](http://www.karelia.ru/dahl/html/textes.htm)
30. Фризман Л. Г. М. А. Максимович-литератор / Л. Г. Фризман, С. Н. Лахно. – Харьков: Изд-во ХНАДУ, 2003. – 492 с.
31. Срезневский И. И. Письмо В. И. Даля (конец 50-х – начало 60-х гг.): В «Рукописном наследии В. И. Даля» / И. И. Срезневский // www.karelia.ru/dahl/html/textes.htm
32. Манн Ю. В. Семья Аксаковых: Историко-литературный очерк / Ю. В. Манн. – М.: Дет. лит., 1992. – 384 с. – (Люди. Время. Идеи).
33. Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. / С. Т. Аксаков; сост. и примеч. А. Л. Осповата. – М.: Б-ка

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Огонек»: Изд-во «Правда», 1987. – Т. 1. – 600 с.

34. **Машинский С. И.** С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – 2-е изд., доп. / С. И. Машинский. – М.: «Худож. лит.», 1973. – 575 с.

35. **Аксаков И. С.** Стихотворения и поэмы / И. С. Аксаков; Общ. ред. А. Г. Дементьева, вступ. ст. А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского, подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. – Л.: Сов. писат., 1960. – 300 с. – (Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд-е).

36. **Дементьев А. Г.** Поэзия Ивана Аксакова / А. Г. Дементьев, Е. С. Калмановский // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / Общ. ред. А. Г. Дементьева, вступ. ст. А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского, подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. – Л.: Сов. писат., 1960. – С. 5-30. – (Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд-е).

37. **Языков Н. М.** Стихотворения и поэмы / Н. М. Языков; вступ. ст. К. К. Бухмейер, сост, подг. текста и примеч. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской. – Л.: Сов. писат. Ленингр. отд-ние, 1988. – 592 с. – (Б-ка поэта. Большая серия).

38. **Бухмейер К. К.** Н. М. Языков / К. К. Бухмейер // Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. К. К. Бухмейер, сост, подг. текста и примеч. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской. – Л.: Сов. писат. Ленингр. отд-ние, 1988. – С. 5-46. – (Б-ка поэта. Большая серия).

39. **Кошелев В. А.** Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840 – 1850-е годы) / В. А. Кошелев; Отв. ред. В. П. Мещеряков; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Изд-во «Наука». Ленингр. отд-ние, 1984. – 196 с.

40. **Хомяков А. С.** О старом и новом: статьи и очерки / А. С. Хомяков; под. общ. ред. Г. М. Фридлиндера, сост., вступ. ст. и ком. Б. Ф. Егорова. – М.: «Современник», 1988. – С. 103-135. – (Из лит. наследия).

41. **Чижов Федор Васильевич** // Русский биографический словарь : 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – Т. 16 : Филипп – Чухнин. – С. 423-424.

42. **Вяземский П. А.** Сочинения : В 2 т. / П. А. Вяземский; Сост., подг. текста, вступ. ст. и ком. М. И. Гиллельсона. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 1. Стихотворения. – 462 с.

43. **Гиллельсон М. И.** Петр Андреевич Вяземский / П. А. Вяземский //

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Вяземский П. А. Сочинения : В 2 т. / П. А. Вяземский; сост., подг. текста, вступ. ст. и ком. М. И. Гиллельсона. – М. : Худож. лит., 1982. – Т. 1. Стихотворения. – С. 5-36. 44. **Гинзбург Л. Я.** П. А. Вяземский / Л. Я. Гинзбург // Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский; сост., подг. текста, вступ. ст. и прим. К. К. А. Кумпан; вст. ст. Л. Я. Гинзбург. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 5-50. 45. **Максимович М. А.** Филологические наблюдения и исследования I. Об имени человек / М. А. Максимович // Собр. соч. М. А. Максимовича. – К. : Тип. аренд. Е. Т. Керер, 1880. – Т. III. Языкознание. История словесности. – С. 156-164. 46. **Д. Б-й** Максимович Михаил Александрович // Русский биографический словарь : 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – Т. 10 : М. – С. 63-65. 47. **Булич С.** Срезневский Измаил Иванович / С. Булич // Русский биографический словарь : 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – Т. 14: Сигизмунд – Сютаев. – С. 282-289. 48. **Берг** Николай Васильевич // Русский биографический словарь : 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – Т. 2 : Б – Благоразумов. – С. 330-331.

Аннотации

Юган Н. Л. В. И. Даль в славянофильском издании «Московский литературный и ученый сборник»

В статье проанализирована идейно-художественная специфика произведения В. И. Даля «Где потеряешь, не чаешь; где найдешь, не знаешь: (Ключ, лад и строй песни)», которое вошло в славянофильское издание «Московский литературный и ученый сборник» (1846). Писатель наглядно демонстрирует в рассказе, как были, события реальной действительности трансформируются в произведение устного народного творчества. Н. Л. Юган исследует фольклорные источники далевского сюжета, проводит параллели с рассказами циклов автора «Картины из русского быта» и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Новые картины из русского быта», «вписывает» текст в литературно-научный контекст сборника.

Ключевые слова: рассказ, фольклоризм, славянофильство, баллада.

Юган Н. Л. В. І. Даль у слов'янофільському виданні «Московский литературный и ученый сборник»

У статті проаналізовано ідейно-художню специфіку твору В. І. Даля «Где потеряешь, не чаешь; где найдешь, не знаешь: (Ключ, лад и строй песни)», що увійшло у слов'янофільське видання «Московский литературный и ученый сборник» (1846). Письменник наочно демонструє в оповіданні, як події реальної дійсності трансформуються у твір усної народної творчості. Н. Л. Юган вивчає фольклорні джерела далівського сюжету, проводить паралелі з оповіданнями циклів автора «Картины из русского быта» та «Новые картины из русского быта», «вписує» текст у літературно-науковий контекст збірки.

Ключевые слова: оповідання, фольклоризм, слов'янофільство, балада.

Jugan N. L. V. I. Dal' in slavophil edition «Moscow literary and scientific collection»

In article ideologically-artistic specificity of V. I. Dal product is analysed «Where lose, do not know where you will find, do not know: (a key, a harmony and a song system)» which has entered in slavophil edition «Moscow literary and scientific collection» (1846). The writer shows in the story as true stories, reality events are transformed to products of oral national creativity. N. L. Jugan investigates folklore sources of V. I. Dal' plot, draws parallels with stories of the author's cycles «Pictures from Russian life» and «New pictures from Russian life».

Key words: the story, folklorism, Slavophilism, a ballad.

*Б. А. Москалюк
(Луганск)*

«ЖУРНАЛИСТИКА ПУТЕШЕСТВИЙ» ВЛАДИМИРА ДАЛЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир Даль не был ни профессиональным журналистом, ни профессиональным путешественником в современном понимании этого слова. Во всяком случае в той же мере, в какой это понятие воспринималось в XIX веке по отношению к мореплавателю Витусу Берингу или этнографу Н. Миклухо-Маклаю. Однако универсалии мышления В. И. Даля, разносторонний интерес к окружающему, мощный талант и энциклопедические знания, нашедшие свое проявление в его трудах, позволяют говорить о В. И. Дале как о настоящем профессионале в любом избранном им деле.

Военная и государственная служба, врачебная практика и опыты натуралиста, литературное и журналистское творчество, - все это, вместе взятое, определило далевский характер познания жизни и видения фактов (как во время военных кампаний и походов, так и в период многочисленных поездок и путешествий). Заметим, что самая активная работа по составлению «Толкового словаря живого великорусского языка» велась им в военных походах: турецком, польском, хивинском. Творчество Владимира Ивановича Даля было сформировано частой сменой жизненных обстоятельств; влияние которых предопределило его подход к журналистике и писательскому делу. По-видимому, эти факторы и помогли оформить его своеобразному авторскому стилю «журналистики путешествий». Этот стиль отличается сложным, органичным взаимодействием документальной, художественной и фольклорной форм, мастерски объединенных образом рассказчика. Примером тому служит публицистика Оренбургского периода, многочисленные материалы

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В. И. Даля, опубликованные в российской периодике того времени.

В целом, далевская журналистика, которой он посвятил (по свидетельству исследователей его литературного творчества) более полувека, претерпела значительную эволюцию – от «путевников» гардемарина, «дневных журналов» юного мичмана В. И. Даля, до физиологических, этнографических очерков, полемической публицистики зрелого мужа – В. И. Даля в чине коллежского асессора, и позднее до материалов, изданных под псевдонимами В. Луганский и Казак Луганский.

«Перу Даля как публициста принадлежат, по нашим подсчетам, - утверждают ученые А. Л. Голубенко, А. Н. Евдокимов, - более 360 разножанровых журналистских материалов» [1, с. 351]. Здесь и открытые письма в редакции газет и журналов, путевые и портретные очерки, очерковые зарисовки и путевые заметки, статьи, рецензии, корреспонденции, письма, предисловия к сборникам художественных произведений; а так же главному труду всей жизни – «Толковому словарю живого великорусского языка».

В 30-е гг. XIX в. В. И. Даль писал этнографические очерки, основывавшиеся на наблюдениях во время путешествий западными и восточными российскими окраинами, вынужденных поездок по Турции, Польше и другим славянским землям. К числу таких произведений можно отнести повести «Цыганка», «Подольянка», «Болгарка» и другие. Ничего не домысливая в описании жизни своих героев, а лишь пропустив сквозь свое авторское восприятие все факты, взятые ранее на заметку, В. И. Даль художественно трансформировал их. Понятно, что именно благодаря такой авторской интерпретации читатель имеет возможность проникнуть в суть события, получить детальные характеристики того или иного явления, сложить собственное представление о прочитанном. Именно в походах и путешествиях В. И. Даль собрал богатый этнографический материал, который, как отмечает далевед Г. П. Матвиевская, стал основой для написания около ста очерков [2].

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Владимир Иванович Даль является одним из создателей физиологических очерков, в которых изучаются внутренние процессы, происходящие в общественной жизни («Уральский казак», «Денщик», «Петербургский дворник» и др.). Заметим, что этими и другими произведениями он предвосхитил «протокольную эстетику» Эмиля Золя, привнес в художественное отражение действительности натурализм.

Публицистика Владимира Даля отличается от журналистских трудов его современников четкой циклизацией тем и мотивов. Так, исследователи далевского творчества А. Л. Голубенко и Н. А. Евдокимов указывают на семь таких основополагающих циклов, относя к одному из них «разножанровые материалы об Оренбургском крае» [1, с. 350]. Истоки будущего журналистского мастерства Владимира Даля, в частности и его путевой журналистики, берут начало в период учебы в Морском корпусе. «Владимир Даль, - отмечает исследовательница его жизнедеятельности М. Я. Бессараб, - просиживал за своими дневниками все свободное время. Записывал меткие словечки, смешные случаи из кадетской жизни или просто привычки офицеров и воспитанников» [3, с. 23]. Дневники или, точнее, «путевники» молодого Даля – датированные записки о различных событиях, волновавших автора. В архивах Российской государственной библиотеки, к счастью, сохранились «Дневные журналы гардемарина Владимира Даля, веденные на бригах «Феникс» и «Флора»». Содержание этих «судовых журналов», как первых путевых очерков молодого В. И. Даля, особенно о походе на бриге «Феникс», вслед за М. Я. Бессараб и Ю. П. Фесенко, более подробно рассмотрели А. Л. Голубенко и Н. А. Евдокимов в своей монографии «Владимир Даль как публицист: особенности и мотивы творчества». Не отрицая предыдущих оценок литературного дебюта В. Даля, фотографический характер записей, они признают в этих «дневных журналах» путевые очерки.

Далее были «записки» мичмана В. И. Даля, которые он в 1820 г. вел «в плавании на фрегате «Флора» с эскадрой по Черному морю для практики и эволюции». Более полно и точно охарактеризовал их профессор Ю. П. Фесенко,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

особенно те изменения, которые нельзя не заметить в манере повествования, языке и стилевых особенностях начинающего литератора: «В произведении начисто отсутствуют архаические обороты. Монотонных повторов, бесконечных перечислений нет и в помине. Текст соткан из тонких наблюдений, остроумных замечаний, контрастных картин, сочной разговорной речи с обилием всевозможных паремий. Одно настолько естественно сменяется другим, подчиняясь общему авторскому настроению, что едва поддается искусственному условному разъятию. Каждый день либо поворот судна, маневр эскадры или изменение погоды имеют свой смысл, ибо неповторимо каждое мгновение быстротекущего бытия» [4, с. 33]. Нельзя не согласиться и с его выводом о том, что «Переход молодого автора от разрозненных фактографических описаний 1817 г. к художественно целостному повествованию 1820 г. соответствует развитию жанра путевого очерка в целом...» [4, с. 45].

Хотя вышеупомянутые «Дневные журналы» молодого В. Даля и не стали литературным событием того времени (...вряд ли могли?!), сегодня их можно считать незаурядным явлением в документальной литературе и тем более путевой журналистике. К сожалению, именно эта сфера деятельности В. Даля пока остается малоизученной.

Предметом описания путевой журналистики является наиболее интересное и особенно яркое впечатление автора, которое почти всегда доминирует либо в заметках, либо в очерке. А путевой очерк как жанр это, прежде всего, описание каких-то событий, путешествий, встреч с людьми, которые проходят во время путешествий автора. Происхождение этого жанра исследователи всегда связывали с так называемой литературой путешествий, однако в данной статье мы не ставим своей задачей изучение данного вопроса. Отметим одно, «путешествие» как литературный жанр, позволяющий включить в повествование письмо и дневник, сентиментальную повесть и автобиографию, рассказ и нравоучительную проповедь, свободно чередуя их, как бы воспроизводя естественное течение самой жизни, – стал

Далевское литературоведение. Вып. 2.

началом тех содержательных и структурных изменений, которые со временем образовали конструкции и жанровые признаки путевого очерка – инвенции, диспозиции, элокуции...

Главная проблема путевой журналистики – это отбор информации, ибо впечатлений в результате поездок бывает много и задача автора – отобрать самое интересное и важное. Убедительным примером такого выверенного подхода можно назвать произведения В. Даля «Письмо Гречу из Уральска» (1833) и «Письмо к издателю из Оренбурга» (1834), которые он опубликовал под псевдонимами и адресовал редактору газеты «Северная пчела» Н. И. Гречу. Надо заметить, что и сам Н. И. Греч в те годы уже имел опыт литератора в жанре «путешествие», написав роман в письмах «Поездка в Германию» (1831). Зная толк в путевой журналистике, он смог по достоинству оценить первые впечатления автора письма об Оренбургском крае [5, с. 585].

Путешествия всегда являлись особой сферой человеческой жизни и желаний: «...с детских лет путешествия были моею любимой мечтою», - это признания А. С. Пушкина можно встретить в его бессмертном творении «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» [6, с. 370]. Похожие рассуждения находим у В. И. Даля. «Всю свою жизнь я искал случая поехать по Руси, познакомиться с бытом народа...», - пишет он в автобиографических записках. Тема странствий, начиная с мифов и сказаний, никогда не покидала литературу. А сама литература, ее особый жанр «путешествие» и, вслед за этим, путевая журналистика предоставляют широкие возможности для сообщения разнообразных географических и этнографических сведений. Ко всему этому, нельзя не учитывать того, что путешествие есть проявление простейшего из человеческих прав – права на передвижение. Поэтому так естественно его желание увидеть новые для себя земли, получить новые впечатления и знания.

Во второй половине XX века приобрели популярность документально-очерковые путешествия, написанные географами, этнографами и другими учеными: «Аку – Аку» и «Путешествие на Кон – тики» Т. Хейердала, « За бортом по

Далевское литературоведение. Вып. 2.

своей воле» Б. А. Зенковича, «Себя преодолеть» Ф. Чичестера и т. д.

В качестве конкретного примера приведем путешествие Юрия Сенкевича на папирусной лодке «Ра» вместе с Туром Хейердалом (интересно, что, отправляясь в экспедицию, Ю. Сенкевич был врачом, а вернулся – ведущим «Телевизионного клуба путешественников»). Кстати, в этом есть определенная закономерность, подмеченная ранее В. Далем. Говоря современным языком, путешествия (пусть даже обычная туристическая поездка или поход по памятным местам родного края) оказывают влияние на внутренний мир личности. Подобным образом воздействует на нас и далевская книга. Сегодня остается лишь сожалеть о том, что осталась в прошлом одна из популярных книжных серий – ежегодный художественно-географический сборник «На суше и на море».

Настоящим и, пожалуй, пока единственным, профессиональным путешественником современности является Федор Конюхов, уроженец украинского Приазовья. Человек-экстремал, романтик, самобытный художник и литератор, участник почти сорока путешествий. Первой в списке его основных экспедиций стоит плавание на яхте по маршруту Витуса Беринга. Эта экспедиция состоялась в 1977 г., когда Федору было 25 лет [7, с. 163]. Во время каждой основной экспедиции он вел подробный путевой рукописный журнал. «Через свои путешествия я ищу объяснение смысла жизни», - утверждает он в своей книге «Под парусами» (2006), который является сборником дневников его путешествия 2004 – 2005 гг.

К сожалению, в отличие от литературы, путевая журналистика или журналистика путешествий, как особая область современной журналистики, пока не приобрела своего статуса и соответствующей типологической трактовки предмета. Тем ни менее, сегодня она тематически и жанрово присутствует в просветительных и развлекательных журналах, общественно-политической прессе, на телевидении, радио, интернете.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Позитивная примета времени – это расширение рынка просветительных журналов. Тематический диапазон их велик. Можно говорить о научном, художественном просвещении и просвещении в сфере рекреации, содержательного отдыха. Современные издатели обратились к опыту просветительской журналистики прошлого, умевшей о полезном рассказывать увлекательно, доходчиво. Выразительным примером такой журналистики является творчество Владимира Даля, в котором главным всегда оставалось стремление автора помочь читателю сложить представление о предмете и своеобразии жанров журналистики, в том числе и путевой.

В наши дни возродились, популярные в прошлом, и журналы для семейного чтения. Вырос интерес к этнографии, краеведению, местным обычаям и нравам. На Украине, например, с 2002 г. стал издаваться журнал «Вокруг света», который ранее выходил только в России; затем журнал, имеющий опыт международных связей, «National Geografic – Украина». И хотя исторические корни у этих изданий разные, как разнятся и их концепции; сегодня тот и другой журналы принадлежат к одному типу иллюстрированных журналов нового поколения.

Как и прежде, просветительские журналы расширяют познавательные горизонты читателя, ибо современный читатель стремится узнать, почувствовать мир во всей его полноте, разнообразии. Так, русскоязычный журнал «ЭКЗО», который предназначен любителям дикой природы, пишет о путешествиях, об экспедициях: обо всем, что остается вне цивилизации. Круг подобных изданий обширен – это журналы «Всемирный следопыт», «Весь мир в кармане», «Вояж», «Международный туризм», «Сафари Украина», «Чудеса и тайны планеты Земля», «Уик-энд. Туризм. Отдых. Развлечения» и т. д. [8, с. 154-167]. Казалось бы, в такой периодике, в самых разнообразных формах и жанрах, читатель может находить ответы на многие вопросы. В действительности, в подобных изданиях наблюдается, на наш взгляд, весьма упрощенное толкование понятий «информационность» и «публицистичность» журналистского произведения. Узка и проблематика их выступлений.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Своеобразие современной путевой журналистики состоит в том, что она все чаще проявляет себя в других СМИ. Например, активизировали интерес к путешествиям специальные передачи телевидения, подтверждая, что журналистика и PR сегодня играют не последнюю роль в современной индустрии туризма и отдыха [8]. На основных российских телеканалах ныне регулярно выходят около десятка программ о путешествиях. На «Первом» канале – «Искатели», «Непутевые заметки» (Дмитрия Крылова), «С миру по нитке» (Владимира Лобаченко), «Хочу все знать» с Михаилом Ширвиндом. На телеканале «Россия» – «Вокруг света», «В поисках приключений с Михаилом Кожуховым». На НТВ – «Их нравы. Взгляд корреспондента», а также западные сериалы по естествознанию. На REN TV – «Неизвестная планета», «Я путешественник»; а на TVCі – «Дневник путешественника», «Наша география». На Украине – это телепрограммы: «Інші землі»(ТВ – ТОНИС), «За сім морів» (НТН), «Феєрія мандрів» (5 канал. Автор-ведущий Игорь Захаренко) и др. Феномен наших дней – растущее в интернете число страниц виртуальных путешественников – блоггеров. Получила развитие и так называемая «трэвел – журналистика», одним из представителей которой можно назвать одессита, автора книг о путешествиях, в том числе бестселлера «Вокруг света за 200 долларов», Валерия Шанина. Данное явление в целом заслуживает более пристального, конкретного внимания.

Анализируя жанровую палитру и проблематику современной путевой журналистики, мы приходим к выводу о том, что она, к большому сожалению, прогрессивно коммерциализируется, становясь (если уже не стала?) услугой туристического бизнеса. Достаточно даже беглого взгляда на «тематическое меню» ряда СМИ, чтобы сразу определить узкий перечень тем путевых «заметок по вкусу»... Пишут много, а читать нечего. Вот почему современным издателям и журналистам полезно было бы время от времени сверять свое дело по В. И. Далю.

Литература

1. **Голубенко А. Л.** Владимир Даль как публицист: особенности мотивы творчества: Монография / А. Л. Голубенко, Н. А. Евдокимов. – Луганск : Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2007. – 416 с.
2. **Матвиевская Г. П.** Натуралист Владимир Даль / Г. П. Матвиевская // Вопросы истории естествознания и техники». – 1999. – № 4.
3. **Бессараб М. Я.** Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце зарусский язык. – 2-е изд., испр. и доп. / М. Я. Бессараб. – М., 1972.
4. **Фесенко Ю. П.** Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск ; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с.
5. **Литературный** энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М. : Сов.энцикл., 1987. – 752 с.
6. **Пушкин А. С.** Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. – М. : «Худож. лит.», 1975. – Т. 5. Романы. Повести. – 576 с.
7. **Лубченкова Т. Ю.** Самые знаменательные путешественники России / Т. Ю. Лубченкова. – М. : Вече, 1999.
8. **Каталог** передплатних видань на 2005 рік. // Бліц інформ. – № 1.
8. **Микели М.** «Они нам покажут» / Мария Микели // Тайм Аут. – 2005. – 21 февраля. – № 7 (422).

Аннотации

Москалюк Б. А. «Журналистика путешествий»

Владимира Даля и современность

В статье представлен анализ ряда публикаций В. Даля оренбургского периода как одного из этапов развития отечественной журналистики и географической мысли. Проводятся параллели с современной художественно-публицистической литературой, популярными периодическими изданиями, телепрограммами о путешествиях.

Ключевые слова: «география человека», журналист, заметка, край, очерк, публицист, путевая журналистика.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Москалюк Б. О. «Журналистика подорожей» Володимира Даля та сучасність

У статті представлений аналіз низки публікацій Володимира Даля оренбурзького періоду як одного з етапів розвитку журналістської та географічної думки. Проводяться паралелі з сучасною художньо-публіцистичною літературою, популярними періодичними виданнями, телепрограмами про подорожі.

Ключові слова: «географія людини», журналіст, край, публіцист, журналістика подорожей.

Moskaluk B. A. «The Journalism of Vladimir Dal's Travels and the Modernity»

The analysis of series of Vladymir Dahl publications of Orenburg literary period as one of the stages of development of journalistic and geographical ideas is given in the article by its author. It parallels with contemporary art and publicist literature, with popular periodic publications and with television programs about travel.

Key words: human geography, journalist land, publicist, traveler's journalistics.

УДК 821.161.109+929 Даль+008 (477)

***Г. П. Матвиевская
(Оренбург)***

В. И. ДАЛЬ И УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА (ОРЕНБУРГСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ)

Восемь лет (1833 – 1841 гг.), проведенные в Оренбурге в качестве чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском, оказались в высшей степени плодотворным периодом

Далевское литературоведение. Вып. 2.

деятельности В. И. Даля. На это время приходится расцвет его литературного и научного творчества: вышли в свет основные художественные произведения, а занятия зоологией увенчались в 1838 г. избранием в члены-корреспонденты Петербургской Академии наук [1].

Служебные обязанности В. И. Даля касались управления Оренбургским краем, огромным по территории, разнообразным по природным условиям, населенным разноязычными народами, из которых каждый придерживался своих верований и обычаев, имел свой особый жизненный уклад. Новое дело значительно расширило круг практических и научных познаний В. И. Даля, дало богатую пищу творческой фантазии писателя. Он получил возможность познакомиться с неизвестными ему наречиями русского языка и пополнить своё собрание слов, особых оборотов речи, пословиц, поговорок. Именно в Оренбурге появилась идея создания «Толкового словаря живого великорусского языка».

В. И. Даль испытывал живой интерес к жизни и культуре народов Южного Урала, находившегося в российском подданстве Казахстана и соседних государств Средней Азии. Он изучил татарский язык, игравший в регионе роль международного, и опубликовал в своём переводе две татарские легенды. Ему принадлежит первая в литературе повесть о казахах – «Бикей и Мауляна».

Однако и в оренбургский период жизни В. И. Даля в его творчестве неизменно присутствовала украинская тема. Родившийся и выросший на Украине, он любил и хорошо знал её язык, литературу, историю, поэтический и музыкальный фольклор.

Оказавшись далеко от Петербурга, В. И. Даль не отрывался от столичной литературной среды. В журналах и газетах он публиковал сказки Казака Луганского, рассказы и повести, в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара – статьи научного содержания. Особо важное значение имела для него переписка с издателем газеты «Северная пчела» Н. И. Гречем, которому он посылал для публикации свои корреспонденции, делясь в них впечатлениями об

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Оренбургском крае и обсуждая волновавшие его вопросы литературы. Одной из тем переписки В. И. Даля и Н. И. Греча явилось творчество украинского беллетриста и драматурга Григория Фёдоровича Квитки (1778 – 1843), писавшего под псевдонимом Грицько Основьяненко.

Впервые писатель упомянул его в письме от 8 декабря 1833 г., которое было опубликовано в «Северной пчеле» 9 января 1834 г. Обсуждая литературные новости, он обращает внимание Н. И. Греча на то, что на Украине выходят «малороссийские повести Грицька Основьяненки; сказывают, мастерская работа». При этом он добавляет: «Быт Малороссии для народных рассказов заманчив и неисчерпаем».

Первая книжка повестей и рассказов Г. Ф. Квитки-Основьяненко на украинском языке вышла из печати в Москве в 1834 г. Познакомившись с ней, В. И. Даль убедился, что не ошибся в своих ожиданиях, и откликнулся на литературную новинку восторженной рецензией, которая была опубликована в «Северной пчеле» в январе 1835 г. (№№ 17 – 18). Он называет Основьяненко «великим мастером своего дела», утверждает, что в трёх его повестях не наткнулся «ни на одно шероховатое место, не видал ни одной натяжки ни в действии, ни в рассказе», и отмечает, что «нравственность, которую Грицько поселяет между земляками своими посредством этих рассказов, достойна всякого уважения; а уменье его делать это неприметно и без малейших натяжек, достойно искренней благодарности и ручается за хороший успех». В. И. Даль подчёркивает, что «Основьяненко первый, покусившийся обрабатывать предметы свои на малороссийском языке не наизнанку, а налицо». Украинскому языку В. И. Даль уделяет в рецензии особое внимание. Он считает, что в нём нет, как в русском, разделения на разговорный язык простолюдинов и книжный, литературный. «Язык малороссов, – пишет он, – сохранил всю девственную простоту свою и силу и всюду себе равен». Отсюда, по его мнению, «неподражаемая простота» рассказа Основьяненко: «Облагороженный язык народа силён, ясен,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

прост, богат на мелочи, на шутки, ему доступные, а подделать всего этого невозможно».

Поскольку украинский язык «наш, кровный, родной, братский, одного с русским корня», В. И. Даль не советует никому браться за перевод повестей Основьяненко: «Их надо читать в подлиннике, и читать, право, немудрено».

В доказательство он указывает на свой собственный опыт. На светских собраниях в Оренбурге было принято читать вслух литературные произведения, и писатель, по-видимому, нередко развлекал таким образом общество. Свидетельствует об этом письмо девицы Ворониной, гостившей в Оренбурге в 1833 г., вскоре после появления там В. И. Даля. Рассказывая об одном из светских вечеров, она писала: «Даль послал за своими сказками и прочёл нам две из них презабавные и прекрасно написанные в самых народных русских выражениях. Одна из них под названием «О воре и бурой корове», другая «Дочь Строева или коровушка-бурёнушка». И он читал их очень хорошо» [2, с. 658]. В рецензии на повести Г. Ф. Основьяненко литератор описывает чтение этих повестей на таких вечерах.

«Я на днях, – пишет он, – читал их в образованном кругу женщин, которых часть не знала вовсе помалороссийски. При первой странице все восклицали: «Что это такое? Мы ни слова не понимаем!» Потом начали останавливать меня реже, спрашивая только объяснения на то, на другое; а потом стали вслушиваться внимательно; и когда я после первой четверти рассказа или повести хотел кончить, все просили в голос продолжать, уверяя, что уже почти всё понимают. И мы читали книжку Основьяненко четыре вечера сряду, доколь не кончили её всю, от доски до доски. Стоит ли переводить и искажать книгу, которую так легко понимать в подлиннике и тешиться, и радоваться неподражаемой простотой оборотов и выражений?»

Вторая книжка сочинений Г. Ф. Квитки-Основьяненко была опубликована в 1837 г., и в том же году в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (№ 37) появилась рецензия на неё В. И. Даля, в которой повестям Основьяненко опять даётся самая высокая оценка. «Истина и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

верность каждой схваченной из жизни Украины черты, – пишет критик, – глубокая, чистейшая нравственность, необыкновенная простота и добродушие, затейливость и острота, заманчивость рассказа – вот достоинство этих повестей».

Заметив с сожалением, что многих читателей будет пугать язык произведения, автор утверждает, что «не прихоть Основьяненко заставляет его беседовать с нами по-своему, а необходимость; нельзя по-русски высказать всё это с сохранением вполне цветов и красок нашего подлинника, непереводаемого ни на какой язык, как всё самородное, самобытное, подлинное».

В № 39 того же издания за 1837 г. В. И. Даль поместил подробный разбор музыкально-драматического произведения Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Сватанье» («Сватання на Гончарівці»), напечатанного в 1836 г. в Харькове. Изложив содержание пьесы, он заключает, что главное её достоинство – «это неподражаемая естественность, лёгкость и верность, с какою Основьяненко пишет действующие лица свои. Кто знает земляков наших, тот встретится с ними в картинах Основьяненко лицом к лицу, с живыми, природными; встретит их целиком, со всеми причудами и оттенками причуд, как встречал, бывало, на родине их, в домах, на базарах, на улицах». В связи с этим он замечает: «Кто понял душу, что такое народность, тому и простонародное (выд. автором. – Г. М.), как коренная, основная и большая часть целого, будет и любо, и мило, и дорого».

Высказывая свой взгляд на украинский язык и литературу, В. И. Даль стал участником дискуссии, которая велась в то время в столичной печати. Например, в 1841 г. в «Отечественных записках» появилась анонимная рецензия на две «малороссийские» книги: 1) сборник «Ластовка», составленный Е. П. Гребенкой и содержащий повести и рассказы нескольких писателей, в том числе самого Е. П. Гребенки, Г. Ф. Основьяненко, И. П. Котляревского, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченко; 2) «Сватанье» Г. Ф. Основьяненко (2-е изд.: СПб, 1840). В ней утверждается,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

что «теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное наречие, как есть белорусское, сибирское и другие подобные наречия». По мнению автора, этот язык существует только в памятниках народной поэзии и, признавая, что эти памятники «драгоценны и сохранение их похвально», он заявляет: «Но это ещё не значит, чтоб у малороссиян была литература: народная поэзия ещё не составляет литературы». Он считает, что по-украински писать не следует, потому что «Обыкновенно пишут для публики», а «публика состоит из высших, образованнейших слоев общества», которое «выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже на французском языках»; малороссийское же наречие – крестьянское и, следовательно, «малороссийские литераторы и поэты пишут повести всегда из жизни простого народа», из «мужицкой жизни», которая «сама по себе малоинтересна для образованного человека». «Хороша литература, – заключает свои рассуждения автор рецензии, – которая только и дышит, что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума!» [3].

В. И. Даль, полемизируя с такого рода критиками, давал совершенно иную оценку украинской литературы. «В последнее время, – писал он, – несколько отличных писателей принялись за украинскую словесность, и мы никак не можем согласиться с теми, которые уверяют, что это лишнее и что должно оставить в покое украинское наречие и писать по-русски... Нельзя рассказать украинскую народную повесть ни на одном языке или наречии так же хорошо, как на природном; следовательно, тот, кто может (выд. автором. – Г. М.), рассказывай её по-своему. Нет никакого сомнения, что наречие это, если будет обработано такими писателями, как гг. Котляревский, Гулак-Артемовский, Основьяненко, Максимович, Срезневский, Гребенка, послужит, между прочим, и к обогащению русского языка».

Литература

1. **Матвиевская Г. П.** Владимир Иванович Даль в Оренбурге / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова. – Оренбург: Оренб. книжн. изд-во, 2007. 2. **Алмазов А.** Письма из Оренбурга 1833 года /

Далевское литературоведение. Вып. 2.

А. Алмазов // Русский архив. – 1902. – Кн. 2. – № 5 – 8. – С. 643-660. 3. **Отечественные** записки. – СПб., 1841. – Т. XV. – № 5 – 6. – Раздел VI. – С. 31-34.

Аннотации

Матвиевская Г. П. В. И. Даль и украинская культура (оренбургский период жизни писателя)

В статье обращается внимание на особенности работы В. И. Даля с украинским материалом в оренбургский период жизни (1833 – 1841). Анализируются рецензии писателя на произведения Г. Ф. Квитки-Основьяненко, в которых воплощены его прогрессивные взгляды на украинский язык и литературу, необходимость их развития. Также приводятся далевские суждения о принципах перевода произведений с украинского на русский язык.

Ключевые слова: оренбургский период, творческие контакты, литературная полемика, перевод.

Матвієвська Г. П. В. І. Даль та українська культура (оренбурзький період життя письменника)

У статті звернуто увагу на особливості роботи В. І. Даля з українським матеріалом в оренбурзький період життя (1833 – 1841). Проаналізовано рецензії письменника на твори Г. Ф. Квітки-Основ'яненка, у яких втілено його прогресивні погляди на українську мову та літературу, необхідність їх розвитку. Також наведено далівські судження про принципи перекладу художніх творів з української на російську мови.

Ключові слова: оренбурзький період, творчі контакти, літературна полемика, переклад.

Matvievskaya G. P. V. I. Dal and the Ukrainian culture (the Orenburg period of writer life)

The Orenburg period connected with administrative activity, is full of creative contacts with representatives of intelligency to all ends of Russia. V. Dal's attention to Small Russia dialect is caused by a birth of the writer on Luganshina and

Далевское литературоведение. Вып. 2.

literary polemic with T. Shevchenko, G. Osnojanenko, I. Kotljarevskiy.

Key words: the Orenburg period, creative contacts, literary polemic.

УДК 82 – 3: (2Р 354)

*Д. М. Бычков
(Астрахань)*

**НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ЛОКУС В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТОПОГРАФИИ
ПРОЗЫ В. И. ДАЛЯ
(МИФОТЕКТОНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)**

Горизонты художественного пространства задаются спецификой реализации писателем авторского замысла, оформляются в соответствии с индивидуально-авторским представлением о национальном мирообразе в общем соответствии с коллективно-бессознательным пластом мировоззрения. Анализ аспекта мифопоэтики пространства в том виде, как он проявляется в художественной литературе, позволяет, таким образом, сделать компетентные выводы о существенных особенностях осмысления писателем картины мира.

Локализация пространственной среды (Ю. В. Манн), в которой происходит основное сюжетное действие, – типизирующая установка в русской прозе 1840-х гг., развивающейся в русле «натуральной школы». Постепенно на топографической карте русской литературы вырисовывается нижневолжский локус, ассоциирующийся у автора и читателя с такими пространственными реалиями, как река Волга, город Астрахань, Каспийское море и т. п. В процессе генезиса этого образа места в русской литературе сформировалось особое

Далевское литературоведение. Вып. 2.

символически концентрированное поле мифотектонического контекста.

Литературная топография русской словесности включает отдаленные от культурного центра пространственные точки. Историко-географическая и культурная данность Астрахани и всего пространственного полюса, центром которого она является, стала объектом изображения на многих страницах русской литературы, в том числе и в новейших художественных произведениях.

Нижневожский локус занимает знаковое положение в художественной топографии прозы Владимира Ивановича Даля, описывается в таких произведениях писателя, как «Что такое Отчизна?», «Уральский казак», «Хмель, сон и явь». Пространственные категории, прежде всего, несут важную в идеологическом плане смысловую нагрузку.

В экспозиции патриотического очерка «Что такое Отчизна?», посвященного годовщине победы в войне 1812 года, В. И. Даль с географической точностью очерчивает просторы Российской империи: «Царство Русское велико: от Финского моря до Черного будет с лишком тысяча пятьсот верст; от Белого моря до Каспийского без малого две тысячи пятьсот; а в длину, от Польши до самого конца Сибири, будет более двенадцать тысяч верст» [1, с. 18].

Реальные географические особенности расположения империи, естественными границами которой на севере и юге служат только водные бассейны, позволяют писателю оформить разомкнутую, не имеющую четких границ широкую пространственную область. Приведенные здесь автором примерные сведения об измеряемой верстами пространственной протяженности придают энциклопедический характер произведению («будет с лишком тысяча пятьсот верст», «без малого две тысячи пятьсот», «до самого конца <...> будет более двенадцать тысяч верст»). В четко обрисованных просторах упоминание Каспийского моря служит автору географическим указателем южных пределов Российского государства, не замыкающей это пространство.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Каспийское море (как любая граница, проходящая на воде) образует проницаемые рубежи. В. И. Далю как человеку, жившему в период установившихся пределов имперского государства, южное море (как и все водные бассейны, прилегающие к российским берегам) представляется прочно укорененным в пространстве, закрепленным за Россией. Известно, что Каспий служил водной артерией международной торговли, а низовой город Астрахань с самого начала своей истории занял место важного порубежного форпоста. Однако приращение осмысляемого русской культурой Каспийского моря происходило постепенно, крепло с возрастающим могуществом империи (примерно, с начала XVIII в.), оформилось в народнопоэтическом творчестве и русской литературе.

Обращение к истории этого феномена позволяет точнее и более полно описать национальную пространственную семиосферу (Ю. М. Лотман), отраженную в текстуализирующейся (В. Е. Хализев) картине мира.

В русской классицистической поэзии оформлялся эстетический опыт художественного осмысления российских пространственных реалий. Астраханский локус, связанный с особым комплексом значений, в образном варианте фиксировался в одах М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова. Каждым из поэтов волго-каспийский локус в сфере их индивидуально-авторских художественных воззрений раскрывался особенно.

М. В. Ломоносов в 18-й строфе «Оды <...> 1748 года» показывает укорененность прикаспийской местности в национальных пространственных представлениях, связывая данный факт с военно-дипломатической деятельностью Петра Великого: «Се знойные Каспийски бреги, // Где, варварски презрев набеги, // Сквозь степь и блата Петр прошел, // В средину Азии достигнул <...>». М. В. Ломоносов подчеркивает геополитическое значение прикаспийского региона.

Г. Р. Державин в послании с элементами оды «На возвращение графа Зубова из Персии» рисует картину

Далевское литературоведение. Вып. 2.

своеобразия нижеволжской природы, которая выделяется как враждебная человеку: «Ты видел, Каспий, протягаясь, // Как в камышах, в песках лежит, // Лицом веселым осклабясь, // Пловцов ко плаванью манит <...>». М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин отдельными деталями намечают природный ландшафт местности. Г. Р. Державин-поэт воплощает в тексте авторские интенции имперского сознания, сформулированные М. В. Ломоносовым, однако вместе с тем акцентирует экзотичность пространства, ассоциативно соотнося Каспий с Кавказом и Персией. Такое соотносительное сближение выявляет индивидуальное восприятие пространства в контексте общефилософских размышлений, тема которых задана уже в экспозиционной части оды. Привлечение беспокойного каспийского морского пейзажа (маринистического лишь по внешнему характеру, но мифопоэтическому, по сути, отмеченному еще Н. В. Гоголем в критическом обзоре «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность») наблюдается и в тексте другого стихотворного послания – «Капнисту»: «Спокойства просит от небес // Застижженный в Каспийском море, // Коль скоро ни луны, ни звезд // За тучами не зрит, и вскоре // Ждет корабельщик бед от бурь». Картина штормового моря создает в послании фон для обоснования идеи спокойной, размеренной жизни.

А. П. Сумароков философски осмысливает волго-каспийский образ в «Оде» <1760 года>, подчеркивает его иллюстративный характер для выражения авторской мысли о быстротечности времени и бренности человеческого бытия: «Долины, Волга, потопляя, // Себя в стремлении влечешь // <...> И тамо в море пропадаешь, // – Во вечности и наш так век».

Образ Волго-Каспия постепенно входил в художественное сознание русских писателей и читателей, неся в себе многогранную смысловую и символическую потенцию. Характеристики волго-каспийского локуса сохраняются во многих произведениях, задействующих этот пространственный образ. Как факт общенационального образа «русского мира» Каспий, как кажется на первый

Далевское литературоведение. Вып. 2.

взгляд, без особой символизации оценивается В. И. Далем, в его реалистической по характеру прозе, в частности – в патриотическом очерке «Что такое Отечество?», о котором упоминалось нами выше.

Каспийское море как пространственная реалья встречается и в других произведения В. И. Даля, связано с сюжетно заданным перемещением главного героя в рассказе «Уральский казак»: «Проклятов до того любит воду – коли нет вина, – что на морском рыболовстве и на морской службе по Каспийскому морю пьет без всяких околичностей воду морскую и отвечает вам на вопрос: «Хороша ли?» – «Горонит [горьковата] маленько!» [1, с. 353]. Вода в этом фрагменте презентует центральный символический атрибут волго-каспийского локуса, выполняющий структурирующую функцию. Концепт «вода» является структурной мифологемой мифотектонического контекста волго-каспийского локуса. В художественном пространстве рассказа вода – действующий образ, проходящий через все произведение, неразрывно связанный со всеми ключевыми моментами повествования.

Природные образы, описывающие иерархическую структуру модели мира (вода, река, земля, небо, солнце), народнопоэтические концепты становятся лейтмотивами в художественной картине мира, помогают постичь земное и космическое. Сам факт существования подобных образов требует внимания при интерпретации литературного произведения в связи с общими философскими представлениями писателя, с его мирозерцанием.

Близость главного героя к водной стихии и совершение обряда питания-инициации (думается, возможно и такое декодирование смысла) подчеркивает его выделенность среди других персонажей, может быть осмыслено в мифологическом аспекте, ведь жизнь всех людей (тем более проживающих в приволжском регионе) с древнейших времен была тесно связана с этой стихией. Известно, что первоначально вода – один из фундаментальных первоэлементов мироздания – среда всеобщего зачатия и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

порождения. Как необходимая для жизни, вода становится и символом жизни.

Волго-Каспий связывается в контексте рассказа с темой рыболовства, трудной работы артели рыбаков на Каспийском взморье. Картина пребывания на промысле в некотором отношении противопоставляется дому как греховное место: «Пришла осень – старик опять идет с целым войском, ровно на войну, на рыболовство. <...> И так вплоть до Гурьева, до взморья или, по крайней мере, до низовых станиц. Проклятов гребет, рвется, из шкуры лезет, летит взапуски, гребет сильно коротеньким весельцем своим, им же правит, им же расчищает себе дорогу в этом непроходимом лесу бударок, расталкивает их вправо и влево, не заботясь о том, куда которая летит, – и ярыгу вытаскивает, и рыбу чекушит; и его толкают взад, и в бок, и вперед, – нужды нет, он только кричит и бранится и, зная уже, что никто его не слышит и не слушает, потому что всякий занят своим, он и сам продолжает свое, облегчает только стесненное положение свое бранью, на-вей-ветер. Впрочем, никогда не употребляет он коренных русских ругательств; и это также можно делать только в командировках и в походах: дома грешно» [1, с. 354-355].

Для художественного мира писателя характерна соотнесенность природного и человеческого бытия. В рассказе «Уральский казак» наполняющие художественную ткань произведения картины природы, в которых вода и река являются неотъемлемыми образами, и главный герой тесно взаимосвязаны. В символике воды автором-реалистом акцентировано представление о воде как опасном, «чужом» пространстве, являя воплощение постоянной опасности, стихийной угрозе. Напряженное душевное и физическое состояние героя, занятого делом, ассоциировано уподобляется природному образу: человек сливается с природой, становясь ее частью.

Характерология главного героя базируется на включенности его в природное пространство: «Не только на коне и на пресной воде, но и на море Проклятов был как у себя дома. Сызмаленьку привык, дело домашнее. Он хаживал

Далевское литературоведение. Вып. 2.

и на косных, и на судах, кусовых и расшивах, не только из Гурьева в Астрахань, но и к Колпинскому кряжу и дальше» [1, с. 357].

В сюжетологии прозы В. И. Даля нашли отражение реальные общественные явления предреформенной России – миграционные процессы. С позиций социолога и писателя В. И. Даль описывает факты пространственных перемещений трудового народа и трезво оценивает это явление бурлачества в рассказе «Хмель, сон и явь»: «Бурлаки и музуры – судорабочие и матросы идут вниз по Волге огромными толпами, с сермягою и котомкою за плечом, с парой запасных лаптей на поясе, с деревянною ложкой, заткнутой на шляпе за ремень, лычко или бечевку; за пылью и грязью на этих людях больше ничего не видать. Бурлаки поднимают суда на лямках, бечевою, вверх по Волге, справляясь сперва за этим пеши вниз, и при всем том народ обходится здесь судохозяевам в работе дешевле быков и лошадей. Вот работа и хлеб для самых грубых, не искусных ни в каких ремеслах околотков, и вот тот народ, который работает эту конскую работу в поте лица месяц сряду, с тем чтобы, отбив одну путину, пропить все в три дня» [1, с. 466]. В мифологическом ключе могут быть осознаны концепты верха и низа. Эти категории пространственной организации воспринимаются не только в значении иерархии реалий, но и социальной стратификации.

Автор подчеркивает оторванность нижеволжского пространства от российского государства, его враждебность: «Господские крестьяне уходят до Астрахани, нанимаются там в бурлаки, в музуры, в тюленщики, в рыбаки, ходят в море, пропадают несколько лет без вести, не заботясь о давно просроченных паспортах, и нередко попадают в плен и рабство к адайцам или туркменам – рабство, коему правительство наконец ныне положило предел» [1, с. 468].

Итак, в художественной топографии реалистической прозы В. И. Даля нашел дальнейшее развитие процесс мифотектонического осмысления нижеволжского локуса, начавшийся в русском культурном сознании с момента присоединения прикаспийской местности к Российскому государству (хотя и до этого исторического факта Волга и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Каспий получили коннотацию). Персонажи произведений В. И. Даля соотносят себя с волго-каспийским природным универсумом, который при всей сложности существования в нем не отторгает трудолюбивого, сильного духом человека.

Исследование пространственных примет в разных по жанру произведениях (а значит, презентующих различные мирообразы), ставших знаковыми для концептуальной парадигмы литературного процесса, позволит в перспективе осмыслить «астраханский текст» в русской литературе. Астраханский край фокусирует эпицентр, который в плоскости литературного творчества продуцирует энергетически ёмкий образно-мотивный комплекс, становится неисчерпаемым источником семантической и когнитивной интертекстуальности.

Актуализирование устойчивого значения, которое приобретает нижеволжский локус, и продуцирование «кенотипического» смысла, закрепляющегося за этим пространством, является производным от идейно-художественного содержания конкретного произведения. На примере интертекстного анализа «астраханского фона», выражаемого в художественных произведениях в виде пунктирного ряда примет истории, социума и природы, можно освидетельствовать присутствие в составе русской литературы корпуса сочинений, связанных не только тематически, но *«топосотектонически»*, то есть объединенных общим местом действия (мифотектонически – в терминологии В. И. Тюпы). Это является основанием для идентификации их как феноменов «астраханского интертекста». Особое значение в образовании этого культурного феномена сыграла художественная проза В. И. Даля.

Литература

1. **Даль В. И.** Архистратиг : повести, рассказы, очерки / В. И. Даль. – М., 2008. – 640 с.

Аннотации

Бычков Д. М. Нижневолжский локус в художественной топографии прозы В. И. Даля (мифотектонический контекст)

Автор статьи исследует творчество В. Даля, связанное с юго-восточным краем России в период 1830-х гг. Творчество В. Даля этого времени представлено очередным звеном онтологии русских писателей, воспевавших астраханские земли.

Ключевые слова: юго-восточные рубежи России, миграционные процессы, мифотектонический контекст.

Бычков Д. М. Нижньоволзький локус у художній топографії прози В. І. Даля (міфотектоничний контекст)

Автор статті досліджує творчість В. Даля, що пов'язана з південно-східним краєм Росії у період 1830-х рр. Творчість В. Даля цього часу представлено черговою ланкою онтології російських письменників, які оспівували астраханські землі.

Ключові слова: південно-східні кордони Росії, міграційні процеси, міфотектоничний контекст.

Bychkov D. M. Volga lowlands locus in art topography of prose of V. I. Dalja (a myth-tectonic context)

The author of article investigates V. Dal's literary work connected with southeast edge of Russia during the period of 1830th years. Besides V. Dal's creativity of this time is presented as the next link of ontological chain of the Russian writers singing of the Astrakhan lands.

Key words: Southeast boundaries of Russia, migratory processes, myth-tectonic context.

*М. О. Євдокимов
(Луганськ)*

**ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ В ЗБІРЦІ
В. І. ДАЛЯ «СОЛДАТСКИЕ ДОСУГИ»
ЯК ДЖЕРЕЛА ВІДОМОСТЕЙ ПРО
ОСОБЛИВОСТІ МЕНТАЛІТЕТУ
РОСІЙСЬКОГО СОЛДАТА**

У плані вияснення особливостей менталітету російського солдату ХІХ ст., ймовірноше за все, найбільш важливими є прислів'я та приказки, майстерно уведені Володимиром Далем до публіцистичних текстів збірки «Солдатские досуги», оскільки в них відображені, наче величезне сонце в краплині води, його побут, ратні подвиги, догадливість, винахідливість, стійкість та відважність, а буває – недбалість, невміння відділити погане від гарного, слідування дурному прикладу, життя чужим розумом, але головне – у них відображений його напрямок думок. Однак мова цих творів, включаючи синтаксис, не вивчена, хоча й цікава, оскільки в ній злиті в єдиний жанрово-мовний потік струмись розмовної мови, струмись мови фольклору та струмись публіцистично-лінгвістично-творчий. З 60 текстів збірки лише у 24 не наведено прислів'я та приказки, проте вони буквально розквітчані зворотами з живої російської мови. В інших 36 нами нараховано коло 100 прислів'їв та приказок.

Все ж виникає питання, чому у 24 з 60 текстів «Солдатских досугов» відсутні прислів'я? На нашу думку, це пов'язане, в першу чергу, з прагненням В. Даля скрупульозно дотримуватися манери оповідачів, від яких колись уперше він почув той чи інший текст і так його записав. Підтвердженням цього може служити той факт, що виклад В. Далем «Сказки о Георгии Храбром и волке» збережений таким, яким він

Далевское літературоведение. Вып. 2.

уперше його почув від О. С. Пушкіна, який розповідаючи цю казку письменнику, пересипав її татарськими словами. Це, на думку фольклориста М. К. Азадовського, дає підстави припускати, що «Пушкін чув цю казку від якогось татарина чи калмика, який говорить російською, під час свого перебування в Казанській або Оренбурзькій губернії і тоді ж під свіжим враженням розповів її Далю, зберігши у своїй передачі деякі особливості мови оповідача» [1, с. 11]. В свою чергу, В. Даль скрупульозно записав казку так, як почув її від О. Пушкіна.

По-друге, усі тексти збірки «досугов» без прислів'їв настільки пересипані влучними фразеологічними висловами з усної народної мови, що довільне включення В. Далем до них прислів'їв зруйнувало б їх смислову, композиційну та синтаксичну структури. Інша справа, коли оповідачі самі наводили прислів'я. До них письменник дозволяв собі додати інші за смисловим спорідненням та значенням прислів'я зі своїх запасів, що, звичайно ж, посилювало смисл, ідею та тему текстів, надавало їм неповторної поетики.

За даними Н. А. Іполітової, О. Ю. Князева та М. Р. Савової, слухання забезпечує результативність та успішність спілкування людини в усіх сферах життєдіяльності [2, с. 67]. Судячи по відтворених текстах «досугов», В. Даль іще на початку ХІХ ст. добре усвідомлював це. Він розвив у собі вміння слухати будь-якого співбесідника з різних прошарків населення й завжди дотримувався правил, вироблених ним самим, які можна охарактеризувати як терпеливе, уважне та доброзичливе ставлення до співбесідника, вміння не переривати його без необхідності, не робити йому дошкульних та образливих зауважень. В багатьох текстах збірок оповідачі проявляють й повно розкривають себе засобами властивої лише їм усної мови, відчуваючи підкреслену до них зацікавленість з боку слухача. Лише зрідка до текстів влітається авторська розповідь. Усім цим В. Даль наче сигналізував оповідачу про свою увагу до нього та повне розуміння його мови, про висловлювані судження на тему бесіди. В жодному з текстів збірки немає авторських вигуків, наочної реакції на почуте.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Контакт зі співбесідниками, як можна побачити, забезпечувався невербальними засобами спілкування, тому більшість текстів збірок – результат майстерно відтворених оповідань «бувалих» з числа солдат і матросів або тих, хто колись зустрівся В. Далю в його численних поїздках по країні.

Крім того, окремо від текстів сім раз наведені добірки загадок, як з відгадками, так і без них, таблиця множення, три притчі⁸.

До «Солдатских досугов» В. Даль написав невеликий, усього в півтори сторінки, вступ, в якому пояснив причину створення книги художньо-публіцистичних замальовок та нарисів: «Вот вам, друзья, книжка, написанная не спроста, а с молитвою: в ней плохого не найдёте, а найдёте одно лишь добро. Она писана для солдат и, *похваюсь* (про нас, В. Даль усього лише раз вжив це слово у своїй публіцистиці. – Прим. М. Є.), писана таким, который сам сиживал с вами за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казённые сухари и видел солдата не только в казарме, да на ученьи, видел его и в чистом поле» [3, с. 5-6].

На думку публіциста, солдати знайдуть в ній «<...> не одну сушь нагольную, не одну правду простоволосую, а складчину всякого добра, и на смех и на горе, и на время и на безвременье, и на дело и на безделье» [3, с. 6].

Проникливо й дохідливо В. Даль запевняє читачів-солдат, що в його книзі «Солдатские досуги» «<...> письмо наше тот же язык словесный, та же речь <...>», тобто публіцист свідомо вводить до тексту замальовок та нарисів фольклор. І тут же він підтверджує це положення: «*Правда*, - пише він, - сами вы знаете, *гола, нага, как мать на свет*

---

⁸ Аналіз текстів збірок проводився по повному зібранню творів Володимира Даля (Козака Луганського) в 10 т. Т. 6. І. Солдатские досуги; II. Матросские досуги. – СПб. ; М. : Издание товарищества М. О. Вольфъ, 1897. – [Дозволено цензурою 30-го октября 1897 г. Редактор издатель А. М. Вольф]. Тому усі цитати наведені у відповідності з орфографією та пунктуацією часу створення збірок.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

родила, - ей в люди так показаться не годится; а как приоденется *притчею*, перекинется *из были в небылицу* – так пойдёт, куда угодно, часом и *нас же насмешишь*, да и *нас же научит и наставит*» [3, с. 5]. Зазначимо: лексема «правда» включена до багатьох прислів'їв та приказок збірки, про що мова піде нижче.

Таким чином, В. Даль передбачає той захват, подив та пошану, які дізнає й людина ХХІ ст. при читанні «Солдатских досугов», насичених прислів'ями та приказками, притчами, бувальщинами та небилицями. У кожній із замальовок, есе, а також нарисів вони відіграють важливу роль у розкритті характерів героїв, змалюванні обставин, йде оповідь в замальовках та нарисах про невибагливе, а в той же час повчальне життя простих людей з гуці народу – солдат.

Відкриваються «Солдатские досуги» й закриваються есе-роздумами «<...> о трёх врагах русского народа, трёх супостатах вековечных, которые губят многое множество православного народу». «Бойся их и берегись, – наполягає публіцист і пояснює, чому їх треба боятися. – Три супостата эти – три родные братья; один прозывается *авось*, другой *небось*, а третий *как-нибудь*». Характеризуючи «братів», В. Даль повсякчас вводить до тексту першого есе («Супостаты наши») приказки: *Как-нибудь сделаешь – как-нибудь и выйдет* тощо. Усього в цьому есе наведено більше 10 прислів'їв, приказок, примовок. Наприклад, *Поспешишь, людей насмешишь; Скоро, да нездорово; Шей да пори, не будет глупой поры* та ін. В другому есе – три прислів'я та приказки: *Авось да небось – всё пройдёт!; Кто на худое пустится, тот одним худым делом и покончит; Грех без кары не живёт* [3, с. 134-136]. Їх спрямованість одна – викликати у читача зневагу до недбалих та байдужих.

У замальовці «Часовой» зустрічаємо лише одну приказку: «В мирное время часовой должен строго исполнять долг свой, а в военное и пуще того: *тут до беды недолго*» [3, с. 10]. Введення подібних словосполучень до авторського тексту допомагає оповідачу досягти короткості й образності розповіді, виражати головну ідею текстів.

Далевское літературоведение. Вып. 2.

У «Самородном пароме» притча міститься у останньому реченні замальовки: *Находчивость годится всякому человеку, а военному без нея ни жить, ни служить нельзя* [3, с. 12]. Вона якнайкраще підтверджує головну думку замальовки: винахідливість козаків допомогла їм вижити в суворох умовах, без їжі, і пробитися через «манну», полонку, по льоду Каспійського моря, на східний берег його, на півострів Бузачі. Без винахідливості і служити не можна.

Замальовка «Милосердный воин» містить два прислів'я: *В поле съезжаются, родом не считаются; Бил я тебя по службе, а дарю по дружбе!* [3, с. 12]. Співставлення цих та інших прислів'їв, представлених як у «Солдатских досугах», так і в «Матросских досугах», і утворених на їх базі фразеологічних одиниць підтверджує висновок про те, що при такому співставленні виявляються три типи взаємовідносин між ним: 1) фразеологічна одиниця співпадає лексично з частиною прислів'я, є її фрагментом і повністю передає зміст прислів'я; 2) фразеологічна одиниця лексично співпадає з частиною прислів'я, але передає лише частину її змісту; 3) фразеологічна одиниця лексично співпадає з компонентами прислів'я, але має особливе значення, лише співвідносне з елементами значення або усім значенням прислів'я [4, с. 199-205].

В «досугах» перший тип складають утворення, в яких не зберігається повністю склад прислів'я, але зберігається її зміст: *Собака на сене*. Другий тип утворення фразеологічних одиниць на базі прислів'їв складають фразеологічні одиниці, які не лише лексично, але і семантично відрізняються від своєї бази утворення. У них зазвичай передаються не усі відносини, властиві прислів'ю, і в тексті ці відносини не реалізуються у зв'язку з використанням фразеологічної одиниці, як це спостерігається в утворень першого типу. Фразеологічні одиниці цього типу називають, як правило, одне з понять, що входить до складу прислів'я. Такими є фразеологічні одиниці *старый воробей, море по колено* та ін.

Третій тип складають утворення фразеологічних одиниць на базі прислів'їв, коли такі одиниці співвідносяться лексично з прислів'ями (мають такі ж слова, які є у прислів'ї,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

хоча і не всі), але мають особливе значення. Одночасне з виділенням цього фрагменту, який передає частину смислу прислів'я, виникає інша фразеологічна одиниця, що анатомічно протиставляється першій – *без царя в голові (нет в голове царя)* [4, с. 199-205].

Наприклад, у притчі-настанові «Кто смерти боится?» таким чином введені: одна молитва, 12 прислів'їв, приказок та примовок: *Что с бою взято, то свято; Где есть передние, там бываюют и задние; где бегут, там и отстают; Держись за бога, и он тебя не покинет; а поколь Господь при тебе и с тобою, то бояться нечего; Живи с добрыми людьми поколе живётся, а случись умереть – те же добрые люди тебя помянут, коли ты ладно жил и ладно помер; Ружьё было ему полюбовницей, шытык названный старший брат, а ура было у него слово заветное; Солдат бывалый старше небывалого; а солдат бывалый, который дрался за двоих, двумя чинами старше прочих; Живой живое гадает* [3, с. 17].

У кінці притчі-настанови В. Даль через три зірочки навів п'ять прислів'їв: *Смерти боится тот, кто боится суда Божьего; Лучше смерть, нежели зол живот; Смерти боится тот, кто не боится позору и сорому; У труса и глаза мышинные: жить бы ему только в подполье; У смелого солдата очи соколы, а плечи словно крылья орлиныя* [3, с. 18]. Призначення їх таке ж, як і прислів'їв у «Толковом словаре» при тлумаченні слова «смерть». Їх у ньому наведено більше 20, у тому числі одна *Лучше смерть, нежели зол живот* повторюється у притчі «Кто смерти боится?» [5, с. 233]. Така ряснота прислів'їв, як у Словнику, так і у притчі була необхідна В. Далю, щоб глибоко роз'яснити поняття «смерть», а у «Солдатских досугах» ще й пояснити солдатку, чому він не повинен боятися смерті, особливо при захисті Вітчизни, землі рідної на полі битви. Уведені ненабридливо до тексту притчі-настанови розширюють світогляд солдата-читача, укріплюють його стійкість та російську ментальність.

У замальовку «Пётр первый под Полтавой» введена одна молитва: *Упокой, Господи, души рабов твоих* та одне прислів'я: *Пропал, как швед под Полтавой* [3, с. 19], яке виражає прямий смисл: під Полтавою шведи були розбиті

Далевское литературоведение. Вып. 2.

наголову, остаточно. Карл XII, поранений в ногу, ганебно втік з поля бою. Звідси – *Пропал, как швед под Полтавой*.

У замальовці «Спасай, да спасён будешь» наведена лише одна приказка: *Гори, что горит, оне своё сделали* [3, с. 20]. Однак вона є своєрідним еталоном-джерелом вивчення відомостей про особливості менталітету російських жінок і солдат: «14 апреля 1842 года Ямбургского уезда в деревне Кобыляках загорелась о полуночи изба крестьянина Семёна Николаевича, которого ещё на беду не было дома; а хозяйка так перепугалась, что чуть только сама успела выскочить из огня, а двоих детёнышей своих выхватить не успела. Известно, бабье дело, чай случалось кому из вас видеть их на пожаре? Испуг зараз подшибёт им ноги, отобьёт их от ума, и бабы мои, чем бы спасать, что можно, носятя с каким-нибудь решетом, с помелом, а не то, подхватив животы, да ну выть на всё село, а там гори, что горит, оне своё сделали» [3, с. 20]. Супротив жінці солдат сміливо вступає у вогонь та воду і виходить переможцем.

Однак, приказка *Гори, что горит, оне своё сделали* виступає також у якості лейтмотиву вказаної замальовки, а значить, як прислів'я, так і приказки у їх розумінні – це «минула ситуація», яка використовується В. Далем для пояснення та розуміння ситуації теперішньої, відтвореної у текстах.

Вітчизняні та зарубіжні пареміологи, у тому числі Т. Г. Нікітіна, одностайні в тому, що досліджуючи семантику прислів'їв, необхідно розмежовувати їхнє інваріантне значення, адже прислів'я – це судження, яке може застосовуватись до багатьох подібних життєвих ситуацій [6, с. 57].

Таким чином, прислів'я слід визначати як закінчене судження, текст, задалегідь даний поза контекстом, але такий, що не вживається поза реакцією на конкретну ситуацію, а силу Далевих прислів'їв треба бачити не в образах, а у паралелізмі між теперішнім моментом, що відтворюється автором-оповідачем, та минулим, коли вони «народжувались», починали входити до усної мови. На наш погляд, вірніше не вважати інваріантною не ситуацію,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

значення прислів'їв (*Без матки пропадут и детки*), а варіантним – конкретний смисл виразу у кожній мовній ситуації, яка і визначає вибір В. Далем прислів'я. У нього її логічна конструкція завжди співпадає з логікою моменту мови й наповнюється конкретним смислом поточного моменту: *Во всяком деле порядок, устройство* (читай – субординація. – Прим. М. Є.) *и послушание нужны*.

Однак, введені до тексту «Солдатских досугов» численні народні прислів'я на цю тему є, на нашу думку, своєрідними посібниками по вивченню особливостей менталітету не лише жінок, солдат, але і в цілому російського народу. Так, у замальовці «Послушание начальству» усі 10 прислів'їв та приказок свідчать про прагнення росіян до послуху та досягнення перемоги над ворогом: *Во всяком деле порядок, устройство и послушание нужны; Паси острое слово про другой случай, а тут суди да ряди со крестом да молитвой*. Часто у прислів'ях та приказках вихваляється російська доблесть: *Где распутит русский орёл крылья свои и русское знамя хоругвь – там будет и победа*.

Разом з тим, часто в них засуджується холопство і блазнювання, що іноді притаманне російській людині: *Шут кожаный; Сто голов, сто умов; Делай дела за семерых, а слушайся одного; У кого булава, тот и голова; Без матки пропадут детки; Без головы и рукам, и ногам тошно; Без запевалы и песня не поётся* [3, с. 21-25]. У більшості своїй прислів'я містять начення, тоді як у приказках та фразеологічних одиницях вказана ознака відсутня. Якщо зіставити фразеологічні одиниці та паремії (прислів'я і приказки) в «Солдатских досугах», що характеризують солдата як представника російського народу, то ми побачимо, що за їх допомогою він виступає перемінно то з позитивного, то з негативного боків. При цьому фразеологічні одиниці акцентують увагу читачів в основному на негативних рисах його характеру, які розглядаються автором «досугов» як відхилення від норми; у прислів'ях найчастіше відзначаються позитивні риси, а у приказках та примовках поєднується і те, й інше в межах однієї одиниці.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Російській людині здавна дорогі честь і совість, що наочно знайшло відображення в притчі «Честь и безчестье». У ній В. Даль навів 5 прислів'їв, в основному повчального характеру: *Задним умом дела не поправишь; Береги платье снову, а честь смолоду; Солдат чести не кинет, хоть головушка сгинет; Безчестье слово, а пилой пилит; Где честь, там и разум* [3, с. 30-33].

У короткій настанові «Возьмёшь, коли велят» є лише одне прислів'я: *Нечего толковать, велят, так возьмёшь* [3, с. 35]. Але і в ньому одному проявляється російський менталітет: «звелять, так візьмеш», будь то Варшава чи інша фортеця, яку звелів взяти Государ.

Особливо дорогі російській людині рідна земля, Вітчизна. У нарисі «Что такое Отчизна?» 8 прислів'їв та приказок, багато фразеологічних одиниць, які стверджують зрозумілі кожному солдату Росії незмінні істини: *Поколь все дружно стоят за одно, никто и не осилит, никто не обидит; а вместе стоятъ всем за одно без головы нельзя; сказано слово: и песня без запевалы не поётся, а дело без головы и подавно не спорится; Страшен чорт, да милостив Бог; Мужик умён, да мир дурак; сколько голов, столько умов; каждый городит своё, а в одну душу, в один разум не сойдётся; Капля камень долбит; <...> без капли нет моря; Отечество тебе колыбель и могила; Не отрекайся от земли Русской, да не отречётся от тебя Господь; Держись дружно: камень под ноги топчат, а из каменьев твердыни кладут; Одна головня и в печи гаснет, а две и в чистом поле дымятся* [3, с. 37-40].

Із цього виходить, що у В. Даля також часто фразеологічні одиниці не протиставляються пареміям, вони доповнюють один одного як у зображенні побуту солдат, так і їх характеру. Паремії він включає до системи синтагматико-парадігматичних відносин російської мови. Окрім граматичних змін в «досугах» їм властива логіко-семіотична парадигматика (система логічної трансформації). Паремії у вказаних вище текстах мають план мовної та логічної структури, а також план реалій.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Таким чином, паремії можна розглядати і як мовні одиниці, і як фольклорні тексти. Така двоїстість добре видна на прикладі прикмет (типу *Держи голову в холодє, живот в голоде, а ноги в тепле*), які зустрічаються як у «Солдатских досугах», так і в «Матросских досугах».

Як проникливо і публіцистично звучать слова В. Даля: «Славное и памятное было время, парни, этот двенадцатый год. *Велик Бог русский, силён штык и крепка грудь русская!..*» Кожне слово – народний вислів, кожен вислів – фольклор. Разом вони створюють величну картину ратного подвигу російського солдата у Вітчизняній війні 1812 р.

З метою різноманітності текстів «досугів» В. Даль наводить окремо 15 загадок, наприклад: *Без рук, без ног, а на гору ползёт (ветер); Сам худ, а голова с пуд (молот)* [3, с. 41]. До того ж наводяться вони під самостійним заголовком «Загадки», а нижче більш дрібним шрифтом подані на них відповіді з тим, щоб служиві самі спробували відгадати 15 загадок, розширити свій кругозір.

В. Г. Сібірцев вважає, що загадка як моноструктура характеризується підвищеною смисловою місткістю елементів усіх мовних рівнів; семантична конденсація, поряд з основними вимогами жанру – короткістю та ритмічністю, накладає відбиток не лише на фонетичний вид та синтетичний стрій загадок, виразність яких посилюється, дякуючи використанню різноманітних стилістичних прийомів, але й знаходить своє відображення на лексичному рівні [4, с. 76].

Загадки, наведені у «Солдатских досугах», початково мали усну форму побутування, а тому зберегли усі особливості живої російської розмовної мови: *Сам худ, а голова с пуд*. Традиційна для усної народної творчості розкіш образу заміщення використовується з метою посилення емоційного впливу й сприяє більш чіткій ритмічній побудові загадки: *Без рук, без ног, а на гору ползёт* тощо.

До тексту нарису «Битва» В. Далем майстерно введені дві молитви й прислів'я: *Разевай рот пошире, я полезу: глотай, коли не подавишься* [3, с. 6, 47]. У даному випадку прислів'я включено в пряму мову одного з солдат, що

Далевское литературоведение. Вып. 2.

вступив до діалогу: «Вишь! Грозит неприятель, - сказал один солдат товарищу, - съестъ хочет! Ну, - отвечал товарищ, - пусть его: *разевай рот пошире, я полезу: глотай, коли не подавишься!*» Введено таким чином прислів'я показує бойовий настрій солдат перед битвою, їх уміння в тяжку хвилину з гумором та сміхом говорити про нікчемність ворога, його слабкості.

Показовою є й манера В. Даля включати до тексту збірки молитви лише у тих випадках, коли душі солдатів просвітлені й знаходяться у гармонії зі всесвітом. Таким чином публіцист досягає єдності природи й людини, її духовного світу, в якому нероздільно панує Всевишній: «Ликовал над покорной головой моей, - рассказывает солдат, - млад жавороночек, пташка летняя, словословил Творца вселенныя, накликал на душу радость мне; и выиграло ретивое во мне, очи вскинул я к певцу залётному, глянул вокруг себя на утро радостное, на почивающих собратов моих, и прочёл такую молитву я: «Господи! Ежели хочешь, то да мимо идёт меня чаша эта; но да будет воля твоя, а не моя. А коли Спасов день присудил еси мне от сует мирских спасение, то прими благостынею своею душу мою, подай силу и крепость мне и мужество, и победу пошли царю-государю моему – во веки веков, аминь!»

Цей монолог солдат виголосив рано-вранці перед важкою битвою. У ньому розкриті смиреність російської людини, красивість її душі, вміння підкорити свою волю волі Господа в ім'я перемоги государя. Так, В. Даль за допомогою фольклору розкриває риси російського менталітету.

Той же метод примовки застосований публіцистом і у замальовці «Старый и молодой»: *Убьют, так и копейки не надо; а коли ворочусь, даст Бог, да сделаю дело, так это стоит дороже ста рублей* [3, с. 50].

«Таблица умножения» представлена в «Солдатских досугах» через приказки й прислів'я: *Придёт масляна – будет и блин: одиножды один – один; Полно долбить. Покинь долото: десятью десять – сто* [3, с. 53] тощо. Усього їх представлено в таблиці 39. Вони якнайкраще допомагають напівграмотному солдату вивчити таблицю множення.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

«Исправность и расторопность» – притча про Георгія Хороброго та про те, що значить дозвілля, а що недозвілля. Для пояснення цього В. Даль окремо від тексту навів вісім прислів'їв та приказок: *Коли нет да спрашивают, надо добыть; Воровать не стану, а нет, так негде взять; Всякому дню подобает забота своя; Не тем час дорог, что долог, а тем, что короток; Береги день нынешний, а завтрашний станет беречь тебя; Не досуг вершит дело, а досужество; Не губи ты часу со причасками, не погубишь веку; Охочему да расторопному час нужен; вислоухому – неделя* [3, с. 59].

У плані виявлення в текстах «Солдатских досугов» особливостей менталітету російського солдата, ймовірноше, найбільш важливими є введені до них публіцистом прислів'я, приказки та різноманітні вислови про добро, істину і справедливість, оскільки концепти їх є базовими у будь-якій культурі. Вони грають особливу роль і у мовній свідомості нації: від того, наскільки вона орієнтується на дійсне, добре, істинне та справедливе становище справ у суспільстві, залежить занадто багато і, як відзначили дослідники Л. С. Паніна та А. В. Федорова, «<...> не в останню чергу перспективи самого життя» [4, с. 206].

Далі ці дослідники слідом за А. В. Пузирьовим та Л. Б. Савенковою справедливо відзначили, що, наприклад, концепту *істина* в російській мові відповідає «<...> лексична пара *правда* й *істина*, всередині якої виявляються досить цікаві взаємовідносини». «Слова *правда* та *істина*, - пишуть Т. В. Булигіна та А. Д. Шмельов, – позначають дві сторони одного й того ж загально-філософського концепту: *правда* вказує на практичний аспект цього поняття, а *істина* – на теоретичний аспект». Не випадково В. Даль у вступі до «Солдатских досугов» веде мову про *правду* «голу» і *правду*, «одягнену притчею».

У сучасній російській свідомості різниця правди та істини чітко вчувається, але взаємне розташування їх у межах цього складного концепту дещо змінилося. Тепер *істина* пов'язується, швидше за все, з вічним та незмінним, а *правда* – з земним, мінливим, соціальним. «Їх співвідношення

Далевское литературоведение. Вып. 2.

виражається приблизно так: *істина* одна – а *правд* багато. *Істина* для усіх одна, а *правда* у кожного своя» [4, с. 207].

Як показано в «досугах», є й солдатська правда. Показова динаміка співвіднесеності у мовній свідомості солдат понять – правда та істина, добро і зло, справедливо й несправедливо. Аналізуючи прислів'я та приказки на цю тему в текстах «Солдатских досугов», методологію їх введення до нарисів та замальовок, ми прийшли до висновку про особливості російського бачення світу та сформулювали об'єктивні підстави роздумам про особливу російську мовну свідомість. По-перше, її не лише повно осяг В. Даль, але і, по-друге, наочно представив у своїх публіцистичних «досугах».

Так, у замальовці «Миродёрство» В. Даль навів лише дві приказки: *Краденое добро в прок не пойдёт* і *Чего себе не желаешь, не делай и другому* [3, с. 62]. Але їх достатньо, щоб виразно відобразилось усвідомлення російськими солдатами караності за неправі вчинки, недопустимості при пожежах, війнах грабувати мирних жителів, руйнувати та оскверняти релігійні святині будь-якого народу, оскільки Бог для усіх єдиний. Як свідчить історія, ці прекрасні якості російського солдата були виявлені у Вітчизняних війнах 1812 та 1941 – 1945 років.

У «Заветных словах» є 10 заповідей, наприклад, такі: *Не расти тело, расти душу: душа вынесет за собою и тело; Не бушуй; криком изба не рубится, горлом дело не спорится; Стой – не шатайся, ходи – не спотыкайся, говори – не завирайся; а ляжешь спать, так пораньше вставать собирайся* [3, с. 63]. Спрямованість їх зрозуміла кожному – роби добре, справедливо і тобі віддячиться.

Невипадковими є і дев'ять настанов у замальовці «Как солдату, конному и пешему, управляться с неприятелем»: *Заряжатъ торопись, а палить не торопись; Никогда не говори: пуля виноватого найдёт; Застрельщики, стреляйте в меру!; Люби пулю, а держись за штык; Стой дружно, не будет грузно* [3, с. 70] тощо.

Тут же В. Даль навів дві приказки, смисл яких також зведений до настанови: *Журавля в поднебесье не убьёшь; Один патрон в ружье дороже тысячи в поле* [3, с. 70].

Далевское літературоведение. Вып. 2.

Як письменник і лікар, В. Даль просто не мав права обійти таку проблему, як знахарство і ворожбу, які здавна вводили російську людину в оману. Знахарів та ворожок завжди на Русі було предостатньо. Потрапляли під їх нездоровий вплив і солдати. А тому В. Даль і розповів у замальовці «Знахарство и заговоры» невибагливу розповідь від імені солдата про те, як його товариш по службі потрапив «до лап» горе-знахаря, що пообіцяв тому зберегти його від ранньої смерті. І таким чином обібрав до нитки. Зрозумів товариш, що його обдурили, лише після серйозного поранення, і сказав він по-народному розумно і влучно: *Смерти бояться не должно, <...> жизнь наша чистилище, а смерть искупление.* А з приводу знахарів навів приказку: *Язык без костей, мели что хочешь* [3, с. 74-75].

Загальновідомо, що мовна свідомість нації залежить від того, як вона озброєна інформаційно проти виникнення проблем негативного психологічного впливу різноманітних знахарств, пророцтв, ворожби, які викликають також проблеми зі здоров'ям. Простою народною мовою В. Даль пояснює ці істини читачам «Солдатских досугов» та вводить до тексту з метою викриття пустих замовлянь знахарів. Одне із замовлянь закінчується словами: *Заговариваю я раба Ивана Стропилова, ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким словом-заговором на всю его жизнь, по сей день, по сей час, по сию битву. Слово моё крепко* [3, с. 75].

«Крепко оно, да не совсем, - пояснює оповідач, - *Язык без костей, мели что хочешь, да много ли в том пути?* Знахарь в накладе не остася, потому что обобрал солдата нашего кругом» [3, с. 75]. Пустослів'я й тяга до поживи – ось сутність знахарів. «Да и сами вы, ребята, рассудите: что такое слово, - не вгмоняється оповідач з волі В. Даля, - и что это слово может сделать? Может слово повелевать и приказывать человеку, а ни солнцу, ни земле, ни дереву, ни камню; как слово может помыкать силами Создателя, которые день за день идут своим путём, своим чередом, спокон-веку, как их можно переиначить и пересилить?» [3, с. 76].

Хто-хто, а В. Даль знав силу слова, тому що вустами солдата-оповідача він висловив філософську істину: слово не

Далевское литературоведение. Вып. 2.

може «попихати силами Творця», а тим більше слово неправдиве, брехливе. Ось чому російський народ віддає перевагу прислів'ям про правду, яких у «досугах» велика кількість. За несправедний спосіб життя, пияцтво, лайливе, зле слово людина несе заслужену кару, що влучно й образно відображене у прислів'ях та приказках. Аналіз їх, наприклад, про правду, заставляє зробити висновок про те, що *правда* – це глибоко особистісне уявлення про істину та справедливість, але зовсім не сама *істина*, пор.: *Не ищи правды в других, коли в тебе её нет; Правда твоя, правда и моя, а где она?* тощо.

Підтвердження цьому ми знаходимо у нарисі-монолозі «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?», в який уведено чотири красномовних прислів'я: *Собаке собачья смерть; не хотел жить по-людски, так не по-людски и умер!*; *Купи вина, коли хочешь купить горя на свои деньги; У трезвого своя голова, у пьяного чужая; а отвечает одна* [3, с. 84, 86]. Кожна з них вчить, напутствує солдата, втримує його від пияцтва, закликає до тверезого образу життя: *Одну чарку пей, за другою руки не протягивай, от третьей отворачивайся, а от четвёртой беги, не оглядывайся* [3, с. 86].

У тексті «Ложь и правда» знаходимо сім прислів'їв та приказок: *Правда дороже и чище золота; Живут же люди неправдой, а нам не лопнуть стать!*; *Правда – кусь заработанный, ложь – краденый* «<...> *правда дороже и чище золота; Живут же люди неправдой, а нам не лопнуть стать!* (повторно); *Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдёт* [3, с. 89, 93]. З цих та інших прислів'їв, наведених В. Далем про правду також у «Толковом словаре», «Матросских досугах», прямо впливає, що *правда* належить сильному, але про її збіг з *істиною* говорити в такому випадку тим більше не варто: *Не прямо, да право* (тобто – винен, але виправданий); *У кого руки подлиннее, тот и правее* (див. сучасний варіант прислів'я: *Прав тот, у кого больше прав*) тощо.

Саме тому, що почуття правди завжди суб'єктивне і для російської людини далеко не завжди супроводжується

Далевское литературоведение. Вып. 2.

пошуками істини, - саме тому такі численні прислів'я, які говорять про те, що:

а) правда повинна бути до місця: *Знает сват Сила правду, да не всякому сказывает; Сказал бы Богу правду, да чёрта боюся;*

б) правда потрібна не усяка: *Цыганская правда хуже православной кривды; Всяк про правду трубит, да не всяк правду любит;*

в) по правді жити важко, а іноді й шкідливо: *За правду Бог лица набавляет* (тобто дає старому й лисину); *За правдивую погудку смычком по рылу*. Нарешті, *Не одинакова ложь, не одинакова и правда* [3, с. 89].

«Численність прислів'їв, - констатують Л. С. Паніна та А. В. Федорова, - про те, що, з одного боку, важко і шкідливо жити по правді, що правда потрібна не усяка, що правда може бути незручна і неприємна, а з іншого боку – що без відчуття правди жити не можна, що з відчуттям правди російська людина непереможна, заставляє зробити висновок, що для носія російської мовної свідомості важливо не стільки бути правим, скільки почуватися правим. Але про високу ступінь відповідності особистої правди об'єктивній істині говорити в такому випадку не доводиться» [4, с. 208].

Очевидно, цим пояснюється той факт, що ні в «Солдатских досугах», ні в «Матросских...» прислів'їв про істину немає, як показали дослідження, їх практично немає і в повній збірці російських прислів'їв В. Даля – нам зустрілись лише дві: *Истина от земли, а правда с небес (Псал.) та Свет плоти – солнце, свет духа истина*.

Однак, фольклор у «досугах» - не лише благодатне джерело відомостей про особливості російського менталітету, суджень про правду та істину, але й розширення бази російської літературної мови. В. Даль чудово знав, що як його казки, так і «досуги» будуть прочитані також багатьма людьми, які пишуть, а тому він там і тут, а також у Словнику, неначе намистинки на нитку, з глибокою переконаністю одне за одним нанизує у текстах прислів'я, що вони обов'язково будуть використані в російській літературній мові: адже завжди *Передний заднему мост*.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Жити по правді – значить бути завжди здоровим. Таким є лейтмотив нарису «Жизнь и здоровье», в якому є два прислів'я: *Еда не медведь, в лес не уйдёт; Кто ума-разума своего слушается, у того душа меру знает; а кому ум-разум ни по чём, тому и слушаться некого* [3, с. 101-103]. Вони, якнайкраще, стверджують істину: *Человеку Бог дал ум-разум* [3, с. 103]. І це відрізняє її від тварини-«немогузнайки» [3, с. 101]. В. Даль «підслухав» це навдивовижу містке і точне слово в народі, серед солдат, які казали: *«Немогузнайка плох, а всезнайка и того пуще <...>»*. А солдат, від особи якого ведеться оповідь, прямо заявив: *«Есть пословица: Дело не медведь, в лес не убежит. Не спросили меня, как сложили пословицу эту, - я бы её повернул вот так: еда не медведь, в лес не уйдёт, и в моей пословице было бы больше правды <...>»* [3, с. 101]. Слова солдата співзвучні переконанням В. Даля: народна мудрість – в образному слові. Введені публіцистом до текстів прислів'я – це не що інше, як вірний спосіб згустити думку в поетичній мові. Для В. Даля прислів'я – будь-який образний народний вислів, він часто в «досугах» є то приказкою, то прислів'ям.

В народі тонко підмічали особливості свого побуту, образу життя, але ще тонше втілювали їх у прислів'я та приказки. У нарисі «Жизнь и здоровье» В. Даль навічно відзначив цей процес: якщо не вистачає комусь готового прислів'я, той «переробляє» відоме і переконує, що *«<...> в моей пословице было бы больше правды»*. Так поетичний текст стискається у прислів'я. При цьому, образ, зберігаючись в цілому, дозволяє замінити довгі промови знайомим символом, представленим у розхожому прислів'ї, тобто народ пристосовує його, а іноді й видозмінює зі зміною життєвих обставин, ситуацій.

У замальовці «Конвойный» наочно пояснена сутність приказки *Нашла коса на камень* і доказово показана доцільність та своєчасність її введення до тексту. Вартовий, понадіявшись на авось, на небось та на як-небудь, упустив арештантів. Інший схибив перед полоненим абазинцем, але потім *«<...> нашёлся, спасибо, и не совсем дал маху: он ружьё своё не выпустил из рук, а держался за него, что за Бога;*

Далевское литературоведение. Вып. 2.

штык был отомкнут; солдат наш, повозившись с абазинцем, просунул дуло ружья себе под левую мышку, оставил его в упор на неприятеля, - *который совсем было его одолел* – да нагнувшись вперёд, взвёл и спустил правою рукою курок и *положил абазинца на месте*. Это значит: *нашла коса на камень*» [3, с. 105]. Далі цієї приказки говорити оповідачу про цю історію просто нічого. Кожен знає, що виходить, коли *находить коса на камінь*. І оповідач виправдано перейшов до наступної історії. У цьому, на наш погляд, і є культура усної мови, як її розумів у XIX столітті В. Даль.

В історії розвитку науки, філософії, культури є питання, які можна назвати вічними. З тих чи інших причин вони актуалізуються у різні періоди, набуваючи кожного разу гостроти та новизни. До таких, на наш погляд, відноситься і проблема культури мови, що осмислюється в теперішній час у екологічному аспекті. Поняття «екологія», яке до недавніх пір відносили до природи і пов'язаного з нею образу життя, сьогодні переноситься на ставлення до культури. Академік Д. С. Лихачов вважав необхідним виділяти в екології два розділи: екологію біологічну та екологію культури. Він обґрунтовував це тим, що людина живе не лише в природному середовищі, а і у середовищі культурному, тому його збереження є не менш важливим. Якщо природа необхідна людині для біологічного життя, то культурне середовище – для її духовного розвитку, «моральної самодисципліни та соціальності» [7, с. 408].

На думку Т. А. Чеботникової, ці ідеї узгоджуються з наробітками фундаментальної науки, у тому числі вони спираються на поняття біосфери та ноосфери (біосфери та гомосфери по Д. С. Лихачову), висунуті В. І. Вернадським. Ноосфера – це галузь взаємодії природи та суспільства, у межах якої розумна діяльність людини стає головним чинником розвитку. «Це свого роду «мисляча» оболонка, що оточує земну кулю, світ ідей, тобто мова в усіх її проявах» [4, с. 231].

Аналіз «Солдатских досугов», інших публіцистичних творів В. Даля свідчить про те, що їх автор до цієї думки схилявся ще у 40-і рр. XIX ст. Як бачимо, спадковість ідей та

Далевское литературоведение. Вып. 2.

їх розвиток є переконливим свідомством перебування в єдиному «часі – просторі» сучасних дослідників та Володимира Даля, не лише занепокоєного долею російської мови, культурою мови й нації в цілому, але і такого, що показав своєю публіцистичною творчістю приклад використання у ній фольклору – «мислячої» оболонки. Так, у трьох притчах – про дятла, дубову бочку та ворону, що практично увінчують «Солдатские досуги», головною думкою є те, що людина живе не лише у природному середовищі, але й у середовищі культурному (мовному), тому його збереження вважається В. Далем дуже важливим. Живе слово у нього має матеріальну силу: *Каяться и зарекаются хорошо, коли помнишь слово своё и зарок, - читаємо у «Притче о дятле», - и, сделав раз худо, станешь вперёд от худо бегать; а коли клятва твоя и божба крепка только до вечера, а с утра опять принимаешься за то же – так и в добром слове твоём добра мало* [3, с. 111]. І далі прислівний чотиривірш: *И крута гора, да забывчива; / И лиха беда, да сбывчива; / Кто лжёт, тот и заклинается; / Кто пьёт, тот и зарекается* [3, с. 112]. І читач розуміє, що притча не про дятла, який з вечора зарікається не длубати дерево, а на ранок продовжує своє, а про того, хто без міри п'є.

А у «Притче о дубовой бочке» знов зустрічаємо прислів'я: *Дружно не грузно, а врозь хоть брось; две головни и в чистом поле дьмятся, а одна и на шестке гаснет* [3, с. 113]. Тепер вони несуть інше смислове навантаження: сім'я, як бочка розсипається, якщо вона не зв'язана «обручами».

У «Притче о вороне» дві приказки: *Всяк норовит своему; всяк сам для себя и краше и лучше* [3, с. 114]. Суть їх у тому, що для кожної «ворони» свій онук – «кращий співець-пісенник».

Фольклор притч – яскраве свідомство тому, що давня російська афористика звернена до вічних тем долі, життя і смерті, до ідеї життєвої поведінки людини, і це заставляє кожного читача прийти до думки, що її джерела – в особливих обставинах духовного побуту російських людей.

Обробкою сюжетів з нехитрого солдатського життя в усній традиції, характером різнопланового введення до них

Далевское літературоведение. Вып. 2.

багатого російського фольклору В. Даль визначив своє уважливе ставлення до солдата, усього російського народу. Наприклад, в «Русском солдате» є, на перший погляд, нісенітна роболіпна приказка: *Первая доблесть военная – это слепое, беззаветное послушание <...>* [3, с. 118]. Але, ознайомившись з анекдотичним сюжетом про спір російського імператора Петра I з німецьким королем про те, чий солдат слухняніший, доходиш до висновку, зробленому В. Далем, що послух насправді – військова мужність.

Таким чином, смисл будь-якого прислів'я, у тому числі, на перший погляд, і нісенітного, - узагальнення досвіду минулого, який даний як заповіт на майбутнє: *Пословица задним умом живёт*. Через те у великій ціні у публіциста В. Даля найбільш старі, століттями осмислені вислови, тому що *Старинная пословица не мимо говорится* і ще: *Старинная пословица вовек не сломится* [8, с. 635].

Нарис «Деревянов» містить 3 прислів'я: *Без Бога, ни до порога: но за Бога держись, а сам не плошай; Удадь молодецкая из одной только могилы не выносит; а из огня, из воды вынесет; Коли сам не обсушишься, так за тебя и родной брат на печь не полезет* [3, с. 123]. Ними закінчується оповідання про те, як у 1839 році відставний козак Потап Деревянов з малолітком та працівником врятувалися на Каспійському морі, пробувши на крижині майже п'ять тижнів без їжі. і врятувались, дякуючи своїй винахідливості та Господу Богу. У тексті наведені викладені на папері свідчення Деревянова. В. Даль ввів їх повністю до нарису і цього було досить для розкриття його ідеї, але він не втримався і в кінці навів вище перераховані три прислів'я, які уточнили сутність подвигу козака та його двох супутників.

Подібний прийом використання старовинних прислів'їв застосований і у замальовці «У тебя у самого свой ум»: *Не ходи овца за козлом по капусту, так що Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом, да и ступай туда, где лучше* [3, с. 126]. Козел встиг втекти від городника, а вівця була добряче побита. Скільки на основі цих прислів'їв у подальшому було написано різними авторами різносюжетних творів ніхто не може назвати – їх багато!

Далевское літературоведение. Вып. 2.

Буває, що і солдат грішить, але вчасно розкаявшись, отримує благодать Господню, як це розказано В. Далем у замальовці «Шило в мешке, а грех на совести не утаишь». Про нас, це єдиний випадок, коли автор використав прислів'я у якості заголовку. Зазначимо: після виходу у світ збірок «Пословицы русского народа» та «досугов» багато письменників та публіцистів стали рясно наводити їх «вміст» у своїх творах та виносити у заголовки.

Спираючись на вищевикладене, можна зробити наступні висновки:

1. В. Даль був дивовижним публіцистом: він умів слухати співбесідника. Майже усі нариси і замальовки «Солдатских досугов» – це не що інше, як достовірні записи розповідей тих, хто йому повіряв невибагливі солдатські історії. Уміння слухати співбесідника, вчасно записувати його мову, а потім, уміло переробивши почуте, представляти це на суд читача, є повчальним прикладом для журналістів дня сьогоднішнього.
2. В. Даль-лікар, спілкуючись з солдатами, виявив для себе, що їх жива розмовна мова якнайкраще виражає часом складні взаємовідносини між ними й командирами, пояснює їх внутрішні спонукання, страждання і захват від уміння «подавити» в собі дурні звички, долучаючись до Господа Бога. Ця простота слова була яскраво використана в «Солдатских досугах».
3. В. Даль-етнограф не лише зберіг у мові оповідачів ті елементи фольклору, які вони вживали для передачі образності подій, але й сам, наче доповнюючи почуті історії, наводив у кінці їх оповідей прислів'я та приказки, які він десь раніше почув з цього приводу і тепер, користуючись випадком, навів їх у кінці таких текстів, як «Что такое Отчизна?», «Повиновение начальству», «Честь и бесчестье», «Кто смерти боится?», «Исправность и расторопность», «Как солдату конному и пешему управляться с неприятелем», «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?», «Ложь и правда». Таким чином, В. Далем наведено 42 прислів'я і

Далевское литературоведение. Вып. 2.

приказки (майже половина усіх наведених у текстах «досугів»), що свідчить про прагнення публіциста ширше представити читачу багатство російського фольклору.

4. В. Даль-фольклорист та лексикограф «Солдатскими досугами» показав приклад використання фольклору для створення образів, що запам'ятовуються, як оповідачів солдатських історій, так і діючих у них персонажів.
5. В. Даль-публіцист доказав, що чим багатше у публіцистиці представлений фольклор, тим значнішим є публіцистичний твір, який не втрачає свого суспільного звучання навіть на протязі століть. Досягнуте це за рахунок старовинних прислів'їв, гострота яких актуальна і сьогодні.
6. В. Даль-письменник своєю публіцистикою виявив приклад для нових поколінь журналістів, які, спираючись на його досвід, можуть досягти вершин публіцистичної майстерності, якщо будуть також використовувати таке величезне багатство живої російської мови, як фольклор.
7. В. Даль-вчений показав, що до текстів збірок публіцистичних творів можна, а часом і доцільно уводити як рівноправні «заповітні слова», якщо вони, як це зроблено в «Солдатских досугах», виражають їх загальну тематику. Прикладом може служити замальовка «Покажи ему лоб», до тексту якої публіцист увів десять «заповітних слів», тобто прислів'їв, що складно і дохідливо доповнюють «повчання» солдатам:
Не расти тело, расти душу: душа вынесет за собою и тело; Не бушуй; криком изба не рубится, горлом дело не спорится; Стой – не шатайся, ходи – не спотыкайся, говори – не забирайся; а ляжешь спать, так пораньше вставать собирайся тощо.
8. В. Даль – громадський діяч прагнув залучити солдат до читання «корисних» книг і таким чином підвищити їх грамотність і громадянську свідомість. З цією метою він вперше в публіцистиці увів до текстів «Солдатских

Далевское литературоведение. Вып. 2.

досугов» таблицю множення, в якій перша фраза кожного рахунку не що інше, як народне прислів'я.

9. Таким чином, фольклор, його неповторна поетика виступають засобом досягнення головної мети письменника-публіциста В. Даля: створити зручну, просту за змістом та яскраву по формі книгу для тих, хто лише залучається до читання.

Література

1. **Азадовский М. К.** Сказка, рассказанная Пушкиным Далю / М. К. Азадовский // Временник Пушкинской комиссии. – 1939. – № 4 – 5. – С. 9-19.
2. **Ипполитова Н. А.** Русский язык и культура речи : курс лекций / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова ; под ред. Н. А. Ипполитовой. – М. : ТК Велби, Проспект, 2008. – 344 с.
3. **Даль В. И.** Полн. собр. соч. : В 10 т. / В. И. Даль ; ред.-изд. А. М. Вольф. – СПб. ; М. : Изд. т-ва М. О. Вольф, 1897. – Т. 6. I. Солдатские досуги; II. Матросские досуги. – 422 с.
4. **Вторые** Международные Измайловские чтения, посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля, 25 – 27 окт. 2001 г. : Материалы / Оренбург, гос. пед. ин-т; отв. ред. А. Г. Прокофьева. – Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2001. – 392 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / Владимир Иванович Даль. – М. : Рус. яз., 1980. – Т. IV. – 555 с.
6. **В. И. Даль** в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура : Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летнему юбилею В. И. Даля, Иваново, 5 – 7 апр. 2001 г. : В 2 ч. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. – Ч. 2. – 440 с.
7. **Эстетика** : словарь / под ред. А. А. Беляева и др. – М. : Политиздат, 1980. – 283 с.
8. **Даль В. И.** Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо ; ННН, 2003. – 616 с.

Анотації

Евдокимов М. О. Прислів'я та приказки в збірці В. І. Даля «Солдатские досуги» як джерела відомостей про особливості менталітету російського солдата

В статті досліджується роль фольклору у створенні простого за змістом та яскравого по формі художньо-публіцистичної збірки В. І. Даля «Солдатские досуги».

Ключові слова: фольклор, прислів'я, приказки, загадки, публіцистична майстерність.

Евдокимов Н. А. Пословицы и поговорки в сборнике В. И. Даля «Солдатские досуги» как источники сведений об особенностях менталитета русского солдата

В статье исследуется роль фольклора в создании простого по содержанию и яркого по форме художественно-публицистического сборника В. И. Даля «Солдатские досуги».

Ключевые слова: фольклор, пословицы, поговорки, публицистическое мастерство.

Evdokimov M. O. Proverbs and sayings as the information source of Russian soldier mentality in V. I. Dal' «Soldiers leisure-times» collected stories

In the article is investigated the role of folklore in the creation of simple in plot and bright in form the artistic and publicistic collected stories of V. I. Dahl «Soldier's leisure».

Key words: folklore, proverbs, sayings, publicistic mastership.

УДК 929:821.161.1Даль+929:39Виткевич

*Г. П. Матвиевская,
И. К. Зубова
(Оренбург)*

***ОРЕНБУРГСКИЕ ДРУЗЬЯ В. И. ДАЛЯ:
ИВАН ВИКТОРОВИЧ ВИТКЕВИЧ
(1809 – 1839)***

Среди замечательных людей, связанных с Оренбургским краем в первой половине XIX в., особое место занимает Иван Викторович Виткевич (1809 – 1839), яркая личность и трагическая судьба которого нашли отражение в исторической и художественной литературе. Его деятельность в Афганистане, оставившая заметный след в истории русской дипломатии на Востоке, освещена в романах Ю.Семенова (Дипломатический агент. – М., 1959) и М. С.Гуса (Дуэль в Кабуле. – Нукус, 1969).

Однако жизненный путь И. В. Виткевича известен только в самых общих чертах и многое представляется сейчас загадочным. Устранению неясностей помогут сохранившиеся и ещё не использованные биографами архивные документы. Они позволяют составить полное представление об этом замечательном человеке, недолгая жизнь которого прошла в Оренбургском крае. Подавляющая часть документов, включая его автографы, находится в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО).

И. В. Виткевич происходил из польских дворян Шавельского уезда Виленской губернии и оказался в Оренбургском крае в возрасте четырнадцати лет как политический ссыльный. В 1823 г. в гимназии города Крож, где он учился, было раскрыто тайное общество, члены которого предстали перед военным судом и получили строгое наказание. И. В. Виткевич, как он записал позднее в своем формулярном списке, «за принадлежность к тайному обществу Черных братьев, составившемуся между учениками

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Крожской гимназии, и за участие в раздаче возмутительных писем и стихотворений» был лишен всех прав состояния и определен рядовым в Орский батальон Отдельного Оренбургского корпуса.

В Орске, несмотря на трудности солдатской жизни, И. В. Виткевич занялся самообразованием и особенно преуспел в изучении восточных языков. В нем пробудился интерес к жизни азиатских народов, с представителями которых ему постоянно приходилось общаться, к неведомым государствам Средней Азии, куда в то время европейцам доступ был закрыт. Вскоре, совершая поездки в зауральскую степь, он близко познакомился с киргизами (как тогда называли казахов) и освоился с их кочевым бытом. Купцы, приезжавшие в Орск с караванами, сообщили ему много сведений о Бухаре и Хиве.

В формулярном списке Виткевича отмечено, что он знает российскую, немецкую, французскую и польскую грамматику («читать и писать умеет»), обладает познаниями в алгебре и геометрии и владеет киргизским и персидским языками.

В 1829 г. в Орске проездом останавливался выдающийся немецкий географ и натуралист Александр Гумбольдт (1769 – 1859), совершавший научную поездку по России. В доме коменданта Орской крепости он обратил внимание на жившего там в качестве домашнего учителя молодого человека, который своей образованностью и любознательностью произвел на него большое впечатление. «Судьба этого человека в высшей степени замечательна», - писал впоследствии современник со слов А. Гумбольдта.

Обстоятельства этой встречи, сыгравшей важную роль в судьбе И. В. Виткевича, осветил на основании документов ГАОО П. Е. Матвиевский [1, с. 2] .

Ходаатайство ученого перед столичным начальством облегчило участь И. В. Виткевича: в 1830 г. он был произведен в унтер-офицеры и прикомандирован к Оренбургской пограничной комиссии для выполнения заданий по управлению киргизскими делами. С этих пор он постоянно находился в разъездах по степи, выясняя причины

Далевское литературоведение. Вып. 2.

возникновения различных межродовых конфликтов, помогая их разрешению, и нередко подвергался серьезной опасности.

Председатель Пограничной комиссии Г. Ф. Генс и военный губернатор П. П. Сухтелен, как свидетельствуют архивные документы, имели немало случаев высоко оценить способности И. В. Виткевича, его смелость и находчивость. В 1832 г. он был произведен в портупей-прапорщики, позднее в поручики. Получение офицерского чина означало, что ссыльный восстанавливается в дворянских правах.

В 1833 г. И. В. Виткевич сопровождал в поездке по Оренбургскому краю немецкого натуралиста Х. Ф. Лессинга [3].

В том же году, после неожиданной смерти П. П. Сухтелена, на пост военного губернатора был назначен В. А. Перовский. Он сразу понял, что И. В. Виткевич может быть весьма полезен для развития отношений с Бухарским ханством, что в то время являлось важной внешнеполитической задачей России из-за действий англичан, стремившихся выжить ее с восточных рынков. В. А. Перовский предложил кандидатуру И. В. Виткевича на роль посланника, которого было решено отправить в Бухару от имени оренбургского военного губернатора осенью 1833 г. Однако в Петербурге предложение В. А. Перовского отклонили, и эту миссию выполнил преподаватель Неплюевского военного училища П. И. Демезон. В документах архивного дела его фамилия заменила внесенную ранее В. А. Перовским фамилию И. В. Виткевича.

Вместо поездки в Бухару И. В. Виткевич попал под следствие по так называемому «делу поляков». В. А. Перовский был вынужден начать его из-за поступившего доноса о готовящемся якобы мятеже польских военных, отбывавших в Оренбургском крае ссылку после событий 1831 г. Было очевидно, что донос ложный, но следствие велось со всей строгостью, так что в сохранившемся архивном деле содержатся весьма подробные сведения о подозреваемых, в том числе об И. В. Виткевиче, его жизни и занятиях.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Членом комиссии, проводившей следствие, был назначен В. И. Даль, приехавший в Оренбург с В. А. Перовским в качестве чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе. Между ним и И. В. Виткевичем завязалась прочная дружба. Несомненно, именно И. В. Виткевичу посвящена целая страница повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна».

«У меня есть в Оренбурге товарищ, знакомый, близкий человек, которого я крайне люблю и уважаю. Он из числа тех людей, коих большею частью называют чудаками, и это поделом: они всегда пекутся только о благе и добре чужом, а сами вечно ни при чём; кричат и надрываются, коли честный человек, который взял место для того, чтобы оно его кормило, коли этот честный человек, из скудного жалованья своего, высиживает небольшие векселишки да кой-какие каменные домишки; приятель мой человек, который, не смотря ни на чин, ни на место, ни на звание, кричит вслух, по улицам и на базаре, что такой-то вор, а такой-то плут, а такой-то мошенник; оно иному, знаете, и неприятно. Он вообще всё делает по-своему; люди ездят по линии, по большой битой дороге, да водят за собою целый поезд конвойных; а он всю степь насквозь, вдоль и поперёк, прошёл один, припевая: «А и первый мой товарищ мой добрый конь, а другой мой товарищ калена стрела...». Он много занимается, читает, особенно путешествия, любит сам быть вечно в разгоне; чем дальше и глубже в новую и не известную ему страну, тем лучше. Он выучился азиатским языкам, знает и братается со всеми нехристями, так что мы его зовём татаринном, хотя и мусульмане иногда ещё его бранят кяфыром. Я слышал сам, как русские называют его поляком, и слышал, как поляки честили его москалём. Как тут быть? Чему верить, чего держаться? Я полагаю, что он должен быть – как бишь земля, где эти люди роятся?» - пишет В. И. Даль. В заключительных строках его повести говорится о том, что именно на руках этого его товарища умерла от оспы главная героиня произведения, красавица Мауляна, оставленная соплеменниками, боявшимися заразы, в степи.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В октябре 1835 г. И. В. Виткевич побывал в Бухаре. Он был командирован на всю предстоящую зиму в киргизскую степь, в аулы, кочующие близ Сыр-Дарьи. В данной ему инструкции предписывалось, чтобы, осмотрев обстановку «глазом просвещенным и беспристрастным», он постарался «личными внушениями и советами понудить ордынцев к спокойствию и миролюбивым поступкам против однородцев и соседей». Он должен был также содействовать освобождению захваченного киргизами казака Степанова с женой. Вместе с тем, ему было поручено собрать сведения о положении в Бухарском и Хивинском ханствах и об активности англичан в этом регионе. В инструкции сказано: «Самое бдительное внимание надлежит Вам обратить на слухи и сведения о Средней Азии. Бухарцы и хивинцы, несмотря на то, что они пользуются чрезвычайными выгодами от торговли с Россией, без которой они не могут обойтись, умышляют всегда против нас зло, покупают и держат в неволе наших людей, возмущают киргизов и всегда готовы внимать советам, для нас невыгодным. Советы такие легко могут быть предложены европейцами, начавшими посещать соседние нам области средней Азии, и потому мы должны наблюдать тщательно сношения их».

В. А. Перовский, поручивший это ответственное задание И. В. Виткевичу, не сомневался, что «способности, знание местностей и языка, особенно же готовность быть полезным и другие качества, отличающие сего офицера, ручаются за успех». В действительности успех этой поездки превзошел самые смелые ожидания.

9 ноября 1835 г. И. В. Виткевич выехал из Орска с бухарским караваном, намереваясь по дороге отделиться, остаться в степи и, выполнив поручение, вернуться обратно. Однако, как он писал впоследствии, обстоятельства принудили его «проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре». Присоединившись к тому же каравану, он прибыл в столицу ханства 2 января 1836 г. и провел в этом недоступном для европейцев городе почти полтора месяца. Ему удалось хорошо познакомиться с Бухарой и жизнью её населения, встречаться и беседовать с куш-беги, ханским

Далевское литературоведение. Вып. 2.

министром, собрать много сведений о политике англичан в Средней Азии. Однако, оказавшись в опасности, он покинул Бухару 13 февраля с торговым караваном и вернулся в Орск 18 апреля 1836 г.

Результаты поездки И. В. Виткевича, которая, по существу, была настоящим подвигом, получили самую высокую оценку. Сведения, собранные им в Бухаре, под его диктовку записал В. И. Даль, занимавшийся вопросами внешней политики, которые приходилось решать оренбургскому военному губернатору. Это отмечено на рукописи «Записки» И. В. Виткевича, хранящейся сейчас в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. Сама же «Записка», представлявшая собой в свое время секретный документ государственной важности, была опубликована только в 1983 г. [4].

Вслед за тем последовали события, сыгравшие, в конце концов, роковую роль в судьбе И. В. Виткевича. Вместе с ним из Бухары прибыл афганец Гуссейн-Али, посланный кабульским владетелем Дост-Мухаммедом с грамотой к русскому царю, в которой он предлагал «утвердить между двумя державами стезю дружбы и единодушия» и просил защиты от своих недругов, поддерживаемых англичанами. В. А. Перовский, убежденный, что, исходя из интересов России, просьбу Дост-Мухаммеда следует удовлетворить, отправил посланца в Петербург в сопровождении И. В. Виткевича, надеясь, что последнему это принесет пользу. В письме В. А. Перовского к канцлеру К. В. Нессельроде читаем: «Виткевич приехал сюда, будучи ещё почти ребёнком, за проступок, из Виленской гимназии; ныне по тринадцатилетнем пребывании своём в здешнем крае вполне загладил вину свою отличным поведением и примерным усердием, с каким исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже несколько лет к Пограничной комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может служить в столице переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх того может дать Азиатскому департаменту подробнейший отчёт касательно всех местных отношений здешних со степью и с

Далевское литературоведение. Вып. 2.

соседними областями Средней Азии. Поэтому смею я просить ваше сиятельство покорнейше и ходатайствовать на отправление Виткевича Высочайшего Его Величества Государя Императора соизволения».

Соизволение было получено, и И. В. Виткевич со своим подопечным 15 июня отбыли в столицу. В. А. Перовский, одновременно отправляя в Азиатский департамент «Записку, составленную по рассказам прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно», писал директору департамента К. К. Родофиникину: «Вы его увидите и оцените сами, прочтете записку и решите, достоин ли он Вашего начальничьего покровительства; от природы скромного характера, он сделался ещё более застенчив от несчастных обстоятельств, которые, думаю, Вам отчасти известны; ещё в детстве сделал он шалость, которую назвали политическим преступлением, и был пятнадцати лет наказан он как преступник; сосланный в дальний гарнизон на Оренбургской линии, Виткевич более десяти лет прослужил солдатом и, имея начальниками пьяных и развратных офицеров, он умел не только сохранить чистоту и благородство души, но сам развил и образовал свои умственные способности; изучился восточным языкам и так ознакомился со степью, что можно решительно сказать, что с тех пор, как существует Оренбургский край, здесь не было ещё человека, которому так хорошо была бы известна вся подноготная ордынцев; он уважаем вообще всеми киргизами как по правилам своим, так и по твёрдости, которую имел случай неоднократно доказать при поездках в степь».

В. А. Перовский не сомневался, что И. В. Виткевича ждёт большой жизненный успех, и от души этому радовался. Те же чувства испытывали и его сослуживцы в Оренбурге, среди которых он пользовался уважением и любовью. В начале зимы 1837 г. оренбургский военный губернатор вместе с чиновником особых поручений В. И. Далем также приехали в Петербург. При них решалось дело афганского посланника, которое вызвало большие затруднения у русского правительства, опасавшегося спровоцировать открытое недовольство Англии. Только 13 мая 1837 г.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

военный министр А. И. Чернышёв сообщил В. А. Перовскому, что решено отравить Гуссейна-Али в Кабул через Персию, причем император повелел: «Отправить вместе с ним находящегося ныне при сем посланнике и прибывшего из Оренбурга адъютанта Вашего превосходительства поручика Виткевича с тем, чтобы офицер этот, как знающий восточные языки, сопровождал его до самого Кабула и вручил подарки, следующие к афганским владельцам, если только министр наш в Персии граф Симонич найдет эту посылку Виткевича в Афганистан возможною».

О поездке И. В. Виткевича мы узнаём из его писем к В. И. Далю, которые хранятся в отделе рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) [5, 6, 7]. Этих писем всего семь, и вместе с одним или двумя письмами к В. А. Перовскому это – единственные известные нам автографы И. В. Виткевича. Письма эти, написанные прекрасным литературным русским языком, четким и разборчивым почерком, много говорят об их авторе, о его смелом и мужественном характере, презрению к опасностям, мрачноватом юморе, с которым И. В. Виткевич относился к любым превратностям судьбы. В то же время письма рисуют нам совсем еще молодого, полного сил, очень любознательного человека, который радостно принимает новые впечатления, умеет ценить прекрасное, с большой любовью вспоминает Оренбург и оставленных там друзей.

И. В. Виткевич, как видно из его последнего письма к В. И. Далю, предчувствовал трудности, ожидавшие его в Кабуле. Здесь ему довелось встретиться со знаменитым английским агентом Александром Бёрнсом, который старался оказать влияние на Дост-Мухаммеда, склонив его на сторону Англии. Победителем в «дуэли» двух дипломатов оказался И. В. Виткевич.

Однако переживать ощущение победы ему пришлось недолго. Английское правительство, готовившееся к вторжению в Афганистан, было взволновано его приездом в Кабул и официально заявило, что видит в этом посягательство России на интересы англичан в Индии. Не

Далевское литературоведение. Вып. 2.

желая обострять отношения, русское правительство отказалось от вмешательства в «афганские распри», а ответственность за действия И. В. Виткевича возложило на русского посланника в Тегеране И. О. Симонича, якобы превысившего свои полномочия при отправке его в Кабул.

Усилия И. В. Виткевича оказались, таким образом, напрасными, а его имя появилось в европейских газетах, окружённое скандалом. Вернувшись в Петербург через два года после отъезда, он оказался в новой обстановке. Место отправлявшего его в Афганистан К. К. Родофиникина, который умер 30 мая 1838 г., занимал Л. Г. Сенявин, имевший другие взгляды на русскую политику в отношении Востока. Возможно, это усугубило постигшее И. В. Виткевича разочарование. Однако, когда утром 9 мая 1839 г. И. В. Виткевич был найден мёртвым в своей комнате петербургской гостиницы «Париж», встречавшиеся с ним накануне люди были поражены, так как, по их свидетельствам, ничто не предвещало его самоубийства. Все привезённые им из Персии записки оказались сожжёнными. И хотя было обнаружено предсмертное письмо, обстоятельства смерти И. В. Виткевича так и остались загадочными. Биографы не исключают его убийства.

Друзья И. В. Виткевича всегда помнили его, горько сожалела о безвременной кончине этого замечательного человека, наделенного ярким талантом и высокими душевными качествами. Свидетельства этому мы находим в воспоминаниях и письмах В. А. Перовского, В. И. Даля, И. Ф. Блаرامберга, Н. В. Ханыкова и др.

Литература

- 1. Матвиевский П. Е.** Александр Гумбольдт и Иван Виткевич. К истории русского востоковедения и дипломатии 30-х гг. XIX в. / П. Е. Матвиевский // Материалы и тезисы XIV итоговой научной конференции Оренбургского педагогического института. – Оренбург, 1965. – С. 5-7.
- 2. Матвиевский П. Е.** Александр Гумбольдт и Иван Виткевич / П. Е. Матвиевский // Гостинный Двор. Литературно-художественный и общественно-политический

Далевское литературоведение. Вып. 2.

альманах. – Оренбург, 1997. – № 4. – С. 221-228. 3. **Матвиевская Г. П.** О путешествии ботаника Х. Ф. Лессинга по Оренбургскому краю / Г. П. Матвиевская // История и философия науки. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – Вып. 6. – С. 4-23. 4. **Записки** о Бухарском ханстве / Под ред. Н. А. Халфина. – М. : Наука, 1983. – С. 84-129. 5. **Институт** русского языка и литературы РАН. Рук. отд., 27294/СХСVI65. 6. **Матвиевская Г. П.** «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...»: Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова // Гостинный Двор. – Оренбург, 2005. – №16. – С. 298-312. 7. **Матвиевская Г. П.** Владимир Иванович Даль в Оренбурге / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова. – Оренбург : Оренб. книжн. изд-во, 2007. – С. 408-437. 8. **Халфин Н. А.** Загадки истории. Драма в номерах «Париж» / Н. А. Халфин // Вопросы истории. – 1966. – № 10. – С. 216-220.

Аннотации

Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Оренбургские друзья В. И. Даля: Иван Викторович Виткевич (1809 – 1839)

В статье рассказано о судьбе И. В. Виткевича – яркой личности российской дипломатии первой половины XIX в., которая отражена в исторической и художественной литературе. Авторы приводят и комментируют факты дружеских контактов В. И. Даля с И. В. Виткевичем.

Ключевые слова: Оренбургский край, дипломатия, Афганистан, дружеские связи.

Матвієвська Г. П., Зубова І. К. Оренбурзькі друзі В. І. Даля: Іван Вікторович Віткєвіч (1809 – 1839)

У статті розповідається про долю І. В. Віткєвіча – яскравої особистості російської дипломатії першої половини XIX ст., що відбита у історичній та художній літературі. Автори наводять та коментують факти дружніх контактів В. І. Даля з І. В. Віткєвічем.

Ключові слова: Оренбурзький край, дипломатія, Афганістан, дружні зв'язки.

Matvievskaya G. P., Zubova I. K. V. I. Dal's friends in Orenburg: Ivan Viktorovich Vitkevich (1809 – 1839)

And V. Vitkevich – the outstanding personality among actively operating people connected with the Orenburg lands of first half XIX century whose destiny is reflected in history and fiction.

Key words: The Orenburg lands, diplomacy, Afghanistan.

УДК 821.161.1–3.09 + 929 Даль+821.161.1–3.09+929 Толстой

*Т. Л. Большакова
(Оренбург)*

ПЕРВЫМ О МИГУРСКИХ РАССКАЗАЛ В. ДАЛЬ

Драматическая судьба Альбины и Винcentия Мигурских своей широкой известностью обязана Л. Н. Толстому, опубликовавшему в 1908 г. рассказ «За что?», в основу которого легли подлинные события [1]. Рассказ выходил на многих языках, лег в основу драматических и оперных спектаклей, кинофильмов.

Исследуя творческую историю произведения, ученые-литературоведы убедительно доказали, что сюжет для него Лев Николаевич взял из книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга» [2].

Сергей Васильевич Максимов (1831 – 1901) был в свое время известным этнографом и писателем. Отмечая его заслуги, Академия наук избрала ученого-литератора своим почетным членом. Наиболее полным изданием произведений Максимова является посмертное собрание сочинений в двадцати томах, осуществленное в 1908 – 1913 гг. В первых четырех опубликовано произведение «Сибирь и каторга», над

Далевское литературоведение. Вып. 2.

которым писатель работал многие годы. Этот капитальный труд, отличающийся глубоким исследованием явлений, эмоциональной насыщенностью и публицистической яркостью, основан на доскональном знании автором огромного количества источников – печатных, изустных, архивных.

Несколько страниц в третьей части книги посвящались Мигурским и произвели сильное впечатление на Л. Н. Толстого. Вот что он прочел:

«...В Нерчинском Большом заводе один такой надгробный камень прикрывает могилу Альбины Мигурской... Эта молодая женщина презрела все общественные связи, богатство родителей и не обратила внимания на советы родных и друзей, на невзгоды дальнего пути, на грустную будущность - и поехала в город Уральск к своему жениху, сосланному в тамошний линейный батальон солдатом. Здесь она вступила с ним в брак и сделалась для него действительно услугою и путеводною звездой в сумрачной ночи неволи. Она родила двух детей, но дети вскоре умерли, оставив матери старую тоску на сердце и усиленное желание освобождения себя и мужа от неволи. Однажды казаки принесли к ней с берега Урала платье мужа и письмо его, в котором он просит у нее прощения за то несчастье, которому подверг ее, бросившись в воду от тоски по отчизне и оставив ее на чужой стороне в неизвестности положения.

Печаль и слезы несчастной женщины были столько искренни и сильны, что в Мигурской приняли самое сердечное участие все уральские дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны и в конце начали уже мучить ее, потому что муж, спрятанный в соседней комнате, мог ежеминутно выдать ее чиханием, кашлем, каким-либо безвременным движением. Адские пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволении ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена, даже служанка, привезенная из Польши, сумела свято соблюсти ее. Когда получено было разрешение на отъезд, Мигурская заявила желание вырыть из казачьей земли трупы детей и увезти их

Далевское литературоведение. Вып. 2.

кости в польскую землю. Сложила она эти кости в один гроб и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали в проводники казака. Гроб с живым Мигурским поставлен был под козлы и, таким образом, благополучно выехал из пределов уральского войска. В Саратовской губернии казаку удалось подслушать разговор супругов и донести по начальству. В Саратов супруги явились уже пленными и там еще до сих пор помнят тот потрясающий момент, когда супруги Мигурские вошли в костел и пали на колени перед гробом своих детей: она – в трауре, он – в кандалах. Мигурская сделалась предметом разговоров; тамошние поляки смотрели на нее, как на святую, на коленях испрашивая у нее благословения. Манифест по поводу бракосочетания покойного императора Александра II освободил Мигурского от наказания; его отправили не в работу, а только в сибирские войска и поместили в Нерчинском заводе. Здесь Мигурская впала в чахотку и умерла» [2, с. 356].

О том, что именно это издание послужило отправной точкой для создания рассказа «За что?», свидетельствует не только наличие книги С. Максимова в Яснополянской библиотеке, но пометы, сделанные на ее листах писателем; об этом прямо пишет секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков; косвенным подтверждением является и то, что в своем труде Максимов указывает имя героини и не называет имени героя, поэтому в своем рассказе Л. Н. Толстой произвольно называет его Юзефом.

Интерес к судьбе Мигурских возрос после того, как в середине 60-х гг. XX в. известный ученый Л. Н. Большаков⁹ отыскал в оренбургском архиве подлинное Дело № 11604, на обложке которого значилось: «О скрывшемся из Уральска

---

⁹ Леонид Наумович Большаков (1. 01. 1924 – 9. 08. 2004) – писатель и литературовед, академик Международной Академии гуманизации образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный деятель культуры Украины, лауреат государственной премии Украины и премии Совета министров УССР им. Павла Тычины «Чувство семьи единой», автор более 60 книг о Л. Н. Толстом, Т. Г. Шевченко, Г. С. Винском, региональных литературных энциклопедий.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

рядовом 1-го линейного Оренбургского батальона из поляков Винцентии Мигурском, оставившем г. полковнику Кожевникову письмо, в котором объявил намерение утопиться, о поимке Мигурского и производстве по высочайшему повелению следствия» [3].

Материалы архивного дела, а также дальнейшие разыскания исследователя позволили значительно расширить наши знания о деятельности, политических взглядах, характере Винцентия; узнать подробности жизни героев после неудачного побега, о жизни Винцентия после смерти Альбины, которую он пережил на 20 лет и т. д. Найденный Л. Н. Большаковым материал лег в основу его повести «Дело Мигурских», которая не просто знакомит, но буквально ведет читателей по страницам архивного дела, превращая при этом сухие строчки документа в настоящий роман о любви. В 1971 г. «Дело Мигурских» было опубликовано в историко-биографическом альманахе «Прометей» [4], в 1984 г. повесть вышла в Варшаве на польском языке. Любопытный читатель может познакомиться с ней, прочитав страницы Оренбургской Толстовской энциклопедии [5; 6].

Тщательно исследовав историю «Мигурианы», Леонид Наумович пришел к выводу, что «первым, кто ввел этот сюжет, этих персонажей в художественную прозу, был Владимир Иванович Даль».

Ученый обратил внимание на то, что в ряду источников, ставших фактической основой книги «Сибирь и каторга», С. Максимов называет рассказ В. И. Даля «Ссылный».

Анализируя указанный первоисточник, оренбургский ученый предпринимает скрупулезный анализ этого произведения, сравнивая его как с реальным архивным делом.

Так как повесть Л. Н. Большакова оказалось малоизвестной украинскому читателю, в предлагаемой статье мы решили с некоторыми сокращениями опубликовать отрывок из одиннадцатой главы, в котором Л. Н. Большаков анализирует рассказ В. И. Даля «Ссылный» и сравнивает художественное произведение с реальным архивным делом [8].

***

Л. Большаков.

«Рассказ «Ссылный» является неотъемлемой составной частью своеобразной повести «Небывалое в былом, или Былое в небывалом». Впервые она увидела свет в журнале «Отечественные записки» в 1846-м. Написана же, конечно, была раньше. Мы отмечаем этот факт для того, чтобы подчеркнуть, как мало времени отделяло художественное произведение описанного события от происшествия действительного, подлинного [7].

Владимир Иванович узнал о нем еще в Оренбурге, где с 1833 г. служил чиновником особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском. Будучи одним из ближайших его сотрудников, Даль находился в курсе всего, что происходило на территории этого обширнейшего края Российской империи. Тем более, что он все более приобщался к литературе, а это требовало пытливого взглядывания в жизнь, поиска оригинальных сюжетов и ярких персонажей-образов.

Мигурские не могли не привлечь его внимания. Оставив Оренбург до того, как дело было решено полностью и окончательно, Даль имел возможность узнать его «концовку» в Министерстве внутренних дел, где занял должность чиновника по особым поручениям.

Но обратимся к самому рассказу.

Он возникает в подтверждение слов конного егеря о том, что «каждый... может попасться в плен» и «надо готовиться на все». Эта тема его занимает, и молодой человек говорит, как много «придумывали люди, чтоб избавиться от плена или заключения», а далее, порассуждав на сей счет, подходит непосредственно к сюжету: «Вот подобный случай, которого я был свидетелем».

Свидетелем мог с полным основанием назвать себя и Даль.

«В весьма отдаленном от средоточия государства городке, или в пограничной крепости, на тех границах, где побеги почти невозможны, особенно для семейного человека

Далевское литературоведение. Вып. 2.

- состоял в гарнизоне рядовой, разжалованной и сосланный туда за политический проступок...»

Ни названия «городка», ни местоположения «границ» автор не дает, как не приводит имен-фамилий. Слишком мало времени прошло со времени событий, ничто не стало историей, все действующие лица были живы – и это требовало от автора особой осторожности в обращении с фактами.

«...Невеста последовала за ним; они обвенчались, но одного этого не было достаточно для их счастья; плен, неволя, ранец да перевязь - вот что сокрушало бедняка. Со дня на день тоска по отчизне усиливалась и наконец обратилась, можно сказать, в неистовство: как он, так и она, готовы были посягнуть на всякую крайность, лишь бы избавиться от этого положения. Ребенок, умерший вскоре по рождении, усиливал еще грусть родителей, которые все бедствия свои, даже и смерть младенца, приписывали нынешнему положению своему и которых день и ночь занимала изуверная мысль вывезти, во что бы то ни стало, даже и самый прах младенца из этой несчастной для них земли».

О Мигурских он пишет с явным сочувствием, и это ощущается в каждой строке...

«...Но что тут делать и как быть? бежать просто - поймают, и будет хуже прежнего; одному можно бы еще решиться, но с молодой женой?»

Наконец, вечером, - это было летом, - внезапно разнесся слух, что бедняк утонул или утопился. Начальство кинулось к нему в дом и нашли жену его в отчаянных слезах, едва ли не без чувств. На берегу реки найдена была одежда его; он, по словам жены, пошел купаться и не возвращался. Труп не могли отыскать; река быстра, полагали, что его унесло водой...»

«Летом» - вместо ноября – понадобилось Далю для подкрепления слов героини о том, что муж «пошел купаться». А вот то, что «начальство кинулось» на квартиру польской четы, идет от того же начальства, которому выгодно было выставлять себя в свете более выгодном.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Отсюда же и последующее:

«Местное начальство приняло самое живое, родственное участие в положении молодой вдовы. Ей не только оказывали всякого рода помощь и пособие, не только старались утешить искренним соболезнованием, но исходатайствовали для нее даже денежное пособие, для отправления на родину – в Галицию, снабдили дорожным экипажем и назначили, по отдаленности края, надежного провожатого, хорошего казака...»

Ни о месяцах томительного ожидания, ни о том, чего стоило получение пособия, ни о подозрении, которое не снималось ни с «утопленника», ни с «вдовы», в рассказе нет ничего. Искренность «доброжелателей» под сомнение не берется; на фоне «притворства» женщины она выглядит еще внушительнее.

И вот – сам побег.

«...Казаку, которому было приказано угождать во всем вдове (при ней была, впрочем, еще и девка, также из Галиции), наперед всего показалось несколько странным, что барыня во всю дорогу закрывает и застегивает кругом весьма тщательно тарантас, между тем как на дворе стояла невыносимая жара и путницу парило в закрытом экипаже, как в бане. Казак также заметил, что, прибыв на станцию, барыня всегда с особенным старанием отгоняла его от приступка, если услужливый провожатый подходил, чтоб спросить, не угодно ли выйти; а через несколько времени казака обыкновенно опять подзывала и приказывала открыть тарантас. Далее, обращая на все это про себя внимание, он стал поглядывать с какой-то недоверчивостью на рундук, подделанный изнутри тарантаса под козлами и по-видимому закрытый наглухо, кругом.

По временам, когда тарантас внезапно останавливался, казак прислушивался, и ему казалось, что он слышит какой-то шепот и замечает в тарантасе необыкновенное движение и суету. Все это рождало в провожатом только неопределенные подозрения; но судьба решила вывести его из этого недоумения – показать дело налицо...»

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Не противореча в главном документам, не пренебрегая показаниями, Даль – устами рассказчика-егеря – использует право художника на домысел, на подчеркивание и обыгрывание деталей, на собственное видение каких-то моментов. И мы замечаем рундук – в материалах следствия не выделенный, вместе с провожатым обращаем внимание на «необыкновенное движение»; судя по показаниям казака Еремина, его насторожил только однажды услышанный за спиной мужской голос.

«...В одно утро, когда путница отъехала уже от места на несколько сот верст, тарантас мчался по весьма неровной дороге; от сильного толчка доска под козлами, на которых сидели и ямщик, и казак, с одного конца провалилась и встретила такое сильное противодействие, что не только внезапно поднялась на свое место, но даже и выше, едва не сбросив с козел и ямщика, и казака; а вслед за тем доска опять провалилась. Стой! - закричал казак, соскочил с козел, силою сорвал запон и встретился с бедным утопленником нос к носу...»

В показаниях едва упомянутая, здесь эта злополучная доска оказывается в поле пристального внимания и непосредственно подготавливает событие решающее – обнаружение и поимку беглеца.

Далее как в документах из дела:

«...Неутешная вдова сулила казаку все, что деньгами при ней было; а когда это не помогло, то отчаянный беглец хотел прибегнуть к последнему средству, данному природой каждому живому существу в крайних случаях - обороне. И это не удалось: удар прикладом пистолета в голову обезоружил несчастного, а встретившиеся в эту минуту извозчики с обозом помогли его связать...»

В заключение автор бросает несколько выразительных штрихов. Одни соответствуют официальным данным, другие в чем-то расходятся, но... доверие к рассказу полное. Писатель мог пользоваться и не документальными источниками, а, скажем, информацией очевидцев или даже участников событий. Ведь пишет же Даль: «случай, которого я был свидетелем». Правда, напомним: эти слова вложены в

Далевское литературоведение. Вып. 2.

уста некоему молодому конному егерю, однако свидетелем мог быть и сам повествователь – обстоятельность рассказа тому подтверждение.

А вот и заключительные строки.

«...В ближайшем городке бедняка сдали местному начальству, а когда осмотрели в подробности тарантас и все пожитки их, то нашли, между прочим, какой-то загадочный ларчик, в котором оказались останки умершего младенца. Предполагая уже в то время побег свой, они схоронили порожний гроб, а труп спрятали в погреб, чтобы не оставить на чужбине и драгоценных косточек. В этом же погребе сидел мнимый утопленник во все время до отъезда; затем для него под козлами тарантаса был устроен особый рундук; а как ему было лежать там тесно и душно, то запон тарантаса в продолжение пути тщательно застегивался и узник выползал оттуда подышать воздухом. Проломившаяся доска обнаружила все и передала несчастного в руки правосудия».

Рассказ Даля интересен во многих отношениях. Во-первых, это рассказ современника. Во-вторых, первый рассказ о Мигурских в художественной литературе, написанный по горячим следам событий.

«... - Вы говорите, что были свидетелем этого происшествия? - спросил другой собеседник.

- Да, - отвечал тот, - и случай этот был в свое время очень известен; я не был при том, как казак поймал бедного утопленника, но, между прочим, даже сам видел впоследствии подсудимого...»

Даль Мигурского видеть мог.

Скажем, в том же Оренбурге, где служил в канцелярии военного губернатора и куда беглеца доставили вскоре после поимки.

И это тоже важно. Рассказ писал человек, взволнованный встречей - личной встречей - с тем, кто становился одним из его героев...

Алексей Максимович Горький отзывался о Дале так:

«Его очерки – простые описания природы, такую, какова она есть. Эти очерки имеют огромную ценность правдивых исторических документов... Даль не художник, он

Далевское литературоведение. Вып. 2.

не пытается заглянуть в душу изображенных им людей, зато их внешнюю жизнь он знает, как никто не знал ее в то время».

Именно В. И. Далью выпала честь ввести Мигурских в русскую литературу.

Таким образом, мы вправе сделать вывод о том, что без знакомства с рассказом В. Даля «Ссылный», в книге С. Максимова, возможно, не было бы страниц с интереснейшим историческим сюжетом, взволновавшим Л. Н. Толстого, а значит, не было бы его замечательного рассказа «За что?»

Литература

1. **Толстой Л. Н.** За что? / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : В 90 т. – М., 1957. – Т. 42. – С.84-106.
2. **Максимов С. В.** Сибирь и каторга / С. В. Максимов. – СПб., 1908 – 1913. – Т. I – IV. – Т. 3. – С. 356. 3. **ГАОО.** – Ф. 6. – Оп. 5 – 6. – Ед.хр. 11604. 4. **Большаков Л. Н.** Дело Мигурских / Л. Н. Большаков // Прометей : Ист.-биограф. альм. – М., 1971. – Кн.8. – С. 131-147. 5. **Большаков Л. Н.** Оренбургская Толстовская энциклопедия. Материалы. Поиски. Исследования. Хроника / Л. Н. Большаков. – Оренбург : Печат. Дом «Димур», 1997. – С. 230-338.
6. **Большаков Л. Н.** Оренбургская Толстовская энциклопедия // <http://artlib.osu.ru> 7. **Даль В. И.** Небывалое в бывалом, или Былое в небывалом / В. И. Даль // Даль В. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. – СПб. ; М. : Изд. товарищества М.О. Вольф, 1897 – 1898. – Т. 2. – С. 93-98. 8. **Большаков Л. Н.** Оренбургская Толстовская энциклопедия. Материалы. Поиски. Исследования. Хроника / Л. Н. Большаков. – Оренбург : Печат. Дом «Димур», 1997. – С.326-331.

Аннотации

Большакова Т. Л. Первым о Мигурских рассказал В. Даль

В статье опубликован отрывок из одиннадцатой главы повести Л. Н. Большакова «Дело Мигурских» (1971), в которой проанализирована творческая история рассказа Л. Н. Толстого «За что?» В ряду источников, ставших

Далевское литературоведение. Вып. 2.

фактической основой книги «Сибирь и каторга», С. Максимов называет рассказ В. И. Даля «Ссылный» из повести «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» (1846). В свою очередь Л. Н. Толстой при создании рассказа «За что?» опирался на указанную работу С. Максимова.

Ключевые слова: творческая история, литературная параллель, источник, архивное дело.

Большакова Т. Л. Першим про Мігурських розповів В. Даль

У статті опубліковано уривок з одинадцятого розділу повісті Л. Н. Большакова «Дело Мигурских» (1971), у якій проаналізовано творчу історію оповідання Л. М. Толстого «За что?» У ряду джерел, які стали фактичною основою книги «Сибирь и каторга», С. Максимов називає оповідання В. І. Даля «Ссылный» з повісті «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» (1846). В свою чергу Л. М. Толстой при створенні оповідання «За что?» спирався на вказану роботу С. Максимова.

Ключові слова: творча історія, літературна паралель, джерело, архівна справа.

Bolshakova T. L. The first who told about Migursky was V. Dal

The paper published an excerpt from the eleventh chapter of the story L. N. Bolshakov «Migurskys' Case» (1971), which analyzed the creative history of Leo Tolstoy's story «For what?» In a number of sources which have become the actual basis of the book «Siberia and penal servitude», S. Maximov calls story of Dal «The Exile» from the story «The Unprecedented in the» Past» (1846). In turn, Tolstoy during the creating of the story, «Why?» relied on the works of S. Maximov.

Key words: creative history, literary parallels, the source, archival work.

*В. П. Царёва
(Луганск)*

***ДАЛЕВСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В
ИССЛЕДОВАНИИ В. П. ТИМОФЕЕВА
«ДРУГОЕ СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»***

Проблема «Слово о полку Игореве» и В. И. Даль» рассматривалась несколькими учеными в аспекте накопления материала для постижения разносторонней деятельности выдающегося лексикографа, фольклориста и литератора XIX в.

Ю. А. Ененко в 1988 г. первым поставил вопрос о наличии фразеологии «Слова о полку Игореве» в словаре В. И. Даля и обратил внимание на его суждение о летописях и «Слове» как потенциальных пареомнологических источниках [1]. Ю. П. Фесенко в 2000 г. значительно расширил ареал изучения темы, дополнив наблюдения предшественника новым материалом, показав многоаспектность отношений В. И. Даля к древнерусскому произведению и существенно углубив ее филологическое толкование [2]. Например, он привел в своей статье фрагмент стихотворения, которое Владимир Иванович решил вложить в уста легендарного Баяна. Н. Л. Юган в своей статье 2004 г. продолжила поиски в данном направлении и выявила целый ряд параллелей между «Словом» и произведениями из далевского цикла «Были и небылицы» [3]. Она охарактеризовала обращения писателя XIX в. к древнерусскому памятнику в сказке «О Милонеге» и в произведении «Илья Муромец». В. И. Даль в своих текстах обильно цитирует гениального предшественника, стремясь подчеркнуть преемственность в решении батальной тематики, создании национального образа воина. Автор статьи находит точки соприкосновения обоих писателей как в концептуальной сфере, так и в создании образной системы названных произведений, в стилистических решениях. Исследователи

Далевское литературоведение. Вып. 2.

единодушно отмечают, что В. И. Даль активно способствовал популяризации древнерусского текста.

Кроме вышеназванных работ, необходимо упомянуть об одиннадцати статьях в пятитомной «Энциклопедии «Слова о полку Игореве» (1995), в которых привлекаются далевские материалы. Мы встретим упоминания его имени в связи с уточнением значений слов «бусый», «червленный», «деремела», «жля», «мысь (мысль)», «припевка», «див», «на кусту» [4, с. 338]. Авторы энциклопедических статей отмечают, что В. И. Даль доверял первым издателям памятника и поддержал зооморфическое и орнитологическое толкования слов. Он принял конъектуру Н. П. Корелкина, опиравшегося в свою очередь на мнения покойного Н. А. Полевого и незабвенного А. С. Пушкина по поводу фрагмента «растекашется мыслию по древу», который считал возможным заменить ошибочное «мыслию» прилагательным «мысиный» (от «мысь» - диалектное «белка») и отсюда следовал вариант перевода «по мысину древу» [5, с. 79]. В. И. Даль весьма осторожно высказался о близких по форме и значению слова, сохранившихся в русских говорах. А в «Напутном» к сборнику пословиц признавался: «Ни в какую старину я не вдавался, древних рукописей не разбираю, а вошедшая в этот сборник старина попадала туда из печатных же сборников» [6, с. 6]. В «Энциклопедии «Слова о полку Игореве» нет отдельной статьи, посвященной В. И. Далю, а между тем эта лакуна нуждается в заполнении, о чем красноречиво свидетельствуют вышеназванные исследования луганских ученых.

В 2007 г. издана монография московского исследователя В. П. Тимофеева «Другое Слово о полку Игореве», в котором подвергаются коренному пересмотру многочисленные образы произведения. Скупые сведения о личности исследователя, пришедшего в науку из разведки в конце девяностых годов и безвременно погибшего, приводятся в предисловии В. Н. Ильина. Автор книги обладал энциклопедическими знаниями, был полиглотом. Книга сопровождается высокими оценками ученых-историков: В. Н. Ильина, О. М. Рапова и Н. С. Борисова. Серьезная и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

детальная филологическая оценка его работы – дело будущего. Интернет-высказывания не отличаются основательностью.

Целью нашей статьи является определение роли и функции трудов В. И. Даля в контексте новой работы о «Слове о полку Игореве». В. П. Тимофеев исходит из доверия к Автору и его тексту, обращаясь к первому изданию и екатерининской копии, что позволяет ему отказаться от многих версий, которые он оценивает как сомнительные интерпретации произведения. Исследователь называет некоторые источники, которые способствовали осуществлению нового прочтения древнерусского произведения, - словари славянских языков и Библия на церковнославянском языке. Весьма плодотворным для него оказалось суждение испанского переводчика о перспективах толкования библейских мотивов в «Слове» через призму старинного славянского перевода книги книг, чего лишены западные народы, читавшие ее в XII в. только на латинском языке.

В данном случае позиция В. П. Тимофеева совпадает с ходом мысли М. В. Ломоносова о потенциальных возможностях использования архаических переводов. В свое время он еще в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758) писал о значении и плодотворности раннего обращения славян, в отличие поляков и немцев, к отменной красоте, изобилию, важности и силе эллинского слова. «Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. Присем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы

Далевское литературоведение. Вып. 2.

не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно» [7, с. 423].

Эта сокровищница помогает устранить зияния в наших представлениях о древней словесной культуре, и В. П. Тимофеев активно использует данный лексический потенциал в своей работе, получившей альтернативное название «Другое Слово о полку Игореве» [8]. Книга представляет собой развернутый комментарий к «Слову», в котором используются реминисценции и аллюзии из произведений более позднего времени: «Драма на охоте», «Кто слышал звон?», «Об огнях – пожарищах, о друзьях – товарищах...» (намек на одноименное произведение А. П. Чехова, имеющее подзаголовок *«Из записок судебного следователя»*, экранизированное под названием «Мой ласковый и нежный зверь»; на пословицу «Слышал звон, да не знает, где он» и цитата из припева известной песни на слова И. Френкеля «Давай закурим»). Современные и классические ассоциации способствуют приближению памятника словесности к теперешнему читателю, создавая непротиворечивую версию. Каждый раздел книги подытоживается предлагаемым вариантом перевода, а в конце приводится полный текст по первому изданию с небольшими конъектурами, синтаксическими уточнениями и новое переложение.

Начальной фразе из «Слова» «Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий...» исследователь приводит девять параллелей и убедительно доказывает значение слова «труд» как «ратного дела». Дословный перевод этой части зачина «Не следовало ли бы спеть...», а литературный «А не спеть ли нам, братия, старыми словами сказанья ратные...». Фрагмент «Боянь бо вещь, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслію по древу, серым вълком по земли, шизым орломъ подь облакы, помняшет бо речь първыхъ времен усобице. Тогда пуцашеть $\hat{\text{I}}$ соколовъ на стадо лебедей, который

Далевское литературоведение. Вып. 2.

дотечаше, та преди песь пояше». Он доказал, что первоначальное значение слова «растекается» означает «бежать, сигать или быстро передвигаться», «мысль» – «охота», о которой писали В. Мономах, А. С. Пушкин, а «Владимир Даль внес в свой словарь следующие фразы: «Охоту держать – дом разорять»; «Мы охоту перевели, собак борзых и гончих». Причем вторая фраза дается в усеченном виде и с изменением знаков препинания. У В. И. Даля: «Он охоту держит; мы охоту перевели – собак, борзых и гончих». Сохранившаяся также со времен царя Алексея Михайловича охотничья лексика и память о сцене охоты в романе Л. Н. Толстого помогает понять современному читателю эмоции, переживаемые героями, и представить динамику самого процесса. А исследователь соотносит образность данного эпизода со сценой пляски Василисы Премудрой и выразительностью сцен в поэзии азербайджанского современника Низами Гянджеви. В. И. Даль вслед за Пушкиным зафиксировал экономическую подоплеку толкования слова «охота», и именно это обстоятельство вносит дополнительную краску в историю двух слов «мысль» и «охота».

Для интерпретации слова «древъ» (а не «древ») В. П. Тимофеев привлекает шведское «drev», что значит «гон, территория гона», и вместе с тем отмечает корневую близость этого иностранного слова с понятием «древлянский». При этом он обращается к эпизоду из «Повести временных лет» (под 975 годом) об убийстве сына шведского воеводы Люта Свенельдича князем Олегом Святославичем как ярком свидетельстве начала братоубийственного противостояния. Современный исследователь в данном случае опирается на интерпретацию М. В. Ломоносова, который писал о злом самовольстве Люта, приведшем к столь плачевным последствиям.

Рассматривая сочетание «та преди песь пояше», он убедительно доказывает, что первоиздатели сознательно не допустили исправления слова «пес» или «пёс» на слово «песнь», и предлагает завершить этими словами предложение. «Пре́ди» обозначает не «первая», а «раньше,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

прежде». Глагол «пояше» чаще встречается в значении «пояти» (взять, схватить) и переводится как «хватал, ловил, брал», о чем свидетельствуют многочисленные летописные эпизоды, но возможна аналогичная форма и от другого глагола «пети». В данном случае исследователь не ссылается на В. И. Даля, в словаре которого слово «ятие» имеет следующие значения «бранье, взятие; ловля, ловитва, емля, иманье». Тракуемое обычно как указательное местоимение женского рода слово «та» в данном контексте выступает в роли соединительного союза «да, и».

В. П. Тимофеев ломает стереотипы, проясняет, полемизирует с языческой и тюркологической интерпретациями текста, ведущими к его деконструкции. Он исходит из того, что славянские народы находились во взаимодействии с другими европейскими народами и имели культурные контакты с восточными, но при этом многие явления могли типологически соотноситься, а не были результатом механического заимствования. Его возмущает отсутствие веры у многих современных ученых в творческие способности своего народа.

Прямых обращений к трудам В. И. Даля в монографии В. П. Тимофеева 60, из них 40 – к словарю, 20 – к пословицам и загадкам. Фактически в каждом разделе исследования используется словарь и «Пословицы русского народа». Но есть и очень важные косвенные: например, критическое отношение к норманской теории и недоумение по поводу игнорирования ценностей, которые лежат под ногами. Книга издана посмертно, и этим, очевидно, объясняются как некоторые повторы, так и досадные ошибки с инициалами В. А. Жуковского и Л. Н. Гумилева.

Авторский замысел «Слова» состоял, прежде всего, по мнению исследователя, в нахождении истоков княжеской усабицы. В разделе «О Бояне и старых словах» В. П. Тимофеев доказывает, что обращение к архаизмам является традиционным в поэтическом искусстве, и автор прямо заявил об этом. Но большинство исследователей отнесли эти слова к творческой манере Бояна, а «Автор же якобы сочинял только «по былинам сего времени», то есть

Далевское литературоведение. Вып. 2.

новыми словами, на новый лад». В. П. Тимофеев утверждает, что архаизация, а также употребление омонимов, варианты организации текста – часть эстетических установок древнерусского творца. Ключевой темой книги является доказательство логичности как основного свойства древнерусского, русского и других славянских языков.

В. П. Тимофеев настаивает на том, что Боян, «свивая славы обаполы сего времени», имел ввиду «воспевая день сегодняшней». Доказывая родство слов «вития», «свивати», означающие «хвалебную речь», «воспевание», о чем свидетельствует и В. И. Даль поговоркой «Не пой высоких стихов». Лексическое богатство древнерусского языка позволило Автору виртуозно избежать повтора.

Слово «бусый» («время Бусово», «бусуви врани»), как и «червленый», исследователи привычно относят к хроматической гамме в образной системе произведения, опираясь на диалектные толкования из словаря В. И. Даля, «темно-голубосерый» «избура-серый», «буро-дымчатый», «буро-пепельный», а В. П. Тимофеев предлагает интерпретацию «Святославово». Загадочный этноним «Деремела» В. П. Тимофеев объясняет характерной для прибалтов чехардой согласных для одного и того же топонима: «Юрьев» – «Дерпт» - «Гарту», что позволяет ему перевести это древнее название по аналогии с географическими реалиями прошлого словом «Ливы».

Он приводит внятные доказательства троичности значения слова «Кашей», в котором слились народные представления об испражнениях, множественности и длительности нашествий иноплеменных, породивших рабство, и оценка ростовщичества.

Слова «карна и жля» исследователь переводит «рожок протрубил». Кстати, в этом случае его предшественником или единомышленником является еще один луганский исследователь «Слова» Н. И. Никульников [9, с. 13, 32], предложивший читать «карнай» (во множественном числе «карнаи»).

Лексические трудности преодолеваются также обращением к летописям, Кириллу Туровскому, Даниилу

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Заточнику, «Задонщине», что позволяет ученому реконструировать многие «темные места», базируясь на этимологии и смысловых феноменах. Семантический веер, представленный в богатейших собраниях В. И. Даля, позволяет ему реконструировать истоки образности, давшей толчок творчеству С. А. Есенина.

В. П. Тимофеев высоко оценивает плодотворность далевских сокровищниц как зафиксированный важнейший этап в жизни народного языка. Чаще всего это обращение к трудам В. И. Даля как к самой авторитетной инстанции, как звену в цепи семантической метаморфозы слов. В двух случаях мы становимся свидетелями полемики: по поводу слов «жля» и «на кусту». Семантические новации исследователя очень существенны для рецепции текста.

Тимофеевский ракурс определяется его озабоченностью тем, что многие исследователи выбирают окружной путь изучения памятника, и это приводит к преобладанию восточных тенденций в толковании текста. Дискредитируя их аргументы, В. П. Тимофеев добивается реконструкции смысла «Слова», часто моделируя ситуации прошлого через призму будущих представлений о явлениях. Им отбрасываются фривольные версии, на которые так часто падок современный исследователь и к которому как единственному мерилу приучается сегодняшний читатель. Он активно ратует за то, чтобы прекратить тиражирование псевдоценностей. Им прослеживается историческая судьба образов, обусловленная связью с миром конкретных явлений, что было близко эстетическим позициям В. И. Даля. Роднит их также уверенность в подлинности и национальном своеобразии культурного шедевра.

Литература

1. **Ененко Ю. А.** Фразеология «Слова о полку Игореве» в Толковом словаре В. И. Даля / Юрий Александрович Ененко // Творческое наследие В. И. Даля в идейно-нравственном формировании личности: Тез. докл. и сообщ. Четвертых Далевских чтений. – Ворошиловград, 1988. – С. 77-78.
2. **Фесенко Ю. П.** В. Даль и «Слово о полку Игореве» / Юрий

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Павлович Фесенко // «Слово о полку Игоревім» і Луганщина / За ред. В. С. Курила. – Луганськ : Знання, 2000. – С. 76 – 82.

3. **Юган Н. Л.** «Слово о полку Игореве» в историко-культурном пространстве (древнерусский литературный памятник в «Былях и небылицах» В. И. Даля) / Наталья Леонидовна Юган // Мова і культура. (Науковий щорічний журнал). – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип. 7. – Т. IX. Актуальні проблеми сучасної філологічної науки. – С. 80-86.

4. **Энциклопедия** «Слова о полку Игореве». – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. – Т. 5. Слово Даниила Заточника – Я. Дополнения. Карты. Указатели. – 399 с.

5. **Энциклопедия** «Слова о полку Игореве». – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. – Т. 3. К – О. – 387 с.

6. **Даль В. И.** Пословицы русского народа / Владимир Иванович Даль. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. – Т. 1. – 480 с.

7. **Ломоносов М. В.** Избранная проза / Михаил Васильевич Ломоносов; сост., предисл. и коммент. В. А. Дмитриева ; оформл. М. З. Шлосберга ; портр. М. В. Ломоносова работы Ф. И. Шубина. – 2-е изд. – М. : Сов. Россия, 1986. – 544 с.

8. **Тимофеев В. П.** Другое Слово о полку Игореве / Вячеслав Петрович Тимофеев. – М. : Издательский дом «Вече», 2007. – 432 с.

9. **Никульников Н. И.** Слово о полку Игореве без «темных» мест. Авторская версия. – Изд. 2-е, доп. / Николай Иванович Никульников. – Луганск : Луганское областное отделение Фонда культуры Украины. – 63 с.

Аннотации

Царева В. П. Далевская аргументация в исследовании В. П. Тимофеева «Другое Слово о полку Игореве»

В статье рассматривается совокупность доводов из словаря и сборника пословиц В. И. Даля, использованных в монографии российского исследователя В. П. Тимофеева «Другое Слово о полку Игореве». В. П. Тимофеев прослеживает историческую судьбу образов, обусловленную связью с миром конкретных явлений, что было близко эстетическим позициям В. И. Даля. Роднит их также

Далевское литературоведение. Вып. 2.

уверенность в подлинности и национальном своеобразии культурного шедевра.

Ключевые слова: толкование, семантика образов, реконструкция, «темные места», перевод.

Царьова В. П. Далівська аргументація у дослідженні В. П. Тимофіїва «Другое Слово о полку Игореве»

У статті розглядається сукупність доказів зі словника та збірки прислів'їв В. І. Даля, використаних у монографії російського дослідника В. П. Тимофіїва «Другое Слово о полку Игореве». В. П. Тимофіїв простежив історичну долю образів, що зумовлена зв'язком зі світом конкретних явищ, які були близькі естетичним позиціям В. І. Даля. Споріднює їх також впевненість у справжності та національній своєрідності культурного шедевра.

Ключові слова: тлумачення, семантика образів, реконструкція, «темні місця», переклад.

Tsareva V. P. Dai's argument in the study V. P. Timofeev «Another Lay»

This article describes a set of arguments from the dictionary and a collection of proverbs Dahl, which were used in the monograph of the Russian explorer V. P. Timofeev «Another Lay». VP Timofeev traces the historical fate of images, due to the coupling with the world of concrete phenomena, which was close to aesthetic positions of Dahl. Also their confidence in the authenticity and originality of the national cultural masterpiece made them closer.

Key words: interpretation, the semantics of images, reconstruction, «dark places», translated.

УДК 882.6.09-3

*П. П. Ткачева
(Минск)*

**«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО
ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ГРАНИЦ ЖАНРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В. С. ВЫСОЦКОГО «ЖИЛ-БЫЛ ДОБРЫЙ
ДУРАЧИНА-ПРОСТОФИЛЯ...»**

Одной из особенностей состояния современного литературного процесса является появление новых (их можно назвать инновационными или авторскими) жанров. По сути своей инновационные жанры и являются тем двигателем, без которого невозможно себе представить развитие литературы в целом. Определение таких жанров и их анализ связаны с целым рядом сложностей, так как инновационный жанр нарушает каноны классических (уже сложившихся) жанров, а значит, создает свои собственные правила. Инновационные изменения можно наблюдать на разных уровнях построения произведения: на сюжетном, на композиционном, на уровне системы персонажей и т. д. [1, с. 102-105]. В современной литературе есть авторы, произведения которых представляют собой целиком и полностью систему инновационных жанров. Таким, например, является творчество В. С. Высоцкого. Ряд его произведений, написанных в жанре антисказки, притчи и т. д., требуют детального (пословного) изучения в связи с тем, что каждое слово его произведений несет в себе по несколько смысловых, сюжетно и образно образующих нагрузок. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля позволяет раскрывать не только прямой смысл слова, но и понять закладываемые в это слово на протяжении столетий смыслы, которые использует В. Высоцкий. Так, например, слово «судьба» именно в значении «суд Божий» [2, с. 355]

Далевское литературоведение. Вып. 2.

имеет сюжетобразующее значение для произведения В. Высоцкого «Две судьбы» [3, с. 240-246], а определение по В. И. Далью притчи легло в основу раскрытия границ жанра другого произведения В. Высоцкого «Притча о правде и лжи» [4, с. 169-173].

В данном исследовании мы при помощи «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля будем анализировать простое для восприятия, но довольно сложное для анализа (в связи с несколькими заложенными в это произведение философскими концепциями) произведение В. Высоцкого «Жил-был добрый дурачина-простофиля...». Нашей задачей является раскрытие единства содержания и формы произведения В. Высоцкого с целью определения границ его жанра.

С первых строк мы знакомимся с главным героем:

Жил-был добрый дурачина-простофиля.

Куда только его черти не носили!

Но однажды, как назло,

Повезло –

И в совсем чужое царство занесло [5, с. 224].

В этих нескольких строках перед нами раскрывается не только характеристика героя, но и завязка произведения, а также основная философская концепция, которая должна получить в дальнейшем свое развитие. Однако, следует рассмотреть все по порядку. Произведение начинается традиционным сказочным «жил-был», своеобразным определением жития-бытия как рода и образа жизни. «У него житья-бытья всего один кафтан на плечах» [6, с. 545]. Фразой «жил-был» автор выделяет жизненное пространство главного героя, акцентируя внимание читателя (слушателя) на его персоне. Но кто же все-таки «жил-был»? Ответ прост – «добрый дурачина-простофиля». На первый взгляд, данное определение главного героя выглядит довольно противоречиво. В. И. Даль определяет «добрый» как «дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный, добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу, мягкосердный, жалостливый <...>» [6, с. 443]. Все это плохо сочетается с «дурачиной». Ведь слово «дурачина» мы

Далевское литературоведение. Вып. 2.

используем, когда говорим о дураке («глупец, неразумный, глупый и самонадеянный», поскольку дурачине свойственны «безрассудные поступки» [6, с. 502]). И это еще не все: ведь главный герой не просто «дурачина», он еще и «простофиля» – «простак, несмышленный, глуповатый» [7, с. 514]. Получается, что главный герой – дельный, сведущий, умеющий, <...> любящий добро, неразумный, самонадеянный глупец. Однако, следует учесть, что «добрый» имеет еще и значения с оттенками иронии, добрый в значении «слабый умом и волей»: «Научат добрые люди решетом воду носить» [6, с. 444]. Тогда в данном ироническом контексте все становится на свои места. Наш герой – неразумный самонадеянный глупец, он слаб умом и волей, хотя и не лишен «жалостливости». На все эти качества указывают и его действия (вернее сказать, бездействия) в завязке. Ведь герой данного произведения перемещается не сам, а его «носило» и в результате – «занесло». В. И. Даль пишет: «По грам. нет разницы между нести и носить, но по употреблению, нести можно бы назвать однократным, определенным, или окончательным, а носить, сравнительно с ним, многократным, неопределенным, неокончательным: таскать, мыкать, подымая перемещать» [8, с. 537]. В начале героя мыкали, таскали, перемещали, а затем его «занесло» («занести – относить мимоходом, принести по пути <...> увлекать, уносить далеко, переносить куда силою, затащить <...> Куда тебя нелегкая занесла?» [6, с. 608]), то есть попросту перенесло куда-то силою. Поскольку все эти действия направлены на предмет без воли, то главный герой, судя по всему, даже и не думал сопротивляться тому, что бы его перемещали в пространстве черти. Дурачине-простофиле повезло, причем не просто повезло, а «как назло, повезло», опять-таки совмещение несовместимых понятий, ведь назло – это «для причинения зла, в досаду» [8, с. 416]. А повезло или везет тому, кому «служит счастье» [6, с. 227]. Получается, что счастье служило этому герою не во благо, а во зло. Но в данном случае ведь и быть не могло по-другому: его везение было от нечистой силы, так как сам дурачина-простофиля ничего делать не хотел. Вот и занесло его в «чужое царство».

Далевское литературоведение. Вып. 2.

А ведь «по чужим дорогам ходить» – это значит «просить, собирать» [2, с. 613], что еще раз подчеркивает иждивенческий характер главного героя. Между тем царство («вся страна под одним государем» [2, с. 571]), в которое занесло героя, оказалось без царя (а ведь «нельзя царству без царя стоять» [2, с. 571]). Герой напуган, для него такой поворот судьбы неожидан:

Слезы градом – так и надо

Простофиля:

Не усаживайся задом

На кобыле,

Ду-ра-чи-на! [5, с. 224].

С одной стороны, выражение «слезы градом» характеризуют героя как человека, способного на «сильное чувство» [2, с. 219], но, с другой стороны, ощущается гиперболизация ситуации, так как слезы у героя льются «градом», как у маленького плаксивого ребенка. Кроме того, дурачина-простофиля вообще и не видел, куда его несло, так как ехал он на кобыле, да еще «задом» (спиной). Кобыла – это самка лошади, и хотя «кобыла не лошадь, баба не человек» [8, с. 127], кобыла – это все же конь, а конь – символ судьбы [4, с. 172]. Хоть в данном случае символ судьбы конь, превращаясь в кобылу, приобретает иронический подтекст, он все равно имеет для героя судьбоносное значение, так как именно кобыла привозит героя в «чужое царство». В то же время он к своей новой жизни движется «задом», а это движение напоминает движение птицы, которая летит к небу вверх хвостом и при этом все время смотрит на землю. Именно с такой птицей один из первых теоретиков юмора немецкий писатель Жан Поль сравнивал юмор [9, с. 45]. Присутствие иронии и юмора в завязке произведения указывает на тот факт, что перед нами современный вариант сказочного пространства, так как произошла трансформация из сказочного в сказочно-юмористическое пространство. Следует отметить тот факт, что данное небольшое по объему произведение имеет два уровня завязки. Мы рассмотрели лишь первую завязку, в которой дурачина-простофиля попадает в чужое царство. Вторая завязка является

Далевское литературоведение. Вып. 2.

логическим продолжением первой, однако в ней целиком заложены все события, которые произойдут в ходе сюжета всего произведения до развязки:

*Посреди большого поля – глядь – три стула, –
Дурачину в область печени кольнуло, –
Сверху – надпись: «Для гостей»,
«Для князей»,
А на третьем – «Стул для царских кровей» [5, с. 224].*

Как следует из второй завязки, у героя три пути (это вполне характерно для классической сказки: например, «направо пойдешь», «налево пойдешь», «прямо пойдешь»). Но так как дурачина-простофиля сам никуда не ходит, то автор предлагает ему лучший вариант: не три пути, а три стула, причем три стула, как и три пути, находятся посреди большого поля (ситуация абсурда). Большое поле, с одной стороны, может символизировать государство с бескрайними просторами (СССР), с другой – глобальное для человеческой судьбы пространство (жизненный путь). В отличие от сказочного варианта развития событий, где на камне может быть написано: «Коня потеряешь», если пойдешь по данному пути, в произведении «Жил-был добрый дурачина-простофиля...» все три стула не имеют угрожающих надписей, а лишь подчеркивают статус человека, для которого они предназначены. Как уже выше было сказано, в этом юмористически сказочном царстве нет царя, зато есть три стула. Стул – «домашняя утварь», но в то же время в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «Стул, стар. стол // престол <...> Сидеть на царском стуле» [2, с. 348]. Однако, «престол» не один, а три, причем первый – «для гостей». «Гость – посетитель, пришедший по зову или незванный, навестить другого, ради пира, досуга, беседы» [6, с. 227]. Однако, герой не сам отправился в гости, да и хозяев также не видно. На стул «Для гостей» он попадает случайно, также случайно, как и все остальное, что происходит с ним:

*Вот на первый стул уселся
Простофиля,
Потому что он у сердца*

Далевское литературоведение. Вып. 2.

*Обессилен,
Ду-ра-чи-на!* [5, с. 224].

И ему везет, потому что:

*Только к стулу примостился дурачина,
Сразу слуги принесли хмельные вина,
Дурачина ощутил
Много сил –
Элегантно ел, кутил и шутил* [5, с. 224].

В соответствии с обстановкой простофиля-дурачина меняет свое поведение, он быстро адаптируется к новым обстоятельствам: ест он «элегантно», шутит и начинает кутить. «Кутить – мотыжничать, пьянствовать, кружить, жить очертя голову, отчаянно проказить, пить, буйнить» [8, с. 227]. Новый стиль жизни, та легкость, с которой все получается у героя, придает ему уверенность и «буйную» силу. Ведь сила – «источник, начало, основанная (неведомая) причина всякого действия, движения, стремления, понуждения, всякой вещественной перемены в пространстве» [2, с. 348]. Именно эта «причина» («источник всякого действия») еще и буйная. А буйный – это «смелый, храбрый, дерзкий, самонадеянный, кичливый, шумливый, бушующий, беспокойный, забиячливый, бурлиный, могучий, одолевающий, склонный к самоуправству, насилию, обидам» [6, с. 138]. Все определения слова «буйный», подходят к герою и к его поступкам, которые он совершает:

*Погляди-ка, поглазей –
В буйной силе
Влез на стул для князей
Простофиля,
Ду-ра-чи-на!*

*И сейчас же бывший добрый дурачина
Ощутил, что он – ответственный мужчина, –
Стал советы отдавать,
Крикнул рать,
И почти уже решил воевать* [5, с. 225].

Так простофиля-дурачина становится бывшим добрым дурачиной, поскольку с течением времени он уже

Далевское литературоведение. Вып. 2.

ощущает себя «ответственным мужчиной». В этом столкновении двух разных образов заложен иронический взгляд автора на своего героя. Однако, это внутренняя характеристика, внешне же герой становится князем, а князь ведь означает «начальник, властитель, владетель области, княжества» [8, с. 125]. Значит, на самом деле княжеством владеет дурачина-простофиля, почувствовавший «буйную силу». В. Высоцкий как бы наслаивает на образ новые и новые черты, подчеркивая в то же время, что, в общем-то, перед нами все тот же дурачина-простофиля, который появился в чужом царстве задом на кобыле, который занял откровенно чужое место, а теперь готов править, причем править буйно. Он «стал советы отдавать», но ведь на самом деле советы *дают*, а *отдают* только приказы. В этом соединении слов из двух разных устойчивых выражений заложен иронический намек на то, что герой хоть еще не обладает полной властью, но стремится к ней, что подтверждается следующими строками:

*Дальше – больше руки грей,
Ежли в силе! –
Влез на стул для королей
Простофиля,
Ду-ра-чи-на!*

*Сразу руки потянулись к печати,
Сразу топать стал ногами и кричати:
«Будь ты князь, будь ты хоть
Сам Господь –*

Вот возьму и прикажу запороть!» [5, с. 225].

Получается, что, когда дурачина-простофиля «влез на стул для королей», перво-наперво он совершает деяние, которое и должен совершить дурачина-простофиля. Его действия больше похожи на шутовской спектакль, так как вся власть ему была нужна, чтобы помечтать отдать приказ когонибудь «запороть». Посидев на всех трех стульях, дурачина-простофиля не совершил ни одного созидательного деяния, поскольку он кутил и гулял, будучи гостем, а в роли князя он хотел (правда, в силу своей лени не стал) воевать, когда же

Далевское литературоведение. Вып. 2.

получил королевскую власть, то стал угрожать запороть (и опять не выполнил своей угрозы). Наконец, наступает момент, когда герой вдруг решает издать указ об изобилии. Решение это ничем не мотивируется ни героем, ни автором. В. Высоцкий лишь намекает, что герой ведь был «добрым». Решение издать подобный указ совершенно не вписывается в предыдущие действия (точнее желания) героя. В этих строках звучат сатирические нотки:

*Но был добрый этот самый простофиля –
Захотел издать Указ про изобилье...
Только стул подобных дел
Не терпел:
Как тряхнет – и, ясно, тот не усидел...*

*И очнулся добрый малый
Простофиля
У себя на сеновале
В чем родили, –
Ду-ра-чи-на! [5, с. 226].*

Однако же стул «тряхнул» простофилю, само это действие для стула не свойственно, а вполне возможно для коня. Таким образом, главный герой появляется на кобыле в начале произведения, его же конь сбрасывает в конце произведения: перед нами кольцевое построение стиха. Если учесть, что конь – это судьба, то через свою судьбу главный герой возвращается туда, откуда пришел.

Разбирая образ главного (и можно сказать, единственного) героя, мы практически рассмотрели сюжет данного произведения. Следует отметить, что сюжетная линия содержит лишь элементы сказки, вернее сказать, сказочной оболочки. Высшие точки напряжения сюжета: завязка и кульминация имеют смехонаполнение. Причем если завязка включает иронию и юмор, то развязка имеет сатирическое звучание. На первый взгляд, сюжетная линия поддерживается философской авторской концепцией движения карьериста по служебной лестнице, налицо – стремление к власти и крах в тот самый момент, когда, казалось бы, все уже достигнуто. Есть даже мнение, что

Далевское литературоведение. Вып. 2.

прототипом героя являлся Н. С. Хрущев [10, с. 370]. Однако, данное произведение не имеет черт политического сарказма, оно содержит скрытую иронию, юмор, и только в конце юмор сменяется сатирой.

Попытаемся разобраться в авторской концепции. Несмотря на элементы сказочной оболочки, наполнение данного произведения антисказочное. Во-первых, нет сказочного действия, действие вообще почти отсутствует, ведь все происходит на трех стульях, и лишь до завязки героя где-то носило, а после развязки он оказывается на сеновале. Во-вторых, в произведении имеются сказочные превращения (например, стул в кульминации превращается в коня). Вообще все три стула обладают магической силой, однако все эти волшебные превращения похожи больше не на сказочные, а на аллегорические, так как звучат как намек на отношение современников автора к стулу (к креслу) как к рабочему месту, к должности. В стихотворении «Песня Понедельника» В. Высоцкий говорит об этом же более открыто:

Понятье «кресло» –

Интересно:

Ведь в креслах отдыхают, –

Так почему же словом «кресло»

Рабочье место

Называют? [11, с. 293].

Далее читаем:

Приятно, если

Сидишь на кресле, –

Оно не возражает.

И выбрать кресло –

Тожe лестно, –

Но чаще – кресло выбирает [11, с. 294].

Это, безусловно, перекликается с темой движения по должностной лестнице, которая просматривается в анализируемом произведении. Но следует отметить, что это не единственная философская линия, заложенная в данное текст. Посмотрим на все, что происходит с героем, с позиций философии жизни. Персонаж обезличен, у него нет собственного имени, только характеристика («добрый

Далевское литературоведение. Вып. 2.

дурачина-простофиля)), причем так его и зовут на протяжении всего произведения. Дурачину-простофилю занесло в чужое царство зачем-то, а почему – непонятно. Когда человек рождается, приходит на этот свет, то также не ясно, почему именно сюда, зачем? Для многих людей это остается загадкой до самой смерти. На то, что это так, косвенно указывает и еще один штрих в стихотворении: появление в чужом царстве (или рождение) сопровождается плачем (слезы градом). Если по сюжету внимательно посмотреть на все стадии и превращения героя, то получится следующая философская картина: рождение, юность (у нашего героя довольно бурная: он сел на стул для гостей, ел, шутил, кутил, так как в юности давалось все это само собой). Далее обретение зрелости – женитьба (персонаж влез на стул для князей). Слово «князь» имеет не только прямое значение как владетель княжества, на которое мы уже указывали, но и еще одно. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «По свадебным обычаям, жених и новобрачный, в день брака, князь» [8, с. 126]. Дальше герой садится на королевский стул – он достиг в жизни вершины (достигал, потому что так получалось, достиг, а зачем – и сам не понял), но вот надвигается старость, и хочется этого всеобщего изобилья, ведь у него все есть, но впереди – смерть. Однако, все это изобилье с собой на тот свет захватить нельзя, и персонаж, несмотря на все свои достижения, оказывается на сеновале «в чем родили». (Его тряхнул стул-конь, а конь, как известно, может быть проводником на «тот свет» как одно из наиболее мифологизированных священных животных [12, с. 354-355]). Сложная философия бытия человека, вечный вопрос, зачем появился человек на этот свет, почему множество людей живут и не задумываются, в чем их предназначение, пытаются двигаться по карьерной лестнице, добывать себе блага, а затем ведь мало что оказывается им нужно. В. Высоцкий своей философской концепцией пытается напомнить читателю (слушателю), что ведь, в конечном счете, совсем другие ценности важны для человека.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Мы рассмотрели данное произведение на сюжетном уровне, уровне образа героя, постарались проникнуть в философскую концепцию автора. Подводя итог, следует определить жанровые границы данного стиха. Несмотря на то, что произведение «Жил-был добрый дурачина-простофиля...» В. Высоцкий исполнял как песню под гитару, оно по содержанию и форме не является песней в жанровом смысле [13, с. 105-109]. В этом тексте есть элементы оболочки сказки, есть вещи, имеющие магическую силу, но само пространство является аллегорическим, антисказочным, образ главного героя построен на иронических аллегориях. Для создания сюжетной линии автор использует юмор и сатиру, как и во многих произведениях В. Высоцкого, здесь есть несколько философских концепций. Исходя из всего вышесказанного, довольно сложно определить жанр данного произведения. Безусловно, это – инновационный авторский жанр [14, с. 88], и на наш взгляд, его можно назвать аллегорической философской антисказкой. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля незаменим в изучении современной литературы, особенно таких инновационных жанров, как антисказка, где каждое слово имеет порой не одно, а несколько основных значений, и в связи с этим текст может прочитываться с разными смысловыми оттенками.

Литература

1. **Ткачева П. П.** Жанровые особенности произведения В. Высоцкого «Песня-сказка про джина» / П. П. Ткачева // Фальклорная спадчына Р. Шырмы і Г. Цітовіча: вопыт збіральніцкай, навуковай і папулярызатарскай дзейнасці ў кантэксте праблем адраджэння традыцыйнай культуры вёскі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Минск, 2008. – С. 102-105.
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. – М. : Рус. яз., 1982. – Т. 4. – 683 с.
3. **Ткачева П. П.** Мифологическая семантика женских образов в произведении В. Высоцкого «Две судьбы» / П. П. Ткачева // Фалькларыстычныя даследванні. Кантэкст.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

- Тыпалогія. Сувязі. – Мінск, 2007. – Вып.4. – С. 240-246.
4. **Ткачева П. П.** Инновационный подход к классическому жанру (В. Высоцкий «Притча о правде и лжи») / П. П. Ткачева // Фалькларыстычныя даследванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі. – Мінск, 2009. – Вып. 5. – С. 169-173.
5. **Высоцкий В. С.** Собр. соч. : В 4 т. / В. С. Высоцкий. – М., 2008. – Т. 1. 6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1. – LXXXIII, 699 с. 7. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1982. – Т. 3. – 555 с. 8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 2. – 779 с. 9. **Ткачова П. П.** «Жартаўлівая сатыра», альбо што такое гумар / П. П. Ткачова // Роднае слова. – 1996. – № 10. – С. 42-47. 10. **Новиков В.** Комментарии / В. Новиков, О. Новикова // Высоцкий В. С. Собр. соч. : В 4 т. – М., 2008. – Т. 1. 11. **Высоцкий В. С.** Собр. соч. : В 4 т. / В. С. Высоцкий. – М., 2008. – Т. 3. 12. **Ткачева П. П.** Символическое пространство в произведении В. Высоцкого «Очи черные» / П. П. Ткачева // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. – М., 2009. – С. 352-358. 13. **Ткачева П. П.** Разрушение границ жанра сказки в современной поэзии (В. С. Высоцкий «Лукоморья больше нет...») / П. П. Ткачева // Фалькларыстычныя даследванні. Кантэкст. Тыпалогія. – Мінск, 2006. – Вып. 3. – С. 105-109. 14. **Tkachova P. P.** To a question on self-organizing literary genres: chaos, structure, system, model in the literature, author's innovative genres / P. P. Tkachova // CHAOS 2009. Book of Abstracts. 1 – 5 June 2009, Chania, Crete, Greece, 2009. – P. 88.

Аннотации

Ткачева П. П. «Толковый словарь живого великорусского языка» **В. И. Даля** как инструмент определения границ жанра произведения **В. С. Высоцкого** «Жил-был добрый дурачина-простофиля...»

Данное исследование посвящено анализу так называемого жанра антисказки с помощью новых способов

Далевское литературоведение. Вып. 2.

определения границ жанров. Словарь В. И. Даля незаменим в исследовании современной литературы, особенно такого инновационного жанра как антиказка, где каждое слово иногда имеет не один, а несколько определяющих смыслов.

Ключевые слова: жанр, толковый словарь, литературный процесс, антиказка.

Ткачева П. П. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля як інструмент визначення меж жанру твору В. С. Висоцького «Жил-был добрый дурачина-простофиля...»

Це дослідження присвячено аналізу так названого жанру анти казки за допомогою нових засобів визначення меж жанрів. Словник В. І. Даля не має заміни у дослідженні сучасної літератури, особливо такого інноваційного жанру, як антиказка, де кожне слово іноді має не один, а декілька визначаючих сенсів.

Ключові слова: жанр, Толковий словник, літературний процес, антиказка.

Tkachova P. P. V. I. Dal' «Explanatory dictionary of live great Russian language» as a detective tool of V. S. Visockiy «There was one goo ninny» ganre bounderies.

The occurrence of new innovative of genres is one of features of a state of modern literary process. The given research is devoted to the analysis of one of such genres called antifairy-tale. The dictionary of V. I. Dal is irreplaceable in study of the modern literature, especially, such innovative genre as the antifairy-tale where each word has sometimes not one but some principal senses.

Key words: genres, Explanatory dictionary, literary process, antifairy-tale.

УДК 069.15:929Даль

*Р. Н. Клейменова
(Москва)*

***СЧАСТЛИВОЕ МЕСТО НА ПРЕСНЕ:
ЭККУРСИЯ ПО МУЗЕЮ В. И. ДАЛЯ
В Г. МОСКВЕ***

Я иду на работу в Музей В. И. Даля по правой стороне Большой Грузинской. По левую сторону – зоопарк. Обхожу Министерство природных ресурсов и касаюсь рукой ствола старой искривленной лиственницы. Говорят, что дерево было посажено еще при В. И. Дале, может быть, им самим. После прикосновения у меня появляется ощущение, что я поздоровалась с самим Владимиром Ивановичем. Захожу во двор. Здесь и стоит Дом В. И. Даля, с тремя деревянными крылечками, с мемориальной доской.

Судьба дома счастливая. Он был построен в 1870 г. историком Михаилом Михайловичем Щербатовым, известным своей «Историей Российской от древнейших времен» (доведена до 1610 г.). Среди жителей дома помимо Владимира Ивановича Даля было много и других известных людей, но это требует специального исследования. Что же касается самого дома, то он является одним из зданий, которым посчастливилось уцелеть в пожаре 1812 года. Реставраторы говорят, что на бревнах сохранились следы языков пламени этого пожара. Уцелел дом и в революционных боях на Пресне. Во время Великой Отечественной войны во двор упала бомба и не взорвалась – вместо детонатора в ней оказался чешско-русский словарь.

Счастливой была судьба дома и в 60-е гг. XX в. Когда дом обветшал и все забыли, что он тот самый, где жил и работал великий лексикограф, было предложено снести старое здание и на его месте построить Музей геологии. Случайно этот проект

Далевское литературоведение. Вып. 2.

увидел В. В. Сорокин, историк Москвы и Московского университета, он-то и вспомнил, что в детстве, когда его водили в зоопарк, мама называла это здание Домом В. И. Даля. Он сказал об этом П. Д. Барановскому, известному тем, что спас от сноса собор Василия Блаженного на Красной площади, и в это время занимавшемуся созданием в Москве реставрационных мастерских. И началась кампания по сохранению дома. Общественность в лице академиков, среди которых были И. В. Петрянов-Соколов, Д. С. Лихачев, И. Г. Петровский, писателей, ученых и многих других победила. За реставрацию взялось Министерство связи с условием аренды дома и выделения двух комнат под музейную экспозицию. Музей был открыт в 1986 году. Сейчас в доме находится издательско-торговый центр «Марка», который вместе с Московским городским отделением Всероссийского общества охраны памятников делает и делает все, что в силах, для создания и сохранения музейной экспозиции.

Этот дом в 1859 г. Владимиру Ивановичу Далю помог приобрести писатель Сергей Тимофеевич Аксаков. Здесь у В. И. Даля бывали многие члены Общества любителей российской словесности (ОЛРС), членом которой он был. Если вы прочитаете «Напутное слово» к словарю В. И. Даля, то узнаете, что составитель считал свой словарь изданием Общества, которое настояло на его публикации в начале работ, помогло автору с деньгами. Многие члены Общества, так же, как и В. И. Даль, собиравшие слова, пословицы и поговорки, передали их лексикографу, когда тот приступил к изданию словаря. В. И. Даль также делился своими собраниями. Например, ученый собирал и русские народные песни. У него был хороший голос. Он пел эти песни Владимиру Федоровичу Одоевскому, а тот записывал музыку. Было бы хорошо найти эти записи! Как было бы прекрасно, если бы они прозвучали в Музее В. И. Даля.

Во дворе дома во флигеле жил писатель Павел Иванович Мельников-Печерский, который написал здесь свой роман «В лесах». После смерти В. И. Даля он выступил в ОЛРС с воспоминаниями. Павел Михайлович Третьяков привел сюда художника Василия Григорьевича Перова, написавшего

Далевское литературоведение. Вып. 2.

незадолго до смерти В. И. Даля портрет, который хранится в Третьковской галерее. Владимир Иванович Даль называл для себя этот дом счастливым. Он закончил здесь работу над словарем, издал полное собрание своих сочинений, сборник пословиц и поговорок.

То, что сделал В. И. Даль для русской словесности, для русской культуры, до конца не оценено. Одна из посетительниц музея сказала, что если раньше она обращалась к далевскому Словарю по необходимости, то теперь читает его как художественное произведение, с помощью которого познает самое себя и окружающий мир. Во время экскурсий можно обсудить любые темы – о словарях, о жизни и деятельности В. И. Даля, на каком языке мы говорим, почему нельзя ругаться матом, о русской ментальности. К сожалению, нередко обнаруживается, как плохо мы знаем свой язык. Дети, как и многие взрослые, не понимают смысла некоторых пословиц, практически не знакомы со словарями...

Мы в долгу перед В. И. Далем. И хочется верить, что около счастливого далевского Дома будет установлен его бюст, проект которого находится в музее и подготовлен выпускником Академии И. Глазунова Ильей Мишаниным. В 2010 г. исполнится ровно 150 лет как ОЛРС опубликовало первый выпуск словаря В. И. Даля (1860 г.). Хорошо бы к этому времени Государственная Дума РФ откликнулась на предложение ОЛРС и Музея В. И. Даля и учредила 23 ноября, в день рождения лексикографа, всероссийский праздник – День словарей и энциклопедий, что послужило бы более активной популяризации словарей и знакомству с ними школьников, студентов, специалистов всех уровней. Это, несомненно, поднимет уровень образования в России.

В конце хотелось бы добавить, что Дом В. И. Даля находится в пяти минутах ходьбы от станции «Баррикадная», но мало кто догадывается о его существовании – от взоров прохожих уютный особняк на Большой Грузинской надежно укрыт зданиями более поздней постройки. Владимир Иванович Даль – один из самых известных жителей Пресни. В этом живописном и тогда еще тихом районе он закончил работу над словарем и издал полное собрание своих сочинений.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Экспозиция музея рассказывает о жизни великого лексикографа, благодаря кропотливой и многолетней деятельности которого мы лучше знаем наш родной язык. Похоронен В. И. Даль на ваганьковском кладбище. Ежегодно 5 октября на его могиле совершается панихида...

Аннотации

Клейменова Р. Н. Счастливое место на Пресне: экскурсия по Музею В. И. Даля в г. Москве

В статье представлены данные из истории строения на Пресне, которое некогда служило домом Владимиру Далю. Также прокомментированы некоторые факты, связанные с литературной и лексикографической деятельностью писателя и его пребыванием в этом доме. История дома тесно связана с историческими событиями начала XIX и середины XX вв.

Ключевые слова: музей В. И. Даля, Москва, Пресня, московский период творчества.

Клейменова Р. М. Щасливе місце на Пресне: екскурсія по Музею В. І. Даля у м. Москві

У статті представлено данні з історії будови на Пресні, що колись було будинком Володимиру Далю. Також прокоментовано деякі факти, пов'язані з літературною та лексикографічною діяльністю письменника та його проживанням в цьому будинку. Історія будинку тісно зв'язана з історичними подіями початку XIX й середини XX ст.

Ключові слова: музей В. І. Даля, Москва, Пресня, московський період творчості.

Kleymenova R. N. The happy place on Presna: excursion on V. I. Dal' museum in Moscow

It is represented in the article some facts of history of the building on Presnya, which was home for Vladimir Dal'. Besides some facts connected with literary and lexicographic activity of the writer and his staying in this house are presented. The house history is closely connected with historical events of the beginning XIX and the middle of the XX-th centuries.

Key words: V. I. Dal' museum, Moscow, Presnya, the Moscow period of creativity.

УДК 8Р2 (092)

***Т. Л. Большакова
(Оренбург)***

***ВКЛАД Л. Н. БОЛЬШАКОВА
В РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ***

В жизни и творчестве многих писателей есть немало широкоизвестных факторов, объективному восприятию и правильному толкованию которых мешают недостаточно четкие представления о времени, когда они жили, о среде, их окружавшей, о людях, находившихся рядом и вокруг. Подлинный смысл многих явлений писательских биографий может быть понят только при условии реконструкции всех особенностей каждой ситуации, всех взаимосвязей, которыми она была обусловлена или сопровождалась.

Литературно-краеведческие исследования позволяют глубже проникнуть не только в жизнь выдающейся личности на определенном этапе ее деятельности, но и в историю, духовную жизнь края, с которым пересеклась судьба незаурядного человека, что существенно обогащает регионоведение исследованием общезначимых проблем.

Исследования, проводимые на региональном материале, на документальных источниках, хранящихся в провинциальных архивах и библиотеках, оказываются нередко бесценными свидетельствами, пополняющими литературоведческую науку.

Доказательством сказанного могут, как нам кажется, служить разыскания писателя и ученого Л. Н. Большакова (1924 – 2004) [1, с. 47-48].

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Имя оренбургского ученого Л. Н. Большакова читатель найдет на страницах многих украинских справочных изданий [2-3]. Его труды стали предметом исследования в диссертационных работах [5-6]. Совсем недавно пришло известие из киевского Института литературы о готовящемся издании на украинском языке «Были о Тарасе». Все это свидетельствует о непреходящей ценности исследований Л. Н. Большакова. При этом в украинских справочниках рядом с фамилией «Л. Н. Большаков» значится «украинский писатель».

Действительно, Л. Н. Большаков родился в 1924 г. в небольшом украинском городке Сновске (ныне Щорс), окончил школу и начал литературную деятельность в областном Чернигове, и, наверное, так и жил бы на Украине, если бы не Великая Отечественная война, которая забросила семнадцатилетнего Леонида вместе с матерью (отец умер за год до войны) на Урал, в Оренбуржье. Более шестидесяти из восьмидесяти отпущенных ему лет жизни оказались связанными с Оренбургским краем. Однако с Украиной его прочно связал Т. Г. Шевченко. Благодаря исследовательской деятельности Л. Н. Большакова Урал стал одним из крупных центров шевченковедения. Само словосочетание «оренбургская зима», ставшее заголовком первой шевченковедческой книги Л. Н. Большакова, прочно вошло в научный оборот и стало термином [7, с. 487-488]. Его Шевченкиана насчитывает более 20 книг, среди которых – трехтомная «Быль о Тарасе» [8], фундаментальная «Оренбургская Шевченковская энциклопедия» [7], подробный комментарий «Дневника» Т. Г. Шевченко периода его оренбургской ссылки [98]. Ни одно имя, инициалы, географическое название, упомянутое на страницах «Дневника», не выпали из поля зрения исследователя, не остались без пояснения.

Работы в области шевченковедения были отмечены высшими литературными наградами Украины – Государственной премией имени Т. Г. Шевченко и премией Совета Министров Украины имени П. Тычины «Чувство семьи единой».

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Но если благодаря Л. Н. Большакову в биографию Тараса Шевченко были вписаны хотя и очень важные, но все же только страницы, связанные с пребыванием украинского поэта в Оренбургском крае, то имя Григория Винского даже для специалистов и уж тем более для широкого круга читателей стало открытием. Из скупых строк в немногих справочниках следовало, что уроженец небольшого городка Почеп на Черниговщине (сегодня это Брянская обл. России. – Т. Б.) был сослан в Оренбургский край, является автором мемуаров «Мое время». При этом библиографические источники к статьям датировались 1877 г., а мемуары публиковались только в отрывках.

Л. Н. Большакову нашел метрические книги, разыскал сведения о родителях, годах учебы в Киевской академии, военной службе и т. д. Перед читателем зримо предстал неординарный человек: мыслитель, литератор, переводчик, педагог и его жизнь, «полная потерь и обретений, ошибок и решений, горя и борьбы...» [10].

Впервые роман-поиск «Возвращение из прошлого» был опубликован в 1988 г. в Киеве, однако разыскания «по Винскому» продолжались, и вот: «...Есть! Указатель к архиву Тургеневых, как отменно работающее справочное бюро, выдает лаконичный и предельно четкий «адрес» Винского: фонд 309, дело № 1151. Еще не веря в удачу, беру вскоре в руки книгу большого формата, в картонном переплете с кожаным корешком. «Рассказ малороссийского дворянина Григория Степановича Винского. Подарен Николаю Ивановичу Тургеневу 1858 года мая 29/17 Париж» [11, с. 10; 12].

На страницах мемуаров Г. Винский рассказал о своем детстве, рождении сестры, учебе в Почепской церковноприходской школе, Черниговском коллегииуме, Киевской академии, о жизни в Петербурге и суровом приговоре, навечно определившем дальнейшее место жительства – Оренбургский край.

Неожиданная и суровая перемена полностью изменила мировоззрение Г. Винского, его отношение к миру, к современному ему обществу. Бытовые тяготы,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

несправедливости и унижения пробудили в рядовом «маленьком человечке» личность неординарную, сильную, думающую. Винскому удалось устроиться учителем. Он жил и преподавал в семьях местных дворян (известно, что в числе его учениц была мама С. Т. Аксакова). Будучи домашним учителем, он вплотную столкнулся с возмущавшими его проявлениями жестокости по отношению к дворовым. Г. Винский беспощадно критикует своих современников — мелкопоместных дворян — за бессердечие, за бесстыдно демонстрируемое невежество, за падение нравов. Две темы его особенно задевают и вызывают возмущение — уровень просвещения и несправедливость «бесчеловечного екатерининского суда». Он справедливо считает состояние этих сфер общественной жизни основой и показателем цивилизованности государства. И отказывает в цивилизованности своей стране и своей эпохе.

Позже Л. Н. Большаков обнаружил в Национальной библиотеке Украины еще один экземпляр мемуаров Г. Винского «Моя жизнь» и, проведя скрупулезный текстологический анализ, убедительно доказал, что именно киевский вариант был сделан с оригинала и потому является первоисточником. Первоисточник, кроме самих мемуаров, содержал также текст автоэпитафии: «Бог дал мне свет ума / Я истины искал / Но видел ложь везде./ Светильник погашаю. / Бог дал мне сердце, /Я страдал. / И сердце Богу возвращаю» и переводы французского писателя К. Массона — автора нашумевших в то время «Секретных записок о России...».

В домашней библиотеке Л. Н. Большакова стоит оригинал-макет двухтомника, так и не ставшего книгой, в которую должны были войти роман о Винском и полное собрание его произведений. Пока же и записки, и переводы вышли тиражом в сто экземпляров и изначально являются библиографической редкостью [11, с. 29-119].

«Теперь специалистам по эпохе Екатерины II трудно будет обойтись без записок одного из ее критиков и ненавистников, ссыльного «упрямого малоросса», «киевского бурсака», разжалованного российского офицера и русского

Далевское литературоведение. Вып. 2.

писателя Григория Винского», - читаем в рецензии на публикацию записок Г. Винского «Мое время» [11, с. 29-119].

В той же рецензии, строки из которой приведены выше, ее автор Е. Н. Гореликова-Голенко отмечает: «Ни одно имя, ни одна личность, судьба которой так или иначе пересеклась с жизнью или записками Винского, автором не упущены. Он перепроверяет любой малозначительный факт, отыскивает следы людей, которые могли только появиться на горизонте Винского. Более половины книги – краткие биографии, максимально полные описания, проверенные по различным источникам характеристики людей, имевших то или иное отношение к любому моменту жизни главного ее персонажа. Это родные и соседи, окружение в Петербурге и в ссылке, ученики и друзья, коллеги и враги, знакомые и просто современники; это люди той же эпохи, лица, высвеченные историей Винского; это огромное количество документов, подчас впервые за сотню лет поднятых с пыльных архивных полок оренбургским историком. В этом отношении труд автора невозможно переоценить» [11, с. 126].

Те же слова можно отнести и к «Оренбургской Шевченковской энциклопедии», вместившей в себя статьи о самых разных людях из окружения Т. Шевченко: польских ссыльных; солдатах и офицерах, пересекавшихся с ним не только в Оренбурге и Орске, но и на Мангышлаке, и по пути из ссылки; героях его живописных работ; адресатах и адресантах и т. д. Исследования о Г. Винском, как и исследования о Т. Г. Шевченко, написаны на основе объемного массива документов. Автор ввел в научный оборот большое количество не известных прежде архивных источников, за которые ему будут благодарны и разработчики других тем. Ведь наука по большому счету не может быть столичной или региональной, научные исследования, проводимые в регионах, пополняют или не пополняют научное знание без всяких скидок на провинциальность.

«Это для науки, для истины, для истории», - написал в письме к Л. Н. Большакову И. Андроников [13, с. 70]. Такими словами московский ученый-филолог отозвался о посланной на его суд рукописи начинающего исследователя,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

посвященной судьбе одной из корреспонденток Л. Н. Толстого Афанасии Скутиной. В том же письме ученый пишет: «Вот так и надобно писать об исторических и литературных разгадках, - чтобы интересно было и специалисту, и человеку, равнодушному к историям и биографиям.

Судьба корреспондентки Льва Толстого оказывается не менее значительной, чем судьбы самых великих людей. И то, что из маленького зерна – одного из девяти тысяч писем к Толстому – рождается такое масштабное повествование, повышает ценность всех девяти тысяч корреспондентов. Разворачивается судьба неизвестной женщины, но какой талантливой, умной, самостоятельной, такой «типичной». И эта женщина спорит своей жизнью с Львом Толстым. Это блестяще. Реальная судьба героини выглядит как талантливое обобщение. Большая удача!... Рассказ не только хорош, он нов. И не только по материалу.

У Вас хорошо еще, что все время поддерживается интерес к действительной, а не мнимой человеческой тайне... есть умение понять спор великого писателя с корреспондентом, вытянуть это наверх, схватить главное, вести к обобщению. Есть верное чувство сюжета и тайны... Далее в цитируемом письме ученый размышляет о жанровой форме исследования: «Еще одно условие для развития нашего с Вами жанра. Это прежде всего – логика, ход логических умозаключений, умение прочесть документ, извлечь данные из, казалось бы, ничтожного факта...» [12, с. 68-69]. Позднее, формулируя в своей работе основы жанра литературного поиска, И. Андроников ссылается на очерк Л. Н. Большакова как на классический пример нового жанра [14, с. 491-492].

Как видим, диалог начинающего исследователя и маститого ученого стал обоюдодоплезным, послужив к тому же толчком для новых исследований.

Вводя в оборот множество конкретных фактов, относящихся к литературной истории края, Л. Н. Большаков нередко одновременно «вписывал» их в контекст проблем, выходящих за рамки краеведения, создавал из вроде бы разрозненных фактов цельную и весьма убедительную

Далевское литературоведение. Вып. 2.

картину не только Личности, но и всей эпохи, и делал это живо, увлекательно, захватывающе.

Настоящим научным открытием стала и обнаруженная в фонде редких книг областной библиотеки рукописная книга «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 года и соприкосновенных оным обстоятельств», которая рассказывала о борьбе греческого народа за свою свободу, причем рассказывала так, что не возникало сомнения в том, что ее автор был хорошо осведомлен об описываемых событиях и, скорее всего, был их участником. Тщательный литературоведческий, а также лингвистический и стилистический анализ позволили Л. Н. Большакову определить, что автором книги является П. И. Пестель, и декабристская литература обогатилась новым научным знанием [15, с. 7-109].

Продолжением «декабристских» разысканий стал составленный Л. Н. Большаковым «Уральский алфавит декабристов», роман о последнем годе жизни В. Кюхельбекера, который тот провел на Урале, рассказы о судьбах многих других участников восстания на Сенатской площади в 1825 г., а также об Оренбургском тайном обществе и его членах. Напряженная работа в архивах вознаградила исследователя еще одной уникальной находкой – в Ленинградском Пушкинском доме он обнаружил считавшийся утраченным автограф рукописи «оренбургского декабриста» В. Колесникова «Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату» [16].

Исследования Л. Н. Большакова дополнили новыми фактами науку о Л. Н. Толстом. Оренбургский ученый проследил судьбы корреспондентов великого писателя, уточнил некоторые факты его биографии, рассказал о некоторых литературных замыслах, о Егоре Лазареве – человеке, ставшем прототипом Набатова в романе «Воскресение» и др. А факт обнаружения подлинного архивного дела, рассказывающего о судьбе польского ссыльного В. Мигурского и его жены Альбины, позволил исследователю подвести под художественный рассказ Л. Н. Толстого «За что» подлинную источниковедческую

Далевское литературоведение. Вып. 2.

базу. В 1998 г. большая часть «толстовских» исследований составила «Оренбургскую Толстовскую энциклопедию» [17].

О научной значимости многих разысканий Л. Н. Большакова свидетельствуют письма маститых ученых, сохранившихся в его домашнем архиве.

Н. Н. Арденс – профессор Московского педагогического института (нынешнего МПГУ), автор фундаментальных работ о творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, получив книгу Л. Н. Большакова о Т. Г. Шевченко, пишет: «Прежде всего поздравляю Вас с выходом в свет Вашего капитального труда и затем горячо благодарю за ценнейший подарок. Я уже «проглядел» его страницы и почувствовал всю силу мысли, обращенной к Шевченко, но немного погодя я основательно прочту Вашу работу, тем более, что она мне просто нужна, так как я иногда читаю лекции о Шевченко, цитируя его по-украински» [12, с. 78].

Свидетельство того, что многие книги Л. Н. Большакова нередко становились явлением общекультурного значения, находим и в некоторых других письмах.

Е. А. Таратута – ученый-литературовед, автор книг о Степняке-Кравчинском и Э. Л. Войнич, писала: «...Только что получила из Саратова «Историографический сборник» вып. 111, Саратов, 1971 (Сар. Гос. Ун.). Там есть статья Н. А. Троицкого «Некоторые вопросы историографии рев. народничества 70-х гг. XIX в.»... Там, на стр. 96 оценивается Ваша работа о Е. Лазареве как «полезная» (подчеркнуто автором письма. – Т. Б.).

... Мне по моей работе часть приходится сталкиваться с Лазаревым... В Вашем очерке я нашла много для себя нового и полезного, кое-что пригодится мне сейчас» [18, с. 29].

М. Я. Бессараб – автор первого романа о В. И. Дале: «Я не буду говорить о том, что прочла Вашу книгу... с большим удовольствием, это понятно. Но вот что удивительно – она мне позарез нужна для моей работы! Сейчас у меня дело номер один – записка Т. Шевченко

Далевское литературоведение. Вып. 2.

В. М. Лазаревскому о том, что помочь ему, выволить из солдатчины мог бы только В. А. Перовский, а к нему легче всего попасть с помощью Даля. Есть сведения, что Даль ответил Лазаревскому: «умные люди о таких вещах по городск. почте не пишут» и пригласил его зайти. Но у меня под руками нет книги Захарьина, м. б. Перовский в это время уже уехал за границу? Вообще: почему они не помогли Т. Г.? Пытались ли они что-нибудь сделать?..» [19, с. 132].

Н. Н. Гусев в молодости был личным секретарем Л. Н. Толстого, а впоследствии несколько десятилетий возглавлял музей писателя в Москве. Авторитетнейший биограф Л. Н. Толстого, автор фундаментальной летописи его жизни и творчества, доктор филологических наук, пишет: «Уважаемый Л. Н. Я с большим интересом прочитал Вашу статью «Страницы из биографии Льва Толстого». ...Вы приводите... больше фактических материалов, чем это сделано у Вашего предшественника Н. Е. Прянишникова в его книжке «Писатели-классики в Оренбургском крае». Вы даете живую картину пребывания Толстого в Оренбурге, выясняете личности его спутников по железной дороге, художественно описываете условия жизни в Оренбурге того времени и сообщаете подробности времяпровождения Толстого в этом любопытном городе.... Вы делаете ряд предположений на данную тему, в том числе о встрече Толстого с генерал-губернатором Крыжановским, и все Ваши предположения вполне правдоподобны...» [20, с. 424].

Надо сказать, что разыскания Л. Н. Большакова имели значение не только для источниковедения. Книга «Отыскал я книгу славную» позволила также поставить проблему о принципах определения авторства; шевченковедческие исследования высветили общие вопросы взаимовлияния среды и творчества, работы о корреспондентах Льва Толстого позволили сделать вывод о значении эпистолярного наследия в изучении творчества писателя и об особенностях работы Л. Н. Толстого над собственным текстом. Создание региональных литературных энциклопедий (Оренбургской Толстовской, Оренбургской Пушкинской, Оренбургской Шевченковской) и вовсе явилось новым словом в науке.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Кстати сказать, Л. Н. Большаков и сам неоднократно писал о значении региональных исследований: «Развитие широких концептуальных литературоведческих исследований немислимо без непрерывного обогащения и глубокой разработки документальной базы науки. Едва ли не в наибольшей степени нужна такая база при изучении среды личности, которую составляют всевозможные факторы, воздействующие на человека в течение всей жизни и отдельных ее периодов, а также микросреды, в узком смысле слова – ближайшего окружения в каждый данный момент. Определить в среде ближайшего окружения объективные и субъективные, первичные и вторичные элементы – значит создать предпосылки для наиболее полного изучения занимающей нас проблемы, для раскрытия внутренних механизмов взаимовлияния, взаимодействия среды и творчества, личности и окружающей ее действительности, а, следовательно, для проникновения в святая святых литератора, художника, человека искусства – его рабочую лабораторию, психологию творческого процесса» [7, с. 9].

Однако ценность литературно-краеведческих исследований состоит не только в том, что они пополняют, обогащают науку новыми фактами, но и в том, что, обладая большим воспитательным потенциалом, они являются прекрасной базой для просветительской работы.

Ученый-литературовед Л. Н. Большаков умел не только разыскать, установить, открыть новый факт, но и сделать его интересным для всех.

Сами заголовки его работ притягивали внимание. «Тетрадь с вырванными листами»- о Т. Шевченко; «Сенатор от штата Сорочинск»- о депутатской деятельности А.Фадеева; «Загадка принцессы На»- о героине стихотворения В. Терьяна и т. д. И названия читателей не обманывали. С первых же страниц они становились не только свидетелями, но и очевидцами напряженного и увлекательного поиска, не уставая поражаться изобретательности исследователя и разделяя его радость от сделанного открытия.

Такие чувства дорогого стоят, потому что рождают в человеке жажду творчества, заражают романтикой

Далевское литературоведение. Вып. 2.

исследовательского труда. «Культура стала тем ключом, который открывает двери взаимного понимания, взаимного доверия и таким образом способствует установлению нормальных, цивилизованных отношений во всех сферах жизнедеятельности обществ и людей» [21, с. 36]. С этими словами трудно не согласиться, тем более, что они нашли реальное воплощение в практической литературной деятельности писателя, которая способствовала и, безусловно, будет способствовать сближению и разных народов.

Леониду Наумовичу было органично присуще «чувство семьи единой», под его пером ожили люди самых разных национальностей, которые по своей или не по своей воле оказались «в степи бескрайной за Уралом».

Не случайно книги Л. Н. Большакова, посвященные жизни и творчеству Т. Г. Шевченко, выходили не только в российских и украинских издательствах. К примеру, книга «Путь «Кобзаря», рассказывающая о судьбе главной книги Т. Шевченко, была переведена на армянский язык, а результатом встреч с поэтами в Афганистане стал вышедший на языках пушту и дари сборник, который включил очерк Л. Н. Большакова о Т. Г. Шевченко и переводы стихов украинского поэта, сделанные афганскими поэтами.

«Все, что я делаю, - читаем в интервью, опубликованном в газете «Оренбуржье», - имеет своей подоплекой укрепление связей наших народов, упрочение мирных, дружественных отношений. Через Шевченко, скажем, я не только о неволе его говорю, но и о том, что помогло поэту выжить в тяжелую пору, о помощи ему людей разных национальностей, а значит, о великой силе дружбы народов. И я уверен, что к дружбе, пониманию, согласию мы можем прийти через культуру, искусство, литературу. Меня более всего интересует именно это» [22, с. 5]

По инициативе Л. Н. Большакова с 1977 г. в Оренбуржье ежегодно отмечается Шевченковский март, главной целью которого является укрепление дружбы между народами.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Значительным и значимым вкладом не только в российскую украинистику, но и в гуманитарную науку вообще стала десятилетняя деятельность Оренбургского научно-исследовательского Института Тараса Шевченко, который создал и до самой своей кончины возглавлял Л. Н. Большаков. (Почетным президентом ИТШ несколько лет был замечательный украинский писатель, академик О. Гончар). Работу «в области дружбы» продолжает учрежденный в Институте Тараса Шевченко Интернет-журнал «Шевченко-RU» [22].

Давно стал своим для оренбуржцев и классик армянской поэзии Ваан Терьян. Увидев когда-то мемориальную доску на маленьком домике по улице Чичерина, Л. Н. Большаков пошел по следам поэта, который провел в Оренбурге свои последние дни, и не только рассказал уральцам и всем читателям огромной тогда советской страны о жизни и творчестве прекрасного поэта и замечательного человека [24-25], но и наладил дружбу с правительством Армении, организовал музей армянского поэта в школе № 24, общество юных друзей Терьяна и др.

В 1993 г. «за большие творческие достижения в области литературы, талантливое отражение исторических процессов, связанных с г. Оренбургом и людьми города, неоценимый вклад в дело нравственного воспитания горожан» Л. Н. Большаков был удостоен звания Почетный гражданин города Оренбурга.

В своем очерке-эссе «Я – однолюб» исследователь писал: «Поисками нового, разведкой неизвестного живу. Это и радость моя, и мука... Мой бесконечный поиск – в истории давней и недавней, в судьбах личностей, великих и значительных (незначительные мне не встречались), в литературах разных времен и народов: от Льва Толстого до Ваана Терьяна, от Павла Пестеля до Тараса Шевченко и Мусы Джалиля.

Искать – значит преодолевать, бороться, драться. Задумываться, ставить задачу, идти к ее решению. Находить, проверять, перепроверять. Упирается в стену и возвращаться

Далевское литературоведение. Вып. 2.

назад, чтобы тут же разыскать тропу другую и выходить на путь повернее – без тупика в конце...» [15, с. 5 -6].

Человек живет, пока его помнят. В память о писателе и ученом в Оренбурге учреждены Большаковские чтения. Их решили проводить в марте, в рамках праздника Шевченковский март, который более четверти века ежегодно проводил Л. Н. Большаков. В марте 2009 г. состоялись Четвертые Большаковские чтения.

Задачей и концепцией Большаковских чтений является создание площадки для объединения усилий ученых различных специальностей (культурологов, историков, филологов, искусствоведов и др.) в деле изучения культуры Оренбургского края во всем ее многообразии, а девизом научного форума стали слова, которыми заканчивается последняя книга писателя «Там за Уралом, за Елеком»: «Любить – это знать. Знать – это чтить, постигать, изучать» [27, с. 234]. Будем надеяться, что Большаковские чтения явятся стимулом для новых исследований, а значит, в истории культуры оренбургского края появятся новые страницы.

Литература

1. **Оренбургская** биографическая энциклопедия / Сост. Л. Н. Большаков. – Оренбург ; М. : Оренбург. книжн. изд-во ; Рус. книга, 2000. – 336 с.
2. **Украинская** литературная энциклопедия. – К., 1988. – Т. 1.
3. **Т. Г. Шевченко.** Биография. – К., 1984.
4. **Страницы** истории: Сб. Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. 1926 – 2001. – К., 2003.
5. **Акіншина** І. М. Жанрово-стильові особливості художньо-біографічної прози 80 – 90-х років ХХ століття / І. М. Акіншина. – Автореф. дис. ... канд. філол. наук. 10. 01. 01 – українська література. – Дніпропетровськ, 2005. – 20 с.
6. **Савенко** І. Л. Жанрово-стильові особливості біографічного роману-пошуку / І. Л. Савенко. – Автореф. дис. ...канд. філол. наук. 10. 01. 06 – теорія літератури. – Тернопіль, 2006. – 18 с.
7. **Большаков Л. Н.** Оренбургская Шевченковская Энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет. 1847 – 1858 /

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Л. Н. Большаков. – Оренбург : Печатный Дом «ДиМур», 1997. – 513 с. 8. **Большаков Л. Н.** Быль о Тарасе / Л. Н. Большаков. – М. ; Оренбург : Евразийск. торг.-пром. компания «Кора», 1993. – Кн. 1 : Яман Кала. – 437 с. Кн. 2 : На Арале. – 448 с. Кн. 3 : Оренбург. – 299 с. 9. **Шевченко Т. Г.** Дневник Тараса Шевченко с 12 июня 1857 по 13 июля 1858 года / Коммент. Л. Н. Большакова ; НИИ «Ин-т Т. Шевченко». – Оренбург : «Оренб. губерния», 2001. – 311 с. 10. **Большаков Л. Н.** Возвращение из прошлого / Л. Н. Большаков. – К. : Рад. письменник, 1988. – 379 с. 11. **Большаков Л. Н.** Я истины искал / Л. Н. Большаков // Оренбургу – 260. – Оренбург, 2003. – 128 с. 12. **Винский Г.** Мое время. Первая полная публикация Л. Большакова / Г. Винский. – Оренбург : Оренбургская губерния, 2001. – 128 с. 13. **Леонид Наумович Большаков** : Биобиблиогр. указ. / Оренб. обл. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской, Оренб. гос. ун-т, НИИ Т. Шевченко ; Сост. В. В. Ронжес. Подг. писем к публикации и коммент. Т. Л. Большаковой. – Оренбург : ОГУ, 2005. – 96 с. 14. **Андроников И. Л.** О новом жанре / И. Андроников // Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам. – М. : Сов. писат., 1962. – С. 491-492. 15. **Большаков Л. Н.** Повести о поисках и обретениях / Л. Н. Большаков. – М. : Рус. книга, 2000. – 496 с. 16. **Большаков Л. Н.** «Отечеству драгие имена» : Триптих о декабристах на Урале / Л. Н. Большаков. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. – [Ч.] 1 : «Он был из первых в стае той орлиной...» : Повесть о последнем годе декабриста Кюхельбекера, писанная им самим, его близкими, друзьями и недругами. – 189 с. [Ч.] 2 : «Хотя погибнем – смерть славна!» : Книга о гордой и горестной судьбе «Оренбургских декабристов» с первым от времени написания полным воспроизведением текста «Записок несчастного, содержащих путешествие в Сибирь по канату» / [Воспоминания В. П. Колесникова]. – 285 с. [Ч.] 3 : «За дело правое» : Страницы о временах далеких и судьбах близких с приложением краткого, но необходимого уральского алфавита декабристов. – 149 с. 17. **Большаков Л. Н.** Оренбургская Толстовская энциклопедия Материалы. Поиски. Исследования. Хроника / Л. Н. Большаков. –

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Оренбург, 1997. – 349 с. 18. **Большакова Т. Л.** «Вы можете написать это увлекательно и содержательно» (На материале писем Е. Таратута к Л. Н. Большакову) / Т. Л. Большакова // Четвертые Большаковские чтения Культура Оренбургского края: история и современность. – Оренбург: Димур, 2009 – С 26-32. 19. **Большакова Т. Л.** «Верный рыцарь Владимира Даля» (на материале писем М. Я. Бессараб Л. Н. Большакову) / Т. Л. Большакова // Далевское литературоведение. – Луганск : ГУ «ЛНУ имени Т. Шевченко», 2008. – Вып. 1. – С. 124-137. 20. «Прочтется с особенным интересом» : из переписки Н. Н. Гусева с Л. Н. Большаковым / Публ., примеч. и вступ. ст. Т. Л. Большаковой // Толстовский ежегодник 2003 / Под общей ред. В. Б. Ремизова. – Тула : Дизайн-Коллегия, 2006. – 552 с. 21. **Большаков Л. Н.** Интеркультурные коммуникации: от теории к практике / Л. Н. Большаков // Сборник тезисов Международной конференции. – Оренбург : Оренбур. книж. изд-во, 1996. 22. **Гончаров Н.** «К дружбе народов через литературу» : [Интервью с Л. Н. Большаковым о его творчестве] / Н. Гончаров // Оренбуржье. – 1993. – 1 янв. 23. **Интернет-журнал «Шевченко – RU»** // [http:// artlib.osu. ru](http://artlib.osu.ru). 24. **Большаков Л. Н.** 74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна / Л. Н. Большаков. – Ереван, 1990. – 127 с. 25. **Большаков Л. Н.** Встреча через годы / Л. Н. Большаков // Главы из жизни. – Челябинск, 1974. – С. 189-210. 26. **Большаков Л. Н.** Первые страницы из жизни одного района / Л. Н. Большаков. – М. : Политиздат, 1985. – 158 с. 27. **Большаков Л. Н.** Там за Уралом, за Елеком / Л. Н. Большаков. – Оренбург : ИПК ОГУ, 2003. – 235 с.

Аннотации

Большакова Т. Л. Вклад Л. Н. Большакова в развитие современного литературного краеведения

В статье анализируется вклад Л. Н. Большакова в развитие современного литературного краеведения второй половины XX – начала XXI вв. В систематизированном виде представлены результаты изучения Л. Н. Большаковым «оренбургских страниц» биографии и творчества

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Т. Г. Шевченко, Г. С. Винского, П. И. Пестеля, Л. Н. Толстого, В. С. Терьяна и др. Обосновано представление о Л. Н. Большакове как классике жанра литературного поиска.

Ключевые слова: Л. Н. Большаков, литературоведение, краеведение, источниковедение, жанр литературного поиска.

Большакова Т. Л. Внесок Л. Н. Большакова в розвиток сучасного літературного краєзнавства

В статті аналізується внесок Л. Н. Большакова в розвиток сучасного літературного краєзнавства другої половини ХХ – початку ХХІ ст. У систематизованому вигляді подано результати вивчення Л. Н. Большаковим «оренбурзьких сторінок» біографії та творчості Т. Г. Шевченка, Г. С. Вінського, П. І. Пестеля, Л. М. Толстого, В. С. Тер'яна та ін. Обґрунтовано уявлення про Л. М. Большакова як класика жанру літературного пошуку.

Ключові слова: Л. Н. Большаков, літературознавство, краєзнавство, джерелознавство, жанр літературного пошуку.

Bol'shakova T. L. The contribution of L. N. Bolshakova in development of modern literary study of local lore

In article L. N. Bolshakov's contribution to development of XX second half – XXI century beginning local lore modern literary study is analyzed. The results of studying of L. N. Bolshakov of «the Orenburg pages» biography and creativity T. G. Shevchenko, G. S. Vinskogo, P. I. Pestelja, thick, by V. S. Terjana, etc. are presented in the systematised kind. Proves representation about L. N. Bolshakov as the classic of a genre of literary search.

Key words: L. N. Bolshakov, literary criticism, study of local lore, a source study, a genre of literary search.

УДК 821.161.209

*Н. Г. Пирога
(Луцк)*

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВИДЕНИЯ МИРА НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Николай Клюев оставил своим современникам и потомкам сложное наследство, беспристрастная оценка которого становится возможной лишь в наше время. В тридцатые, сороковые и даже пятидесятые годы трудно было поверить, что поэзия Н. Клюева еще заставит кого-то задуматься, еще будет издаваться, еще найдет себе в будущем читателя и исследователя. Слишком уж широкая трещина прошла между коренными идеями времени и фантастическим укладом жизни – настоящей и будущей, – который славил и проповедовал «олонецкий ведун». Почти через сорок лет после кончины Н. Клюева поэт Николай Тряпкин писал, что его поэзия, как озимь, постояв положенный срок под снегом, выжила, зазеленела и вновь заставила вспомнить и заговорить о себе. За последние десятилетия к звонкой струе поэзии Н. Клюева потянулись Е. И. Маркова, П. П. Червинский, С. Г. Семенова, А. И. Михайловец, К. М. Азадовский, С. Куняев, Б. И. Матвеев, В. Г. Базанов, Л. А. Кисилева и др. Немало вышло публикаций его стихов, немало статей, комментариев, предисловий.

Идейная эволюция Н. Клюева часто оказывалась в противоречии с объективным ходом истории, с культурным и социальным прогрессом. Односторонне представляя себе связь времен, он противопоставлял патриархальное прошлое настоящему, догматически понимал отношения между

Далевское литературоведение. Вып. 2.

деревней и городом. Поэт использовал народные мифы, сказки и легенды для обоснования явно устаревших идеалов, проявляя при этом удивительную приверженность к застойному крестьянскому быту, веря в непреходящую силу дедовского обычая.

Внеисторично не то, что Н. Клюев обращался к мифам и преданиям, находил в них отражение народных мечтаний о счастливой жизни. Внеисторична сама его концепция, внеисторично отношение поэта к современной деревне, наивна попытка создать модель будущего из обломков патриархальной старины. Воспевая трудящегося человека «с молотом в руках и медвежьей шкуре», поэт пел гимн свободному человеку [6].

В фольклорных преданиях, легендах, эпических песнях и сказках поэт ищет прообраз будущего крестьянского общежития, не знающего отчуждения человека от природы и страха перед «железным гостем». Поэт выстроил в своей поэзии крепкую бревенчатую избу, умело разукрасил ее, но дорогу из избы в город так и не нашел: *«Не зовите нас в Вашингтоны, / В смертоносный, железный край»*. Он смотрел на проблему «город и деревня» из узкого окна заснеженной заонежской избы, но в деревенскую тишину врывается скрежет железа: *«Но крик железа глух и тяжек, как валун, / Ему не свить гнезда в блаженной роще струн»*. Избы родного села нуждаются в защите от «железного дьявола». *«Облака из ковриг»* должны заслонить *«ад электрический»*. Стремление превратить Россию аграрную в индустриальную Н. Клюев воспринимал с отвращением как предвестие экологической катастрофы. Поэма «Погорельщина» – это своеобразное завещание поэта потомкам, полное пронизательных пророчеств и предупреждений, которым они, к сожалению, не вняли. Н. Клюев прибегает к апокалипсическому сюжету о приходе антихриста. Змей приползает с запада *«по горбылям железных вод»* и уничтожает все, начиная с людей и кончая природой. С его появлением умирают лучшие обитатели Великого Сига, а затем бесследно исчезают птицы и животные. Именно он превратил родину поэта в погорельщину – местность, лишённую жизни, страну без

Далевское литературоведение. Вып. 2.

единого цветика. Остаются лишь отбросы – человеческий сброд, горящий песни под тальянку. Животные тоже перерождаются, превратившись в «темное зверье». В поэме отчетливо проглядывают черты современной Н. Клюеву советской действительности. Основная мысль «Погорельщины» – «Природа выше цивилизации» – выходит за рамки национальной проблематики и вплотную соприкасается с вопросом вопросов, к которому сегодня приковано внимание человечества – экологической ситуации в мире. Далеко заглядывал певец Заонежья, показывая современникам пагубное воздействие индустриализации на природу и духовный мир человека. Природа действительно оказалась ценнее цивилизации. В ХХI век мы вступили со сложнейшими проблемами, порожденными и варварским отношением к природе, к среде обитания людей.

Поэзия Н. Клюева пестрая, неоднородная, объединяющая разные стилистические приемы – от самых архаических до модернистских. Разобраться в таком сложном, а порой и противоречивом явлении, как поэзия Николая Клюева, исследовать неповторимые особенности его идиостиля и послужило целью данной статьи.

В. Брюсов очень тонко заметил: «Поэзия Н. Клюева похожа на <...> дикий, свободный лес, не знающий никаких «планов», никаких «правил». Стихи Клюева вырастали тоже «как попало», как вырастают деревья в бору» [7]. Среди этого дикого леса встречаются и высохшие деревья, замшелые пни, непроходимые чащобы. Мировоззрение Н. Клюева, осложненное патриархальными иллюзиями, не могло не сказаться на художественном мышлении поэта, на всей его образной системе. У Н. Клюева ветхозаветное восприятие мира. Этим отчасти объясняется статичность творческого метода.

Не подлежит сомнению гуманный пафос клюевских стихов о природе: беречь природу, по-хозяйски к ней относиться, заботиться о ней для блага будущего. Можно понять поэта, болевшего за судьбу родной природы. Экологическая проблема с особой остротой и теперь волнует людей. Но верно и то, что Н. Клюев, защищая первозданную

Далевское литературоведение. Вып. 2.

природу, совершал насилие и над нею самой, отлучая природу от цивилизации, социального прогресса, от человека XX века. В лирику природы поэт вкладывал свой философский смысл, оставаясь верным патриархальному мировоззрению. Беспокоясь за сохранение среды, в которой привык жить крестьянин, Н. Клюев превращается в своеобразного «олонецкого Руссо». В этом состояло его глубочайшее заблуждение. У автора своя тропа в большую национальную поэзию. Она идет не через мировоззрение патриархального мужика, а через внутреннее родство с народным художественным миром, с фольклорной эстетикой.

Николай Клюев не знакомит читателя с устно-речевой народной культурой, не цитирует ее, а творит в уникальной форме своей языковой личности, которая включает в себя в значительной мере традиционную деревенскую культуру, устную и письменную традиции старообрядцев, семиотику современных ему литературных течений и другие культурные коды <...> Неизбежным следствием этого является сложность <...> интерпретации произведений поэта <...>» [4, с. 33].

Действительно, невозможно осмыслить творчество Николая Клюева вне многих других контекстов. Особый интерес представляет для нас его «Избяные песни», в которых все внимание поэта сосредоточено на архаическом фольклоре и народных религиозных верованиях, все наполнено поэтической стариной, особенным миром исторической и бытовой действительности, древними и реально существующими представлениями культурного характера: «осиротелая изба», «конек на крыше», «печь», «пузан-горшок», «избяная тварь» «сохатый телок», «понурая корова», «кот Мурлыка», «курица-рябка», «запечные бесенята» участвуют в похоронном обряде. Одухотворена природа, весь вещественный мир: *Сентябрь-скопидом в котловин сундуки / С сынком-листодером ссыпал медажи; как ель под пилюю, вздохнула изба, насупилась изба, оком деревянным уставилось окно в темноту, плачет каплями ветер, спит лохань, притихла метла, изжаждалась бадья, мочалка тоскует, лежанка ждет кота, пузан-горшок хозяйку, осиротела печь, заплаканный горшок с таганом*

Далевское литературоведение. Вып. 2.

шепчутся [8, с. 381-384]. Это своеобразный дифирамб природе.

У Н. Клюева многообразно представлена низшая мифология, предшествующая религиозным верованиям, т. е. «то своеобразное мировоззрение первобытного человека, по которому вся природа оживлена, наделена особой самостоятельной жизнью» [2, с. 23]. Природа сама по себе – величайшая эстетическая ценность. Отсюда берет начало клюевский окрыленный мужицкий пантеизм. Поэт уходит в глубь «соснового храма» или вместе с крестьянином-пахарем остается в избе или в поле, чтобы отслужить молебен матери-природе, земле-кормилице. Восхищение природой, постоянные сближения между явлениями природы и жизнью крестьянина Н. Клюев находит в устном народном творчестве и в памятниках древнерусской литературы. Человек-труженик входит в природу, чтобы нравственно обогатиться. Самоощущение жизни немыслимо вне связей человека с природой, которая является негласным соучастником всех переживаний поэта. Этой одухотворенной природой живет поэзия автора. Слияние человека с природой Н. Клюев возводит в главный нравственный и эстетический принцип. Так, например, в стихотворении, посвященном А. Блоку, «Я болен сладостным недугом...» поэт пишет: *«Она везде, неуловима, / Трепещет, дышит и живет:/ В рыбацкой песне, в свитках дыма,/ В жужжанье ос и блеске вод./ В шуришанье трав – ее походка, / В нагорном эхо – всплески рук...»*.

Среди разнообразных флористических (дуб, ель, сосна, ракита, калина, малина, ивушка, лоза, осокорь, бересклет, лебеда, ковыль, душица, мята, зверобой, зарецвет, волчяк, белый мох, призор-трава) и анималистических деталей (орел, сокол, голубь, коноплянка, ворона, павлин, стрижи, лебедушки, утушка, соловка), имеющих сложное символическое значение, доминируют ель и птаха, связанные с семантикой зеленого и голубого цветов (земной и ангельский престолы): *сосновые слова, сосновый рай, хвойный прах, пазуха еловая, сафьяновые сосны*. Они являются также наиболее емкими в смысловом отношении. Ель и птаха представляют собой единый символический знак. Поскольку

Далевское литературоведение. Вып. 2.

ель – наиболее характерное для олоневского пейзажа дерево, оно составляет основу природного орнамента. Так, елью означены мотивы: духовного выбора (*волшебная елочка над светелочкой души*); утраты, забвенья (*смольный ельник, которым зарастают людские тропинки*); расплаты (*привязала лиходея ко дремучей ели, под елью белый мох*); ухода из мира (*келья под елью*). В поэзии Н. Клюева ель является хранительницей памяти народной («*Что ты, нивушка, чернешенька...*», «*О ели, родимые ели...*»). Ель – это и есть то «Словесное Дерево», осеняющее Русь: «*Ель Покоя избу осеняет, / А в ветвях ее Сириин гнездится...*».

Мировое Дерево у Н. Клюева – «коряга в небесных столбах», может быть представлено также Дубом, символизирующим вечность, изначальное Слово и самого Поэта. Значение «вербы непорочной» – чистота помыслов и красота песни. Чувство признательности природе как живому существу – глубокое народное чувство. Проникаясь им, поэт слагает дифирамбы «и зверям, и птицам, и гадам, всему земному дыханию» [5, с. 34]. Но природа не только кормилица, но и грозная стихия, с которой деревенскому труженику, особенно обитателю северных краев, приходилось вести жестокую неравную борьбу. Он должен был пробираться сквозь леса непроходимые, сквозь тундры и болота, и почти на каждом шагу изнемогал, боролся со зверями, утопал в реках и болотах, страдал от мороза, истреблявшего его посева. В таком положении вера служила для него подкреплением и утешением. Молиться же приходилось не в церкви, а в лесной часовне или просто в овраге, или в сосновом бору у замшелого пня. Не потому ли в стихах Н. Клюева мы находим метафорические выражения: «*И с полуночною звездой в овраг молиться ухожу*»; «*О, ризы вечера, багрянозолотые...*»; «*Заря, задув свои огни, тускнеет венчиком иконным...*»; «*Сосны молятся, ладан курия*»; «*Мнится папертью бора опушка...*»; «*Болото курится, как дымное кадило...*»; «*Галка-староверка ходит в черной ряске...*»; «*За оконцем месяц – божья камилавка...*»; «*В избе засюдела стена, как риза, рябой позолотой...*»; «*Монашка прядет паутины кудель...*»; «*Печь, как старица,*

Далевское литературоведение. Вып. 2.

вдохнула...»; «И схимник-бор читает требник...»; «Осина смотрит староверкой...»; «Прослезилась смородина, травный слушаю псалом...» и др.

Для Н. Клюева важны не сами по себе церковные атрибуты, а их метафорические уподобления. Н. Клюев благоговел перед «сосновой ризою», но не перед рясою. К официальным церковным обрядам он относился критически. К церковной фразеологии он прибегает лишь как к обычному элементу народной речи, издавна привыкшей пользоваться библейско-евангельскими выражениями, приспособляя их к быту и явлениям окружающей природы. В лирике природы поэт необыкновенно торжественен и прост – ясность, прозрачная чистота поэтического языка, по-народному сотканые «земляные псалмы» [2]. В поэтике Н. Клюева сама метафора становится символом, утверждающим священную красоту природы и ее связи с человеком. Все эти *ризы, венчики, кадила, староверки, камилавки, монашки, старицы, требники, псалмы* служат символами при изображении природы и человека. У природы свои «псалмы». Цель человеческого познания состоит в раскрытии тайного символического значения явлений природы.

Николай Клюев показывает вечную красоту суровой природы русского Севера, которая только на первый взгляд однотонна и бесцветна. Краски ложатся у поэта свободно, без принуждения. Сквозной мотив вышивания, ткачества, рукоделия сопровождается многослойным развитием семантики цветового ряда – алый (красный), черный, белый: *красные скрипучи каблучки, макасатовый красный сапожок, красный ливень, красная зорюшка, детина как малина, малина-губы, малинов куст; алоцветный, алый цветок, алый мак, тело заалело, алый левантин, алое сукно, алый кемрик; маковый свет, глагол краснозвонный, кровавый бисер и топаз, багровый саван, багряные игрища, звезда пурпуровая, розовый апрель, румяно-смуглые долины; черная монашка, черная ременная плеть, вести черные, чернотканый шатер; белый саван, белые холсты, сизый ладан, седые вербы.*

Природа для Н. Клюева – «книга народной судьбы», «сказка кряжистой избы». По ней можно узнать жизнь

Далевское литературоведение. Вып. 2.

крестьян. Все их заботы, хозяйственные дела упрятаны в картины природы: *«И нечем голые колешки/ Березке в изморозь прикрыть», «Как Ной ковчег, готовит дровни/ К веселым заморозкам дед», «Изморозь стелет рогожи, / Зябнет калины кора:/ Выдубить белые кожи/ Деду приспела пора», «Радость видеть первый стог,/ Первый сноп с родной полоски,/ Есть отжиночный пирог/ На меже, в тени березки», «Теплятся звезды-лучинки,/ В воздухе марь и теплынь./ Веселы будут отжинки,/ В скирдах духмяна польнь», «Спят за омежками риги, / Роща – пристанище мглы,/ Будут пахучи ковриги,/ Зимние избы теплы».*

У Н. Клюева постоянное уважение к природе и к мужицкому трудолюбию. Он считает себя представителем крестьянского мира, живущего в трудах на родной земле, в тесном общении с природой. Слово Н. Клюева сохраняет свое буквальное значение и в то же время устремляется в необозримые духовные глубины и выси. Поэт подходит к фольклорному тексту как к тексту Священного Писания. Так, например, рядом с деревом, дорастающим до «рая блаженна» стоит «дерево сухое», т. е. такое, которое должно быть «в огонь вметаемо» – ибо уже бо и секира при корени...». Но и ему оставлена надежда: *«Ко этому дереву/ Сама Мати сойдет, / Это дерево польет, / От этого древа/ Отрастут отростки/ От земли до неба, /До царства небесна, / До рая блаженна»* [8, с. 77]. Молитвой о милосердии заканчивается клюевский духовный стих: «Не суди нас, Боже, во многом, / И спаси нас, Спасе, во малом».

Н. Клюев использует в своих стихах самые различные художественные средства: контраст, звукопись, тропы, символику цветов, драгоценных камней, птиц, чисел. Все краски и звуки воспоены народной мудростью, заимствованы из окружающего быта и родной природы. Его цветовые образы яркие и броски. Отсюда такая новизна и точность его цветовых эпитетов: *кувшинковый звон, глазуревы лапти, серые беличьи леса, черемуховый май, огнекопытные кони. янтарная уха, позолотный берег, желтяный песок, сизый май, синеватая бровь, золото-белый Сири, раскосый рыжий закат, смарагдовая звезда, синие боры, вербы седые, пашни*

Далевское литературоведение. Вып. 2.

бирюзовые, малиновая речь, смуглый сад, райский бор. Наиболее часто в поэме встречается белый цвет, символизирующий в русском фольклоре нравственную чистоту, ассоциирующийся с понятием светлый, ясный, благодетельный, справедливый: *белые избы, белые стада, белоснежные цветы, белый гречневый посев, белокрылый Переяславль* и др. На втором месте стоит синий цвет с его оттенками: *синие саваны, синие озера, сарафаны сини, синеглазый Васятка, синечерный селезень, голубые паруса, голубой вечер, голубые лебеди.* Выразительные цветковые эпитеты, представляющие собой относительные прилагательные: *золотогривые кони, янтарное кресно, хрустальная светелка, вербный цвет, позолотный берег, конопляный свет, полынный шелк, сосновый звон, солнечные белки, сосновая зель, сафьяновые сосны, непорочно-жемчужная роза, хлебная ширь, яхонт заревой, золотая молва, златный дым, лазуревый бог, соловьиные раскаты, песноцветный рай, песногривый скакун, пшеничный рай, сумерки смерчковые, лен хрустальный, синева заонежских далей, зимняя синь, голубизна неба, седая изморозь, каменные глаза темных осенних ночей, глаза перловые, карий всполох глаз, хвойные ресницы, ситцевая белизна северного лета, горностаевы зимы, дни зимние косматые, совиные зарянки, невучая гроза, медынь яблоневая, песенная цветь.*

Насыщенные мифологической символикой, «Песни из Заонежья» поражают своей целомудренной простотой и гармоничностью. «Песни» как бы иллюстрируют слова Н. Клюева из письма А. Блоку: «народная песня, наружно всегда однообразная, действует <...> какой-то внутренней музыкой, опять-таки линией, и кому понятен язык линий, тому понятна во всей полноте и народная песня» [1, с. 502]. От старины до современности, от «досюльных» (старинных) преданий и обрядов до живых картин последнего времени – так в «Песня из Заонежья» развивается единая тема «цветика алого» народной души. В народной духовной поэзии «алы цветики» и «лазоревы цветы» – символ человеческой души, которой следует остерегаться мирских соблазнов и нечести («лютого мороза»). В стихотворении «Ах, вы, цветики,

Далевское литературоведение. Вып. 2.

цветики лазоревы...» загадочно и многозначно скрывается в каждом слове и образе иносказание. Сочетание эпитетов «лазоревый» и «алоцветный», уподобление цветов «красной зорюшке» указывает на их нездешнюю, небесную природу. Как цветы от мороза, погибает могота «свет-Миколушки» от «штофа зеленого». Поблекшему «алому цветику» уподобляется «свет-детина заудальный» – купецкий сын. Наиболее яркий пример – тема девичьей судьбы: *Лучше б тебе, девушка, родиться/ Во сыром болоте черной кочкой, / Чем немилу сапог разувати, / За онучею гривну искати, / За нее лиходея целовати!*» Лирической героине, девушке с «зарецветом на щеках», «алым маком на устах», суждено уйти в «белый скит».

Грозной силой веет от образа «Плясеи». Ее пляска – «вихорь», «прах летучий», «бурелом», «лешева погудка». От ее пляски «домовой завыл», «кот искры выбрызнул». Она манит, прельщает своим хмелем. Ее «косы – бор дремучий, сарафан – синь-туман». Героиня уподобляет себя подрубленной, насмерть раненной сосне в бору, шалой рыбе, что рвется в родной омут из невода. Перед нами уподобление облика девушки природе.

В клюевский цикл «Песен из Заонежья» влетает «сизый голубь», который превращается в юношу, чтобы разделить с девицей «красоту-любовь». Лирический герой «Песен» отмечен кротостью и красотой: «как малина», «тонкопеч и чернобров», «головушкой покорен», назван «сизым голубем». По народным поверьям, душа умерших превращается в дым, облако, пар. Душа может принять облик птицы, явиться сизым голубем, серой утушкой, черной галочкой, серым заюшком, горностаюшком. Такая символика широко представлена в причитаниях. В стихотворениях Н. Клюева отсутствуют прямые заимствования из причитаний, но он сохраняет анимистические представления о душе и смерти: *душа – колокл, дух живодерни, ведунконовал, примчавшийся шквал.* Ворона, «по закону Моисееву, как питающаяся трупами», – птица нечистая. Выпущенная Ноем, она прилетала и улетала, но не принесла желанной вести о возобновлении Завета [3, с. 136-137]. Ворона –

безобразная и неразумная вещунья, «каркунья загуменная», у Н. Клюева становится обозначением словесной мертвечины, «новых злых песен», символом «клеветы» на искусство («Вороньи песни», «Не буду писать от сердца...», «Клеветникам искусства»).

Все явственнее звучит в творчестве Николая Клюева мотив «заонежской», «запечной», «китежской», «пододонной» Руси. В его лирическом эпосе словно сливаются две жизни поэта, о разделенности которых он писал А. Блоку в 1909 г.: «Такой уж я человек зарожен, что от дум и восторгов и чаяния радости жизнь для меня разделена на два – в одном красота, «жемчужовые сны наяву», в другом нечто настоящее, про что говорить я не умею, но что одно со мной нерушимо, но что не казенный бог <...>» [1, с. 243].

Н. Клюев стремится создать обобщенный образ народной души, народной судьбы, используя богатейший этнографический материал своего края и опираясь на общерусскую фольклорную традицию. Мотив взаимодействия человека с родной землей – один из наиболее устойчивых в поэзии Н. Клюева. Однако житейские будни, усыпляющие душу, лишают человека возможности понимать язык природы и вещей. Вещи перестают быть добрыми житейскими спутниками и собеседниками. Изоржавевший сохлый мох на пахотном черноземе – это душа человека, живущего не в ладу с собой и миром, не нашедшего свой подлинный жребий.

Литература

1. **Азадовский К. М.** Николай Клюев: Путь поэта / К. М. Азадовский. – Л., 1990.
2. **Базанов В. Г.** С родного берега: О поэзии Н. Клюева / В. Г. Базанов. – Л., 1990.
3. **Библейская энциклопедия.** – М., 1990.
4. **Гольдин В. Е.** Народно-разговорное диалектное начало в поэзии Н. Клюева / В. Е. Гольдин // История и география русских старообрядческих говоров. – М., 1995.
5. **Кисилева Л. А.** У истоков «большого эпоса» Николая Клюева: «Песни из заонежья» / Л. А. Кисилева. – К., 2001.
6. **Матвеев Б. И.** Главная книга Н. А. Клюева, ее жанр и язык / Б. И. Матвеев //

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Русская речь. – 2001. – № 4. 7. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции / П. П. Червинский. – Ростов-н/Д., 1989. 8. Клюев Н. Стихотворения и поэмы / Н. Клюев. – М. : Молод. гвард., 1991.

Аннотации

Пирого Н. Г. Особенности художественного видения мира Николая Клюева

В статье исследованы стилистические особенности стихов Николая Клюева. Отмечены новые подходы к изучению различных явлений авторского стиля. Важное место среди художественных средств у поэта традиционно занимают эпитеты, метафоры, персонификации, устойчивые фразы и выражения, единицы фразеологии, паремии.

Ключевые слова: стилистика, художественные средства.

Пирого Н. Г. Особливості художнього бачення світу Миколи Клюєва

У статті вивчено стилістичні особливості віршів Миколи Клюєва. Підкреслено нові підходи до аналізу різних явищ авторського стилю. Важливе місце серед художніх засобів у поета традиційно займають епітети, метафори, персоніфікації, одиниці фразеології, паремії.

Ключові слова: стилістика, художні засоби.

Piroga N. G. Nikolai Kliyiev artictic vision peculiarities

In the article examined lingual-stylistic features of Nikolai Kliyiev's poems. New approaches to various phenomena in author individual style are noticed. Considerable place among artistically graphic facilities Traditionally withstand connections, metaphors, personification, transient-free phrases, phraseology units, paremiaes are having considerable place among artistically graphic facilities in this work.

Key words: artistically graphic facilities, lingual-stylistic.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Большакова Т. Л.**, преподаватель Оренбургского педагогического колледжа № 1, Почетный работник среднего профессионального образования РФ, член Союза журналистов России (Россия).
2. **Бычков Д. М.**, аспирант кафедры русской литературы Астраханского государственного университета (Россия).
3. **Евдокимов Н. А.**, кандидат исторических наук, профессор кафедры журналистики Восточнукраинского национального университета имени Владимира Даля, член Национального союза журналистов Украины.
4. **Зубова И. К.**, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Оренбургского государственного университета (Россия).
5. **Клейменова Р. Н.**, кандидат филологических наук, ученый секретарь Общества любителей российской словесности, директор музея В. И. Даля г. Москвы, Лауреат Фонда Митрополита Макария (Россия).
6. **Матвиевская Г. П.**, доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и истории математики Оренбургского государственного педагогического университета (Россия).
7. **Москалюк Б. А.**, старший преподаватель кафедры журналистики Восточнукраинского националь-

Далевское литературоведение. Вып. 2.

ного университета имени Владимира Даля, заслуженный журналист Украины (Украина).

8. **Мусий В. Б.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина).
9. **Пирога Н. Г.**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии Института филологии и журналистики Вольнского национального университета им. Леси Украинки (Украина).
10. **Прокофьева А. Г.**, доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы Оренбургского государственного педагогического университета (Россия).
11. **Прокофьева В. Ю.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Россия).
12. **Старецкий Т. В.**, аспирант кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).
13. **Ткачева П. П.**, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).
14. **Фокеев А. Л.**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания педагогического института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Россия).
15. **Царева В. П.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Далевское литературоведение. Вып. 2.

- 16. Юган Н. Л.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Наукове видання

**ДАЛЕВСКОЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Збірник наукових робіт

**Випуск 2
Частина 1**

Редакційна колегія:
відповідальний редактор –
Юган Н. Л., кандидат філологічних наук

Члени редколегії:
Галич О. А. – доктор філологічних наук,
Гетманець М. Ф. – доктор філологічних наук,
Гусєв В. А. – доктор філологічних наук,
Кіченко О. С. – доктор філологічних наук,
Фєдоров В. В. – доктор філологічних наук,
Фрізман Л. Г. – доктор філологічних наук,
Ільїн С. О. – кандидат філологічних наук,
Недайнова Т. Б. – кандидат педагогічних наук

В збірнику наукових робіт, який було створено за матеріалами Міжнародної науково-практичної конференції «Далевское литературоведение – 2009», розглянуто актуальні питання сучасної філології та методики викладання.

Збірник адресовано широкому колу читачів: студентам-філологам, магістрантам, аспірантам, викладачам середніх спеціальних та вищих навчальних закладів, а також усім, хто цікавиться творчим доробком В. Даля.

Комп'ютерний макет – Юган Н. Л.

Здано до склад. 26.01.2010 р. Підп. до друку 26.02.2010 р.
Формат 60x84 1/16. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 14,88. Наклад 100 прим. Зам. № 49.

Видавець і виготовлювач

**Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»**
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. т/ф: (0642) 58-03-20
e-mail: alma-mater@list.ru

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.